

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 1562-0484 eISSN 2411-7234

№ 1 (86) январь – март 2017 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, А.А. Демидов, М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, Н.И. Пикуров, Н.Л. Селиванова,
Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

123557, г. Москва, ул. Пресненский вал, д. 17

Тел.: +7 (499) 702-85-76

E-mail: rovir@rfh.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 1562-0484 eISSN 2411-7234

No 1 (86) January – March 2017

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate III No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, A.A. Demidov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, N.I. Pikurov, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

17 Presnensky Val St., 123557 Moscow

Tel.: +7 (499) 702-85-76

E-mail: rovir@rfh.ru

*Навстречу 25-летию юбилею РФФЛ**Панченко В.Я. Во имя Науки* 9

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алексеев С.В.

Историко-генеалогическая традиция в сербских средневековых источниках 13

Селезнев Ф.А.

Вопрос о сепаратном мире с Германией в контексте борьбы российских элит (1914–1918 годы) 22

Горизонтов Л.Е.

Польские мемуарные свидетельства 1920–1930-х годов о Российской империи: обстоятельства создания и информационная ценность 32

ЭКОНОМИКА

Шевцова Т.В., Красинец Е.С.

Россия в фокусе миграции из Китая 44

Макарова С.Н.

Развитие теории прав интеллектуальной собственности в условиях информационного общества 56

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Хвостова К.В.

Междисциплинарный характер исторического знания 64

Дунаева Н.В.

Реформаторский законопроект как явление правовой культуры Российской империи XIX века 72

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Зубков К.Ю., Перникова А.С.

А.Н. Островский и Награда графа А.С. Уварова для драматургов 81

Лоцилов И.Е.

«Культурная революция» и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма» ... 89

Говар Н.А.

Артур Лурье: всепоглощающий дух эксперимента 101

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Василенко Т.Д., Земзюлина И.Н., Селин А.В., Симоненко И.А., Шевченко А.В.

Семья и психосоматическое здоровье ребёнка 112

Хватов И.А., Соколов А.Ю., Харитонов А.Н.

Филогенетические основы самоотражения высших позвоночных 122

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Куприянов П.С.

Полевые исследования Русской этнографической экспедиции в 2014–2015 годах: краткий обзор 131

Батченко В.С., Горланов С.С., Клемешов А.С., Лысанов В.Л. Исследования на хоре античной Горгиипии	138
Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Вашков А.А. Археологическое изучение памятников рубежа плейстоцена–голоцена в зоне береговой абразии северной части Красноярского водохранилища	146
Лиджиев А.Б. Шира югуры Китая: современное состояние	156

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Дронов М.Ю., Рокина Г.В. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.)	164
Пушкарёва Н.Л., Мицюк Н.А., Каиль М.В. Девятая международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур» (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.) ...	168
Нерлер (Полян) П.М., Зуев Д.В., Видгоф Л.М. Симпозиум «Осип Манделъштам и XXI век» (Москва, 1–3 ноября 2016 г.)	173
Трубочкин Д.В. Международная конференция «Театр и театроведение в начале XXI века: поиски, проблемы, тенденции» (Москва, 15–16 ноября 2016 г.)	178

МИР КНИГИ РФФИ

Шевелёв Д.Н. — Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): Сборник документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. — 748 с.; Т. 2. — 734 с.	183
Чернецов А.В. — Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П.Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2015. — 816 с.: ил.	188
Скотникова Г.В. — Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века – начала XXI века. 1917–2017: В 3 т. / Сост., вступит. ст. А.Л. Казина. СПб.: Алетейя, 2016. — Т. 1: 1917–1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»)	193
Абрамов П.В. — Трубочкин Д.В. Древнегреческий театр. М.: Памятники исторической мысли, 2016. — 448 с.: ил.	198
Данько Л.Г. — Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915–1920 / Вступ. ст., расшифровка рукописи, исслед., коммент., подгот. к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — 576 с.: ил.	201

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки».....	206
--	-----

CONTENTS

Towards the 25th anniversary of RFBR

<i>Panchenko V.Ya. For the Sake of Science</i>	9
--	---

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Alekseev S.V. Historical and genealogical tradition in Serbian Medieval sources	13
Seleznev F.A. The issue of separate peace with Germany in the context of warfare between Russian elites (1914–1918)	22
Gorizontov L.E. Polish memorial evidence of the 1920–1930-s about the Russian Empire: circumstances of their creation and informational value	32

ECONOMICS

Shevtsova T.V., Krasinets E.S. Russia in the focus of migration from China	44
Makarova S.N. Development of the theory of intellectual property rights in a climate of the information society	56

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Khvostova K.V. Inter-disciplinary nature of historical knowledge	64
Dunaeva N.V. Reformatory law draft bill as a phenomenon of legal culture of the Russian Empire of the 19 th century	72

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Zubkov K. Yu., Pernikova A.S. A.N. Ostrovsky and Count A.S. Uvarov Award for the playwrights	81
Loshchilov I.E. “Cultural revolution” and avant-garde in Siberia of the 1920-s: “the ghost of communism”	89
Govar N.A. Arthur Lourié: the engrossing spirit of experiment	101

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Vasilenko T.D., Zemzyulina I.N., Selin A.V., Simonenko I.A., Shevchenko A.V. The family and the child’s psychosomatic health	112
Khvatov I.A., Sokolov A. Yu., Kharitonov A.N. Phylogenetic fundamentals of self-reflection of the superior vertebrates	122

FIELD RESEARCH

Kupriyanov P.S. Field studies of the Russian ethnographic expedition in 2014–2015: the brief review	131
---	-----

Batchenko V.S., Gorlanov S.S., Klemeshov A.S., Lysanov V.L. Studies on the Chora of ancient Gorgippia	138
Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasyuk I.V., Vashkov A.A. Archeological study of monuments dating back to the Pleistocene period turning to Holocene in the coastal erosion area in the northern part of Krasnoyarsk water-storage reservoir	146
Lidzhiev A.B. The Shira Yugurs of China: the current state	156

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Dronov M. Yu., Rokina G. V. International scientific conference: "Russians and Slovaks in the historical retrospective: culture, politics and historical memory" (Yoshkar-Ola, September 20–22, 2016)	164
Pushkaryova N.L., Mitsyuk N.A., Kail M.V. The ninth international scientific conference of RARWH and IEA RAS "Motherhood and fatherhood through the lens of time and cultures" (Smolensk, October 13–16, 2016)	168
Nerler (Polyan) P.M., Zuev D.V., Vidgof L.M. Symposium "Osip Mandelstam and the 21 st century" (Moscow, November 1–3, 2016)] ...	173
Trubochkin D.V. International conference "Theater and theater studies in early 21 st century: the search, problems and trends" (Moscow, November 15–16, 2016)	178

THE RFBR BOOK WORLD

Shevelyov D.N. — The Council of Ministers of the Russian Government: minutes (November 18, 1918 – January 3, 1920). Collection of documents / Compiler and science editor V.I. Shishkin. Novosibirsk: Publishing house of SB RAS, 2016. V. 1. – 748 p.; V. 2. – 734 p.	183
Chernetsov A.V. — Bauer N.P. The history of ancient Russian monetary systems of the 9 th c. – 1535. / Edited by P.G. Gaidukov. M.: Russian Word, 2015. – 816 p.: with illustrations	188
Skotnikova G.V. — Fates of the Russian spiritual tradition in Russian literature and art of the 20 th – early 21 st century. 1917–2017: in 3 volumes. / Compiler and introductory article by A.L. Kazin. SPb: Aleteya, 2016. – V. 1: 1917–1934. – 544 p. – (Series "Value bases and structure of a work of art in the semantic space of the Russian culture")	193
Abramov P.V. — Trubochkin D.V. Ancient Greek theater. M.: Monuments of the historical thought, 2016. – 448 p.: with illustrations	198
Danko L.G. — Findeisen N.F. Diaries. 1915–1920 / Introductory article, manuscript transcription, researcher's comments and preparation for the publication by M.L. Kosmovskaya. SPb: Dmitry Bulanin, 2016, – 576 p.: with illustrations	201

REMINDER TO THE AUTHOR IN JOURNAL OF RFBR

Humanities and social sciences magazine	206
---	-----

*В.Я. Панченко,
академик РАН,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Во имя Науки

Уважаемые читатели! Перед вами первый номер новой серии журнала «Вестник Российского фонда фундаментальных исследований», издаваемого с 1994 года.

Эта серия будет носить название «Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки» и продолжать традиции «Вестника Российского гуманитарного научного фонда», выходявшего в свет ежеквартально с 1995 по 2016 год.

В феврале 2016 года Правительство страны приняло решение о присоединении Российского гуманитарного научного фонда к Российскому фонду фундаментальных исследований. Объединение фондов усилило общие позиции и открыло отечественным учёным новые возможности для междисциплинарных исследований на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Примером тому являются недавно объявленные конкурсы междисциплинарных фундаментальных исследований.

Примечательно, что первый номер журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» выходит в свет в юбилейное для Фонда время. В апреле нынешнего года исполняется 25 лет со дня выхода Указа Президента Российской Федерации о создании РФФИ.

Фото 1. В.В. Путин и лауреаты Премии Президента РФ в области науки и инноваций для молодых учёных за 2016 год

Четверть века — это не только юбилейная дата, но и повод проанализировать пройденный путь и наметить ориентиры на будущее.

Созданный по инициативе учёных, Фонд живёт и действует именно для них. И это не просто красивые слова. Принимать участие в конкурсах РФФИ могут все российские учёные независимо от учёного звания, степени или должности, а также независимо от ведомственной принадлежности научной организации, в которой работает грантозаявитель. Деятельность РФФИ дала новый импульс развитию творческой активности учёных, изменила их психологию, способствовала адаптации к новым условиям, в которых успех зависит от инициативы и таланта каждого учёного.

В Фонде создана чёткая система экспертизы с привлечением ведущих учёных России, которая обеспечивает отбор лучших идей и способствует выявлению наиболее перспективных научных направлений и концентрации усилий исследователей именно на этих направлениях.

Предметом гордости и особой заботы Фонда является программа поддержки молодых учёных. С каждым годом обновляется и расширяется спектр молодёжных конкурсов, успешно реализуется модель адресной поддержки талантливой молодёжи, основанная на «сквозных конкурсах» по цепочке «студент — аспирант — научный сотрудник». Показателен тот факт, что все лауреаты Премии

Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых учёных за 2016 год являются руководителями или исполнителями поддержанных РФФИ проектов (фото 1).

Весомым вкладом в сокровищницу отечественной научной мысли является издательская программа РФФИ. За годы деятельности Фонда на конкурсной основе поддержано издание более 5000 научных книг: индивидуальных и коллективных монографий, сборников статей и т.д. (фото 2).

Перечень впечатляющих успехов, достигнутых отечественными учёными благодаря финансовой поддержке Фонда, велик. Главное — наука в России не только жива, но и развивается, и в этом немалая заслуга РФФИ.

В августе 2016 года Правительство утвердило новый Устав Фонда, а в сентябре — состав его главного коллегиального управляющего органа — Совета РФФИ, в который вошли работающие в естественно-научной, технической и гуманитарной сферах крупные учёные из ведущих академических и отраслевых НИИ, университетов, государственных академий, представители Минобрнауки, Российского научного фонда, общественных организаций, бизнес-структур (фото 3).

Каждый год деятельности РФФИ — это не только новый этап в развитии самого Фонда, это новые открытия и достижения российских учёных, а значит — новые шаги за горизонты науки.

Фото 2. На выставке книг, изданных при финансовой поддержке РФФИ

Фото 3. Участники заседания Совета РФФИ (15 февраля 2017 г.)

Поздравляя с 25-летием сотрудников РФФИ, многотысячный коллектив экспертов и грантодержателей Фонда, хотелось бы пожелать всем здоровья, оптимизма, смелости научного поиска и творческих взлётов на благо развития российской науки!

A handwritten signature in blue ink, appearing to be the name of the author of the text above.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(497.1)(093.3)
ГРНТИ 03.91

С.В. АЛЕКСЕЕВ*

Историко-генеалогическая традиция в сербских средневековых источниках

В статье рассматривается отражение историко-генеалогической традиции в сербских средневековых источниках. Сербская историческая литература до последней трети XIV в. не знала летописного жанра, и опыты связного представления истории сербских земель всегда тяготели к жанру «родослова», генеалогического предания. Такого рода предания широко отмечены в устной традиции сербских земель и в Новое время. В этом ряду оказывается и древнейший, вероятно, памятник сербской историографии — так называемая «Летопись попа Дуклянина», предположительно относящаяся к XII–XIV вв. Далее восприятие образованной средой архаической традиции «родослова» продолжают рисованные родословы — «лозы Неманичей» на стенах сербских храмов XIV в. Параллельно историко-генеалогический, поколенный принцип изложения воплощается и в своде «Житий королей и архиепископов Сербских» Даниила II и его продолжателей, создававшемся около 1314–1376 гг. «Старшая сербская летопись» также в значительной степени тяготеет к построению родослова. Наконец, одновременно с ней, в 1370-х гг., появляется собственно писанный родослов, сочетающий черты литературно-исторического произведения и генеалогического предания. В статье рассмотрены источники и методы составления первоначального «Родослова» XIV в.

Ключевые слова: история средних веков, источниковедение, Сербия, старосербская литература, родословы, агиография, летописание

* **Алексеев Сергей Викторович** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», руководитель проекта «Памятники сербской средневековой историографии XII–XVII вв.: перевод и исследование» (13-01-00118а).
E-mail: ipo1972@mail.ru

Средневековая историческая литература сербских земель обладает рядом характерных черт, обусловленных особенностями складывания и развития сербской государственности и культуры. Наиболее традиционная форма историописания в большинстве средневековых стран — летописание — в Сербии появляется только в последней трети XIV в., в канун османского завоевания. Формой исторического повествования до этого в государстве Неманичей (XII–XIV вв.) служили жития королей и первоиерархов. Все ранние памятники сербской историографии представляют историю как цепь взаимосвязанных жизнеописаний, и смена поколений правителей — единственная представленная в них форма исторического времени. Использование устных источников, в том числе об отдалённом прошлом, также характерно для сербской средневековой литературы на протяжении всей её истории. Эти особенности и их причины были подробно охарактеризованы в работах автора [1–3].

Многие из них связаны с богатой в сербских землях традицией устных историко-генеалогических преданий, «родословов», являющихся одной из черт склонной к сохранению патриархально-родовых норм сербской культуры. Устный «родослов» дожил до нового времени, прежде всего в Черногории и Герцеговине, где в условиях крушения средневековой государственности произошла реставрация архаического родоплеменного уклада. Но и во внутренних сербских областях, в Загорье, этот жанр известен. А «вторичная архаизация» начала XXI в. (о феномене см., напр.: [4]) вкупе с модой на генеалогические изыскания привела к вторичному приходу древнего родословного жанра в писаную литературу.

В Средние же века «родослов» являлся, строго говоря, единственной схемой воспроизведения истории как процесса. Древнейшим памятником сербской исторической литературы является, вероят-

но, сохранившаяся на латинском языке «Летопись попа Дуклянина», датируемая разными авторами в пределах XII–XIV вв. (изд.: [5]; рус. пер.: [6]). Несмотря на традиционное и не слишком удачное название (предлагалась более уместная альтернатива «Барский родослов»), летописью памятник не является ни в каком смысле. Привязки к «внешней» истории в нём чрезвычайно редки, а хронология в смысле датировки событий полностью отсутствует.

«Летопись» представляет собой повествование, связываемое генеалогией (фиктивной) династии Остроиловичей, будто бы правивших «Королевством славян» со времён прихода последних в Адриатический регион. Из этого мифического «родослова» выведена история реальной трebinьско-дуклянской династии Белоевичей-Воиславичей, прославлению которых посвящена «Летопись». Однако компилированный из многочисленных сербских и хорватских правителей родословный ряд построен на одних и тех же принципах, очевидно, хорошо известных автору. Основу структуры текста составляет поколенный родословный перечень, распространяемый в уместных случаях за счёт эпических преданий или (ближе к современности) исторических сведений о том или ином правителе.

Держава Неманичей первое время не знала собственной родословной традиции. Вернее, в ранних «исторических» житиях, посвящённых основателю государства Стефану-Симеону Немане и его сыну, первому сербскому архиепископу Саве (изд.: [7, с. 151–175; 8–10]; пер.: [11, с. 58–319]), традиция «родослова» в определённом смысле отторгалась. Период до Немани рассматривался как время господства ересей. Ни его родители, ни старшие братья, являясь действующими лицами житий, не назывались по именам.

Но со сменой поколений самих потомков Немани ситуация меняется естественным образом. В начале XIV в. на стенах сербских храмов появляются рисованные родословы — изображения «Лозы

Неманичей». Известнейшие из них и лучше всего изученные — наиболее ранние: в Грачанице (ок. 1315) (фото 1), в Пече (ок. 1324–1330) (фото 2), в Высоких Дечанах (1346–1347) (фото 3) [см.: 12, 13]. Само по себе графическое представление родословной правящих домов не было сербским новшеством. Оно известно в Европе с раннего Средневековья (см., напр.: [14]). Образцом для сербских генеалогий могли послужить французские «галереи королей», знакомство с которыми обусловила брачная связь с Анжуйским домом. Непосредственным же прообразом стала православная иконография «Лозы Иесевой» (рода царя Давида). Однако явной особенностью сербской «Лозы Неманичей» являлось отсутствие у неё письменных исторических источников. На момент своего создания первая «Лоза» являлась единственным сводным «текстом» о сербской истории последних полутора веков.

Восполнить потребность державы Неманичей, расширившейся к тому времени на приморские и македонские земли, в писаной истории постарался вероятный автор печской «Лозы» архиепископ Сербский Даниил II (1324–1337). Скорее всего, именно «Лозы» стали не только воплощением, но и источником ключевой его мысли о Неманичах как «святой лозе», династии святых, ставшей знаковой для сербской религиозности и исторической памяти. Соответственно, и начавший создаваться им, а после продолженный и окончательно оформленный неизвестным его учеником цикл «Жития королей и архиепископов Сербских» (изд.: [15]; пер.: [11, с. 328–486] строился по привычной модели родослова, хотя напоминал и византийские хроники в форме императорских биографий. Характерно, что в раннее Новое время в самой Сербии свод Даниила и его продолжателей часто воспринимался именно как «родослов». Причём такое определение относилось и к «епископской» части свода, в законченном виде воспроизво-

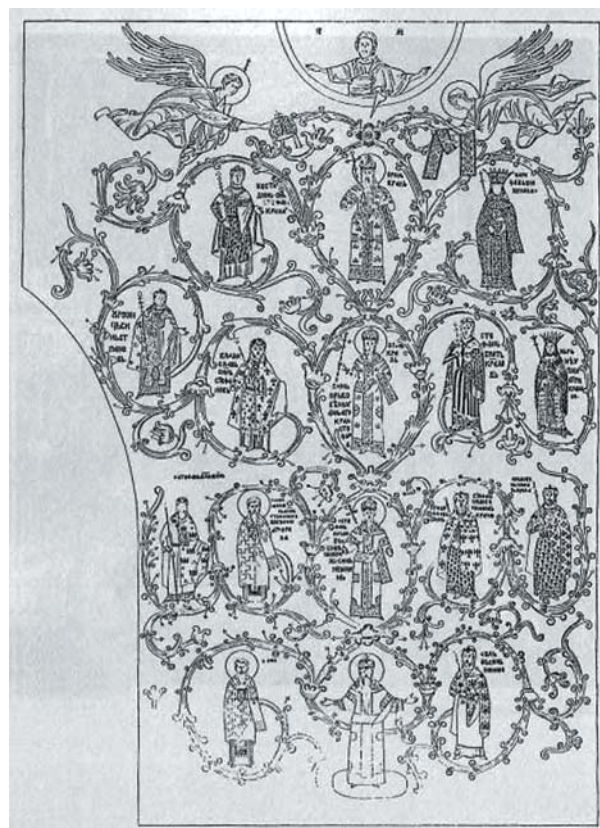

Фото 1. «Лоза Неманичей» из монастыря Грачаницы

Фото 2. «Лоза Неманичей» из церкви Богородицы в Печской патриархии

Фото 3. «Лоза Неманичей» из монастыря
Высокие Дечаны

дящей ту же схему изложения по «поколениям»-правлениям.

Сербские летописи весьма отличаются от летописей в древнерусском понимании — пространных памятников, содержащих детальные повествования или, по крайней мере, сравнительно подробные хроникальные сообщения об описываемых событиях. Гораздо больше они напоминают западноевропейские средневековые анналы в наиболее лаконичных вариантах. Это серии лапидарных заметок, не столько описывающих факты, сколько называющих их.

Параметрам «летописания» в русском или в средневековом болгарском (судя по так называемой «Анонимной болгарской хронике» начала XV в.) вариантах

отвечает только «Старшая летопись» в обеих своих редакциях [16, с. 62–85]. Это произведение, сочетавшее черты житий, летописи и родослова, далеко от аналитической формы и включает пространную повесть о Косовской битве и князе Лазаре. Очевидно, на его возникновение повлиял факт знакомства сербов с византийскими хрониками Амартола и Зонары, оказавшими влияние и на летописцев в других славянских традициях.

«Старшая летопись» была создана около 1372 г., а уже незадолго до 1377 г. появляется первый в ряду сербских позднесредневековых родословов. Родословы являлись несколько запоздалой прямой трансляцией в литературу устной историко-генеалогической традиции в форме, максимально близкой фольклорному бытованию. До этого на протяжении двух веков она служила только источником письменной историографии. Родослов представлял собой генеалогический перечень, от случая к случаю расширяемый короткими рассказами о тех или иных персоналиях. Рассказы эти могли черпаться составителями писаных родословов как из устной, так и из письменной традиции, как из родового или «народного» предания, так и из церковной легенды. Яркой и парадоксальной особенностью писаного родослова при создании уже первой его версии стала фантастическая книжная легенда о происхождении Неманичей от императора Лициния. Крайне искусственно (Лициний объявлялся прадедом Немани!) предпосланная собственно родослову древней династии, она затем перешла и в позднее летописание. Сам факт вторжения генеалогического жанра в литературу, вероятно, связан с его первоначальным появлением при дворе бана Твртко в Боснии [17], не знавшей иных форм историографического творчества.

Родословы XIV–XV вв. связаны с более или менее явным прославлением и стремлением подчеркнуть легитимность отдельных династий и их представителей:

Твртко, князя Лазаря и его семьи, Бранковичей. С окончательным падением Сербского государства создание новых родословов практически прекращается. Лишь во второй половине XVI в. создаётся «Родослов Якшичей», прославляющий это семейство и призванный показать его потомка по женской линии, Ивана Грозного, законным наследником сербских царей. Все это указывает на тесную связь письменного родослова с лежащим в его основе устным преданием и генеалогическим перечнем конкретного владетельного рода. В XVII–XVIII вв., однако, к жанру родослова вновь обращаются авторы, стремящиеся показать прошлое величие сербской государственности.

Живучесть архаической модели, как уже говорилось, подкреплялась живым бытованием генеалогических преданий, построенных по совершенно аналогичной схеме. Много родовых перечней, в основном «линейных», но иногда в сопровождении более или менее пространных преданий-повествований, записано в XIX–XX вв., прежде всего в Черногории.

Способ трансляции родословного предания в старосербскую литературу иллюстрируется источниками и методами работы составителя первого писаного родослова, так называемого «Родослова бана Твртко». С. Новакович и Л. Стоянович, первыми занявшиеся детальным исследованием сербских родословов, полагали, что древнейшая форма «Родослова» [16, с. 2–39] могла быть создана в первой половине XV в. болгарским агиографом и филологом Константином Философом-Костенецким. Соответственно, в числе источников «Родослова» оказывались «Старшая летопись» и ряд других письменных памятников второй половины XIV – начала XV в., не говоря о более ранних. Однако Д. Радойчич [17], рассматривая содержание и структуру первоначального родослова, убедительно связал появление его протографа с коронацией боснийского бана Твртко королём Сербии и Боснии в 1377 г.

Действительно, «Родослов» обосновывает принадлежность Твртко к роду Неманичей и его права на престол, в то же время называя его ещё лишь баном – т.е. только подкрепляя будущее принятие королевского титула. В Сербии «Родослов» расширялся в конце XIV – первой половине XV в., что отразилось в его списках. Расширение это происходило при дворе сербских деспотов, родоначальник которых, князь Лазарь, являлся союзником Твртко. В частности, при дворе деспота Сербии Стефана Лазаревича с «Родословом» работал Константин Костенецкий, создавший позже для «Жития» деспота собственную его оригинальную сокращённую версию.

Иначе, по сравнению с видением впервые детально рассмотревшего эту проблему Л. Стояновича, решается вопрос и об источниках «Родослова». Основная часть информации «Родослова» о генеалогии и правлении Неманичей – устного происхождения. На это указывают и грубые ошибки, относящиеся как к полулегендарным временам (превращение отца и одного из дядьев Немани в его братьев), так и ко временам, уже описанным в «Житиях королей и архиепископов» (разделение короля Уроша I на двух персонажей, якобы отца и сына). Последнее свидетельствует также против работы автора «Родослова» в собственно Сербии и против его непосредственного знакомства не только с «Житиями», но и с иконографическими родословами. История о двух крещениях Немани, которую Стоянович считал восходящей к «Житиям св. Симеона» Стефана Первовенчанного и Савы, в «Родослове» излагается совершенно иначе, чем там, – Неманя крестится уже в зрелом возрасте, причём именно о двух крещениях говорится только в авторской редакции патриарха Паисия (XVII в.), «Жития» хорошо знавшего. Вероятные заимствования из летописей имеются лишь в двух из четырёх редакций старейшего «Родослова», Паисиевой и Карловацкой, причём разные в той и дру-

гой. Только в одном Карловацком списке использованы «Житие Стефана Дечанского» Григория Цамблака и «Житие Стефана Лазаревича» Константина Костенецкого.

При создании фантастической легенды о происхождении Немани от римского императора Лициния автор «Родослова» использовал письменные источники, как минимум «Пролог». Славянский «Паралипоменон Зонары» использовался в редакции, близкой сербской переработке при дворе Стефана Лазаревича (1408). Однако сама по себе легенда не была всецело изобретением автора – византийская генеалогия Неманичей подчёркивалась в окружении жены, затем вдовы Душана Елены Асень-Комнин уже в 1350-х гг. и отразилась в плохо сохранившейся «лозе Неманичей-Асений-Комнинов» со стены церкви Богородицы в Матейче. Автор «Родослова» лишь поместил её в рамки фантазмагорической картины истории, в которой Неманя оказывается правнуком Лициния.

Таким образом, автор был совершенно неспособен даже приблизительно соотносить хронологию Зонары с сербской историей, а также незнаком с подробностями «официальной» сербской версии. Это ещё одно подтверждение его работы вне Сербии и вообще в удалении от центров не только византийского, но и в целом внешнего культурного влияния.

Находившаяся в религиозной полуизоляции Босния является логичным вариантом. К тому же стоит отметить сходство «хронологии» автора с «Болгарской апокрифической летописью» конца XI в. В ней Константин Великий ещё более странным (но вполне в логике фольклора) образом отождествлён с Константином VII Багрянородным (945–959). Однако автор «Родослова» был православным и, скорее всего, выходцем из собственно Сербии или Приморья, может быть, не в первом поколении. Не исключено, что непосредственное знакомство с хроникой Зонары относится уже к позднейшим переработкам «Родослова» в пер-

вой половине XV в., с чем связаны серьёзные расхождения списков в его начальной части.

«Родослов Твртко» – старейший памятник жанра, он отличается от позднейших значительной развёрнутостью, обширными периодами чистого повествования, особенно в начальных частях. Это сближает его с созданной в те же 1370-е гг. «Старшей летописью», от которой он принципиально отличается по большому счёту только отсутствием дат. Оба памятника, в свою очередь, структурно восходят к устному родословному преданию, с характерной для последнего привязкой отдельных «сюжетов» к родовой истории.

Структура первоначального родослова восстанавливается следующим образом. Сначала идёт подробное повествование о Константине и Лицинии, восходящее в конечном счёте к византийским источникам. Оно составляет более трети текста «Родослова». В хроникальное изложение вплетена известная в южнославянской литературе житийная легенда о мученице св. Ирине-Пенелопе, изначально с императором Лицинием не связанная. Далее, после короткого описания происхождения Немани, следует повествование о нём и о св. Саве. Здесь единственный раз в тексте присутствуют риторика и библейские цитаты. После этого идёт весьма лаконичное (в первоначальной редакции родослова) перечисление потомков Немани по коленам. Заключают родослов генеалогия Твртко от короля Драгутина и приписка-дополнение о потомстве Вукана Неманича, имеющая целью связать с Неманичами Лазаревичей.

Автор «Родослова» всячески подчёркивает сочинённую им преемственность сербской истории от античной. У него не только Лициний является «сербом», что в конечном счёте восходит к данным о его дакийском происхождении, но и сам Константин происходит «от корня и племени рашских [т.е. сербских] господ», для чего нет уже никаких оснований в источниках «Родослова». Более того, фразу

можно понять и так, что сам Август (якобы предок Константина) как-то связан с «рашскими господами» — и именно так это было понято патриархом Паисием в XVII в. Развёрнутый генеалогический миф, показывавший величие предков династии и их родословную связь со святым царём, возможно, был призван заместить собой какие-то иные родовые предания. Во всяком случае, ещё жили древние представления о происхождении сербских династов, не вписывавшиеся в каноническую концепцию. Следы старой традиции присутствуют в самом «Родослове» («поп» Тихомил и «епископ» Чудомил как предки Немани, его позднее крещение) и в поздних памятниках (сведения о «манихействе» предков Немани в «Троношском родослове» XVIII в.). Могли старые предания противоречить и выгодному представлению об автохтонности сербов на Балканах, и концепции приоритета Загорья-Рашки в строительстве сербской государственности. К XV в. в Дубровнике и Хорватии знали «Летопись попа Дуклянина» с её историей завоевания земель по Адриатике и древней приморской Дуклянской державы.

На оформление генеалогии Немани в родослове повлияло слияние данных о предках и первых поколениях Неманичей. Едва ли не отправной точкой стало знание составителя о том, что ктиторм Георгиевых Столпов в Будимле являлся Первослав, сын Тихомира (на самом деле племянник Немани). В итоге этот Первослав был отождествлён с одноименным братом Завиды, отца Немани, а Тихомир — с полулегендарным предком сербских жупанов Тихомилом, известным из «Летописи попа Дуклянина». Что касается самого Завиды, то с ним связывается церковь Свв. Петра и Павла в Белом Поле,

строителем которой ктиторская надпись называет его сына Мирослава. Видимо, какие-то основания для этого были в связанной с церковью традиции. Автор «Родослова» вставляет в повествование и приурочивает к возведению на архиепископство св. Савы список сербских епархий. Источником этого списка, в конечном счёте, является грамота Савы и его брата короля Стефана Первовенчанного 1219 г. об учреждении епископств. Эта грамота позднее дополнялась, и в итоге сложился перечень епархий, включающий и заведомо отошедшие к Сербии после Савы (Белград, Браничев).

Характерно, что автора «Родослова» родословная боснийских банов интересует только в контексте их связей с Неманичами. О происхождении самих боснийских Котроманичей «Родослов» ничего не говорит. Это недвусмысленно характеризует автора как выходца из собственно Сербии, хотя и поддерживающего претензии Твртко на наследие Немани.

Устная историко-генеалогическая традиция на протяжении всего Средневековья оставалась основной формой исторической памяти для сербского общества, включая и аристократию. В силу этого родословное предание разными способами, но всегда явно, транслировалось в историческую литературу, пока не воплотилось в ней как особый жанр родослова. Последний дожил до XVIII в. При этом, однако, попадая в сферу средневековой книжности, устный родослов преобразался под воздействием принятых литературных канонов, испытывал воздействие письменных источников. Подобное смешение архаики и новой традиции представляет оригинальную, хотя и не совсем уникальную в Европе, черту сербского историко-литературного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 148–156.
2. Алексеев С.В. Фольклор в сербской исторической литературе средневековья // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 207–214.
3. Алексеев С.В. Жития правителей и первоиерархов Сербии: историческая агиография в контексте переходной культуры // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 9. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 50–108.
4. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 35–42.
5. Gesta Regum Sclavorum. Т. 1. Београд: Историјски институт, 2009.
6. Алексеев С.В. Летопись попа Дуклянина: перевод и комментарий. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015.
7. Списи св. Саве. Београд; Сремски Карловци: Српска краљевска академија, 1928.
8. Јовановић Т. «Житије светог Симеона» Стефана Првовенчаног према препису средине XV века // Археографски прилози. 33 (2011–2012). Београд, 2012. С. 103–191.
9. Доментијан. Живот светого Симеуна и светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1865.
10. Живот светого Саве / Изд. Ђ. Даничић. Биоград, 1860.
11. Алексеев С.В. Памятники сербской средневековой историографии XIII–XVII вв. Переводы и исследование. Т. 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016.
12. Petković V.R. «Loza Nemanjića» u starom živopisu srpskom // Narodna starina. 1923. Br. 5. S. 97–100.
13. Радојчић С. Портрети српских владара у средњом веку. Београд: Републички завод за заштиту споменика културе, 1996.
14. Мереминский С.Г. Родословные в средневековых рукописях: текст и графическое оформление // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 9. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 27–49.
15. Архиепископ Данило и други. Животи краљева и архиепископа српских / Изд. Ђ. Даничић. Загреб, 1866.
16. Стојановић Љ. Стари српски родослови и летописи. Београд; Сремски Карловци: Српска Краљевска академија, 1927.
17. Радојчић, Ђ.С. Доба постанка и развој старих српских родослова // Историјски гласник. 1948. Т. 2. С. 21–36.

ENGLISH

Historical and genealogical tradition in Serbian Medieval sources

Alekseev Sergey Viktorovich is Doctor of Science in History, Professor, Head of the Department of History of Moscow University for the Humanities, chairman of the Historical and Educational Society *Radetel*, head of the project “Monuments of the Serbian Medieval Historiography of the 12th–17th centuries: Translation and Research» (13-01-00118a).

E-mail: ipo1972@mail.ru

The article focuses on the reflection of the historical and genealogical tradition in Serbian medieval sources. Until the last third of the 14th century, the Serbian historical literature had not featured the genre of the chronicle, while some coherent historic presentations of the Serbian lands had always aspired to the genre of “rodoslov” (genealogical tale). Such genre is widely reported in the oral tradition of the Serbian lands in the modern times. One of the examples

here is probably the oldest landmark of the Serbian historiography – the so-called “Chronicle of the Priest of Duklja”, presumably belonging to the 12th–14th centuries. Furthermore, the perception by the educated class of the archaic tradition of “rodoslov” continued to the drawing genealogy – “Nemanjic vine” on the walls of the Serbian churches in the 14th century. At the same time, historical and genealogical, generation-like principle of presentation is embodied in a set of “The Lives of the Serbian Kings and Archbishops” by Daniel II and his successors, created approximately in 1314–1376. “Old Serbian Annals” also largely aspires to genealogies. Finally, simultaneously with it, in the 1370s, there appeared a written rodoslov featuring both literary-historical works and genealogical tradition. The article describes the sources and methods of making the original 14th century’s “Rodoslov”.

Keywords: history of the Middle Ages, source studies, Serbia, Old Serbian literature, genealogy, hagiography, annals

REFERENCES

1. Alekseev S.V. Serbskaya istoricheskaya agiografiya: mezhdu khronikoy i zhitiem // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 3. S. 148–156 (in Russian).
2. Alekseev S.V. Fol'klor v serbskoy istoricheskoy literature srednevekov'ya // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. № 3. S. 207–214 (in Russian).
3. Alekseev S.V. Zhitiya praviteley i pervoierarkhov Serbii: istoricheskaya agiografiya v kontekste perekhodnoy kul'tury // Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh. Vyp. 9. M.: Institut vseobshchey istorii RAN, 2016. S. 50–108 (in Russian).
4. Lamazhaa Ch.K. Arkhaizatsiya obshchestva v period social'nyh transformatsiy // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 3. S. 35–42 (in Russian).
5. Gesta Regum Sclavorum. T. 1. Beograd: Istorijski institut, 2009.
6. Alekseev S.V. Letopis' popa Duklyanina: perevod i komentariy. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2015.
7. Spisi sv. Save. Beograd; Sremski Karlovci: Srpska kraljevska akademija, 1928.
8. Jovanovich T. «Zhitiye svetog Simeona» Stefana Prvovenchanog prema prepisu sredine XV veka // Arheografski prilozi. 33 (2011–2012). Beograd, 2012. S. 103–191.
9. Domentijan. Zhivot svetoga Simeuna i svetoga Save / izd. Ђ. Danichih. Biograd, 1865.
10. Zhivot svetoga Save. / izd. Ђ. Danichih. Biograd, 1860.
11. Alekseev S.V. Pamyatniki serbskoy srednevekovoy istoriografii XIII–XVII vv. Perevody i issledovanie. T. 1. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2016 (in Russian).
12. Petković V.R. «Loza Nemanjića» u starom živopisu srpskom // Narodna starina. 1923. Br. 5. S. 97–100.
13. Radojchih S. Portreti srpskih vladara u srednjom veku. Beograd: Republichki zavod za zashtitu spomenika kulture, 1996.
14. Mereminskiy S.G. Rodoslovnye v srednevekovykh rukopisyakh: tekst i graficheskoe oformlenie // Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh. Vyp. 9. M.: Institut vseobshchey istorii RAN, 2016. S. 27–49 (in Russian).
15. Arkhiepiskop Danilo i drugi. Zhivoti kraljeva i arhiepiskopa srpskih / Izd. Ђ. Danichih. Zagreb, 1866.
16. Stojanovich Љ. Stari srpski rodoslovi i letopisi. Beograd; Sremski Karlovci: Srpska Kraljevska akademija, 1927.
17. Radojchih, Ђ. S. Doba postanka i razvoj starih srpskih rodoslova // Istorijski glasnik. 1948. T. 2. S. 21–36.

УДК 94 (100) «1914/1919»
ГРНТИ 03.23.55**Ф.А. СЕЛЕЗНЕВ***

Вопрос о сепаратном мире с Германией в контексте борьбы российских элит (1914–1918 годы)

В статье содержится обзор результатов выполнения проекта «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)». Делается вывод о том, что Февральская революция стала результатом раскола правящего класса царской России, часть которого для предотвращения действительной или мнимой угрозы заключения Николаем II сепаратного мира с Германией пошла на союз с контрэлитой. Автор показывает причинно-следственную связь между историческим поражением партии кадетов и позицией, занятой ею по вопросу о сепаратном мире с Германией.

Ключевые слова: Первая мировая война, теория элит, контрэлита, конституционно-демократическая партия, сепаратный мир с Германией, Антанта, П.Н.Милюков, А.Г. Корнилов, Брестский мир

Вопрос о степени вероятности заключения сепаратного мира между Россией и Германией является одним из самых актуальных в отечественной историографии Первой мировой войны. В 1920–1960-е гг. он решался советскими историками в рамках «теории двух заговоров». Суть её состояла в том, что конфликт между «либеральной буржуазией» и самодержавием в 1915–1916 гг. был связан с вопросом о дальнейшем продолжении войны. Императорская чета стремилась к сепаратному миру с Германией («заговор царизма»), либеральная оппозиция для предотвращения выхода России из войны готовила дворцовый переворот («заговор буржуазии»).

В конце 1960-х гг. советская историография отказалась от «теории двух заговоров». Первым это сделал В.С. Дякин. Концепция этого историка была рассмотрена в рамках проекта особо [1, с. 230–238]. В.С. Дякин отделил проблему подготовки дворцового переворота накануне Февральской революции от вопроса о сепаратном мире. Он нарисовал такую картину кануна Февральской революции, в которой вопрос о предотвращении сепаратного мира не имел для либералов самостоятельного и сколько-нибудь серьёзного значения. В результате в современной историографии доминирует мнение о том, что проблема возможности выхода царизма из войны не воспринималась либералами как перво-

* **Селезнев Федор Александрович** — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, руководитель проекта «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)» (14-01-00032а).
E-mail: fseleznev@mail.ru

степенная, а лишь использовалась для дискредитации власти [2, с. 25–33].

Однако введённый в ходе проекта в научный оборот фактический материал противоречит подобной установке. Он показывает, что либералы были солидарны с той частью правящей элиты, которая стремилась прочно встроить Россию в Антанту, а после начала Первой мировой войны старалась любой ценой не допустить сепаратного мира с Германией. Общие внешнеполитические симпатии обеспечили возможность взаимодействия между антантофилами из элиты и либералами с целью изоляции Николая II, которого и первые и вторые подозревали в стремлении вывести Россию из войны. Дабы обезопасить себя от шагов царя в этом направлении, либералы совместно с антантофилами в правительстве повели кампанию против членов кабинета, лично преданных Николаю II (В.А. Сухомлинова (фото 1), Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова, В.К. Саблера).

Особенно мощный информационный удар был направлен против военного министра В.А. Сухомлинова. В рамках проекта была выдвинута гипотеза о том, что антантофилы заподозрили В.А. Сухомлинова в том, что через него осуществляются тайные российско-германские контакты. Кроме того, антантофилам нужно было добиться увольнения министров, которые были лично преданы Николаю II и при соответствующем решении императора поддержали бы его в вопросе мира с Германией. Этими министрами, кроме Сухомлинова, являлись Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов и В.К. Саблер. Решающий вклад в отставку Сухомлинова внёс великий князь Николай Николаевич. Движавшие им при этом мотивы были подробно проанализированы в рамках проекта [3, с. 30–35; 4, с. 203–218].

Взаимодействие кадетов и антантофильского крыла правящей элиты продолжилось и в 1916 г. Это показала введённая нами в научный оборот новая информация из записной книжки П.Н. Ми-

Фото 1. В.А. Сухомлинов

люкова, хранящейся в ГАРФ, о его пребывании за границей в июле – сентябре 1916 г. В Лондоне российские дипломаты, недовольные появлением во главе МИДа чужака Б.В. Штюрмера, подозреваемого в стремлении к сепаратному миру с Германией, передали компрометирующую его информацию П.Н. Милюкову. Они надеялись, что лидер оппозиционной фракции кадетов озвучит её с думской трибуны, что приведёт к отставке Штюрмера. Так и произошло [5, л. 1–25].

В ходе выполнения проекта были выявлены и опубликованы архивные документы, которые могут дать представление об отношении к проблеме сепаратного мира широких кругов русского общества. Это фрагменты выписок из перлюстрированных писем, отложившихся в ГАРФ. Данный исторический источник отличается высокой степенью репрезен-

тативности и хорошо известен специалистам. В последние годы он не раз становился объектом исследования. Было осуществлено несколько ценных публикаций материалов перлюстрации [6–9].

Однако объём не введённой в научный оборот части этого комплекса источников всё ещё велик. Мы провели анализ 23 неопубликованных фрагментов частных писем за период с мая по ноябрь 1916 г., касающихся проблемы сепаратного мира. Среди авторов писем — профессор Московского университета Н.Н.Любавин, гофмейстер А.А.Арапов, член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела С.Л.Облеухов, примыкавший к социал-демократам историк земства Б.Б.Веселовский, профессор Харьковского университета В.И.Савва, генерал И.Г.Эрдели, офицеры, священнослужители, представители интеллигенции, дворянства, студенчества, среднего городского класса, крестьян. В их мнениях нашли отражение все оттенки политического спектра: от сторонников РСДРП до крайне правых. Большинство этих писем (20) относится к двум месяцам конца 1916 г. — октябрю и ноябрю.

В октябре 1916 г. тема сепаратного мира с Германией впервые начинает часто встречаться в выписках из перлюстрированных писем. Причем её касаются не только политики, но и обыватели. В их письмах получила преломление кампания либеральной оппозиции, развёрнутая против председателя Совета министров Б.В.Штюрмера, после того как тот в июле 1916 г. сменил С.Д.Сазонова на посту министра иностранных дел. Оппозиция выказывала обеспокоенность тем, что назначение Штюрмера может означать поворот внешней политики в сторону сепаратного мира [10, л. 616, 625, 642, 679, 698 и др.].

Муссирование слухов об измене высших властей способствовало росту недовольства их политикой в целом. Возникновение подобных настроений среди горожан стимулировали бытовые трудности (дороговизна или нехватка необходимых товаров). Эти проблемы одни связывали с происками «внутренних немцев», другие — с войной как таковой. Мир же представлялся желанным избавлением от всех этих неурядиц. Что касается крестьян, то антивоенные настроения среди них осенью 1916 г. проявились в связи с возможностью призыва старших возрастов. В целом названные документы показывают, что представители политической элиты и образованного общества относились к возможности сепаратного мира с Германией отрицательно. В то же время во внеэлитных социальных группах с октября 1916 г. нарастают антивоенные

Фото 2. Николай II и великий князь Николай Николаевич

настроения. Таким образом, раскол между элитой (в том числе её оппозиционной к Николаю II (фото 2) частью) и большинством народа по вопросам войны и мира существовал уже в конце 1916 г.

Раскол обозначился и в верхах. Наше исследование показало, что антантофильская часть элиты стремилась использовать контрэлилу для того, чтобы исключить самую возможность сепаратного соглашения Николая II с Германией. В то же время контрэлита не собирались быть простым орудием антантофилов. Наладив на базе борьбы против сепаратного мира полезное взаимодействие с министрами-антантофилами, контрэлита в ходе Февральской революции свергла ослабевшую от внутренних противоречий элиту. Таким образом, применение методов теории элит позволило нам сделать вывод о том, что Февральская революция стала результатом раскола правящего класса царской России, часть которого пошла на союз с контрэлитой, чтобы предотвратить действительную или мнимую угрозу заключения Николаем II сепаратного мира с Германией.

Согласно созданной нами в рамках проекта модели, контрэлита, в отличие от элиты, не имеет общепризнанного лидера и не обладает внутренним единством. Её сплачивает только неприятие политики правящей элиты. Однако постепенно между социальными группами, вошедшими в состав контрэлиты, налаживаются внутренние связи. Они начинают координировать свои действия по борьбе с правящей элитой и в определённый момент свергают её. Так произошло в России в феврале 1917 г.

Далее начинается схватка за власть внутри победившей контрэлиты. Составляющие её разнородные элементы ведут борьбу за право занять место старой элиты. Эта борьба может принимать разные формы (гражданская война, череда переворотов, длительный период политической нестабильности). Когда идёт эта борьба, признанная общегосударствен-

ная элита отсутствует, пока, наконец, в результате победы одной из сторон власть не закрепляется за каким-то лидером (как правило, харизматического типа) и его командой, которые формируют новую постоянную правящую элиту. Соответственно противостояние в течение 1917 г. и Гражданская война шли не между свергнутой элитой царской эпохи и победившей контрэлитой, а внутри «февральской» контрэлиты.

Её ведущими силами накануне революции являлись кадеты, эсеры и социал-демократы. После Февраля 1917 г. победившая контрэлита пополнилась и новыми элементами, поскольку в любой революции есть переходный период, когда происходит замена старой элиты на новую. В это время возможен резкий карьерный рост отдельных политиков и военных. Механизм подобного возвышения был исследован при изучении обстоятельств назначения Л.Г.Корнилова главнокомандующим Петроградским военным округом.

В рамках проекта было выяснено, что назначение Л.Г.Корнилова явилось не результатом усилий самого генерала. Оно стало следствием стечения обстоятельств, вызванного действиями А.И.Гучкова. Тот стремился нейтрализовать экспедицию генерала Н.И.Иванова, посланную Николаем II для умирения восставших в Петрограде. Корнилов, невольно приняв участие в реализации плана Гучкова, неожиданно для себя вошёл в состав революционной контрэлиты и принял участие в шедшей внутри неё борьбе [11, с. 55–68].

В ходе неё определились два полюса консолидации элементов контрэлиты, на основе которых могла оформиться новая элита. «Левый» полюс представляли большевики с их антивоенными лозунгами, правый — окружение генерала Корнилова и конституционно-демократическая партия, стоявшие на платформе войны до победного конца.

Вопрос о механизме формирования круга приверженцев Л.Г.Корнилова был рассмотрен в проекте на примере био-

графии В.С. Завойко, ставшего идеологом корниловщины. Было проанализировано наличие политической связи между ним и крупным предпринимателем А.И. Путиловым. Был сделан вывод о том, что возвышение Завойко могло быть связано только с поддержкой Путилова. Самостоятельной политической фигурой Завойко не был. Был рассмотрен вопрос о влиянии на формирование позиции Корнилова и его окружения (В.С. Завойко, М.М. Филоненко и др.) событий, связанных с неудачей русского наступления в июне – июле 1917 г. Их анализ позволил сформулировать вывод о том, что идеологию окружения генерала Л.Г. Корнилова в 1917 г. нельзя назвать контрреволюционной. Её основой было революционное оборончество, т.е. стремление довести войну с Германией до победного конца. Оно и привело Корнилова к поражению [12, с. 8–17; 13, р. 52–63].

Наряду с приверженцами Корнилова правой частью февральской контрэлиты являлись конституционные демократы. Их поражение в 1917 г. также во многом было предопределено упорным стремлением этой партии довести войну до победного конца в единении с западными союзниками. Несмотря на явный рост в обществе антивоенных настроений, кадеты остались верны геополитическому выбору, сделанному ими накануне Первой мировой войны. В то же время активное использование антивоенных лозунгов помогло захватить власть большевикам. Однако реализовать их правительству Ленина поначалу было непросто, и оно проводило политику лавирования между Германией и Антантой. Чтобы сохранить симпатии солдат, большевистское правительство после Октябрьской революции издало Декрет о мире, заключило перемирие со странами Четвертного союза и начало с ними переговоры в Брест-Литовске. Одновременно оно вело революционную пропаганду среди немецких солдат на фронте и поддерживало постоянные контакты со специальными пред-

ставителями Франции, США и Англии (Ж. Садуль, Б.Г. Локкарт, Р. Робинс и др.).

Серьёзную опасность для Ленина представляло то, что центристское большинство эсеров и меньшевиков теперь выступило за выход России из войны, надеясь благодаря этому перехватить симпатии армии и оттеснить от власти большевиков. В рамках проекта был проведён анализ отношений между группировками контрэлиты (большевики, эсеры, меньшевики, Центральная рада, войсковое правительство Дона) в ноябре 1917 г. На его основе был сделан вывод о том, что проблема выхода России из войны являлась в их борьбе ключевой, а на её исход оказал влияние внешний фактор. Англичане и французы готовы были поддержать любое правительство, которое сможет восстановить Восточный фронт. В ходе выполнения проекта было высказано предположение, что с этой точки зрения взаимоотношения с СНК представлялись лидерам Антанты более перспективными. Это предопределило гибель генерала Н.Н. Духонина (фото 3), попытавшегося сделать Ставку верховного главнокомандующего в Могилёве центром формирования общенационального правительства, альтернативного большевистскому. Западные державы предпочли иметь дело с центральным правительством в Петрограде, а не с региональными контрэлитами.

Кроме того, были рассмотрены взаимоотношения стран Антанты и советского руководства в декабре 1917 г. – январе 1918 г. в связи с судьбой Учредительного собрания и вопросом о сепаратном мире России и Германии. В ходе исследования было выяснено, что лидеры Антанты, связавшие восстановление Восточного фронта с большевиками, дабы не толкнуть Советскую Россию в объятия Германии, закрыли глаза на разгон Учредительного собрания [14, с. 40–47; 15, с. 228–244].

При этом Брестский мир Антанта рассматривала как временную передышку, после которой Советская Россия возоб-

новит боевые действия. Так же были настроены многие лидеры большевиков. Именно на этой платформе Ленину удалось консолидировать большевистскую партию и добиться ратификации Брестского мира, сохранив приемлемые отношения и с левыми эсерами, и со странами Антанты. Большевики создали Высший военный совет под председательством Л.Д.Троцкого (военный руководитель — М.Д.Бонч-Бруевич). Его задача заключалась в том, чтобы создать «завесу» для прикрытия территории РСФСР от немецких войск. После возобновления боевых

рованием которой занялся Высший военный совет.

В рамках проекта впервые было показано, что в сложившейся ситуации руководство партии Народной Свободы всерьёз рассматривало вопрос о сотрудничестве с большевиками на платформе национальной обороны. Кадетский ЦК предложил местным партийным организациям решить, должна ли партия встать на лояльную к советской власти оборонческую позицию. Для этого Агитационная комиссия ЦК КДП командировала на места своих представителей. Был проанализирован

Фото 3. Л.Г.Корнилов и Н.Н.Духонин

действий против Германии она должна была стать новым восточным фронтом Мировой войны. Защищать его предстояло регулярной Красной армии, форми-

отчёт одного из них, В.Н.Бочкарёва, о поездке в Нижний Новгород. Согласно этому документу на заседании нижегородского губернского комитета партии Народной

Свободы обсуждался вопрос о вхождении членов партии в Красную армию в качестве инструкторов. Против этого высказались все нижегородские участники заседания, считая, что эта «армия – разнузданное скопище безработных, идущих в неё из-за денег, дисциплины и отечества не признающих и оплотом национальной обороны ни в коем случае не могущих стать». В то же время нижегородские кадеты согласились с Агитационной комиссией ЦК в том, что «саботаж не может считаться целесообразным средством в борьбе с большевизмом», и признали допустимыми «деловые сношения с большевиками и работу в их учреждениях».

Таким образом, внутренний противник – большевики – оказался для большинства кадетов менее страшным, чем внешний враг – Германия. Это показал проведённый в рамках проекта анализ обсуждения руководителями кадетской партии вопроса о возможности опереться на помощь немцев для свержения советской власти.

Свержение социалистической Центральной Рады и привод к власти в качестве гетмана Украины русского генерала Скоропадского и правительства Ф.А.Лизогуба с участием кадетов вызвали бурные дебаты внутри ЦК КДП. Они были подробно проанализированы в рамках проекта. Были определены основные течения среди представителей кадетского руководства по отношению к вопросу об изменении внешнеполитической ориентации партии. Приверженцев традиционных партийных ценностей возглавил М.М.Винавер. Он полагал, что партия Народной Свободы должна объявить о своём негативном отношении к попыткам образовать всероссийскую национальную власть при помощи германцев. Винавер, уверенный в конечной победе Антанты, призвал не поддаваться пораженческому соблазну и заявить, что

эта тенденция не имеет ничего общего с международными интересами России. П.И.Новгородцев и Н.В.Устрялов полагали, что партия не должна связывать себя категоричными заявлениями о неучастии в будущем правительстве страны, если оно будет создано при поддержке Германии. Однако большинство членов ЦК поддержало М.М.Винавера и приняло декларацию с отказом партии от власти, опирающейся на немецкие штыки.

Лидер партии П.Н.Милюков в это время находился на юге страны (Ростов-на-Дону, Киев), захваченном немцами. Он считал необходимым воспользоваться помощью германской армии для изгнания большевиков из Москвы. Милюков убеждал руководство партии и Добровольческой армии в необходимости освободить Москву при содействии германцев, считая, что главное – возродить российскую государственность.

Однако большинство кадетского руководства, ради верности своим идеологическим принципам, отвергло предложение своего лидера [16, с. 316–327]. На их решение повлияла та же традиция, которая предопределила геополитический выбор кадетов накануне Первой мировой войны. Приверженцы этой традиции опасались, что помощь Германии приведёт к торжеству reactionеров и отказу от демократических завоеваний Февральской революции. Ради верности своим идеологическим принципам кадеты отказались от власти, которая сама шла им в руки.

В награду конституционные демократы рассчитывали на содействие Антанты в борьбе с большевиками. Однако Англия и Франция, действуя сугубо прагматично, не считали себя связанными какими-либо обязательствами в отношении тех или иных политических сил в России, включая кадетов. Это и предопределило историческое поражение партии Народной Свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнев Ф.А. Партия кадетов в борьбе против сепаратного мира между Россией и Германией: судьба теории «двух заговоров» в советской историографии 1920-х – 1960-х гг. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции (Орёл, 24–26 сентября 2014 г.). Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2014.
2. Селезнев Ф.А. Кадеты и вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией: обзор современной отечественной историографии // Межвузовская научная конференция «Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии» (28 ноября 2014 г.): Сборник докладов. СПб., 2015.
3. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Военный министр как «козёл отпущения»: к вопросу о причинах отставки генерала В.А. Сухомлинова // История в подробностях. 2014. № 6 (48). С. 30–35.
4. Селезнев Ф.А., Евдокимов А.В. Увольнение военного министра В.А. Сухомлинова и негласные контакты между Россией и Германией в 1914–1915 гг. // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. Сборник статей / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород, 2014.
5. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3546.
6. Измозик В.С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquium. СПб., 1999.
7. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов / Отв. ред. В.В. Журавлёв [Предисл. В.В. Журавлёва; Сост. и коммент. Л.А. Лыковой, О.А. Шашковой]. М., 2014.
8. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисловия В.В. Шелохаев; Сост. и автор коммент. и предисловия К.А. Соловьёв. М., 2014.
9. Лыкова Д.А., Перегудова З.И. «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // Исторический архив. 2014. № 6. С. 158–173.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056.
11. Селезнев Ф.А. Царский генерал и революционная контрэлита: обстоятельства назначения Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (2 марта 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей / Ред. колл. А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2015.
12. Селезнев Ф.А. К вопросу о формировании правой контрэлита вокруг генерала Л.Г. Корнилова: биография ординарца В.С. Завойко до Февральской революции // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. СПб., 2014.
13. Селезнев Ф.А. «Революционное оборончество» как идеология окружения генерала Л.Г. Корнилова (апрель – август 1917 г.) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. Vol. 7. Issue 1. P. 52–63.
14. Селезнев Ф.А. Антанта, белогвардейская контрэлита и проблема восстановления Восточного фронта (ноябрь – декабрь 1917 г.) // История в подробностях. 2014. № 6 (48). С. 40–47.
15. Селезнев Ф.А. Судьба Учредительного собрания и вопрос о сепаратном мире с Германией // Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг.: Сборник статей / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород, 2014.
16. Селезнев Ф.А. Партия кадетов после Брестского мира: вопрос о выходе России из Первой мировой войны // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции (Орёл, 1–3 октября 2015 г.). Орёл: Приокский госуниверситет, 2015.

ENGLISH

The issue of separate peace with Germany in the context of warfare between Russian elites (1914–1918)

Seleznev Fedor Aleksandrovich — is Doctor of Science in History, professor of the Department of Regional Studies and Local History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN), manager of the project “The Russian Counter-Elite and the Issue of Separate Peace with Germany” (1914–1918) (14-01-00032a).
E-mail: fseleznev@mail.ru

The article explores the results of the project “The Russian Counter-Elite and the Issue of Separate Peace with Germany (1914–1918)”. The conclusion is that the February Revolution resulted from a split of the ruling classes of the tsarist Russia, some of whom aimed to prevent actual or phantom threat of the separate peace with Germany contemplated by Nicholas II and built an alliance with the counter-elite. The author shows a causal link between the historic defeat of the cadet party and its position in the issue of separate peace with Germany.

Keywords: The First World War, elitism, counter-elite, Constitutional Democratic Party, separate peace with Germany, the Triple Entente, P.N. Milyukov, L.G. Kornilov, Treaty of Brest-Litovsk

REFERENCES

1. Seleznev F.A. Partiya kadetov v bor'be protiv separatnogo mira mezhdu Rossiei i Germaniei: sud'ba teorii «dvukh zagovorov» v sovetskoy istoriografii 1920-h – 1960-h gg. // Imperskaya i monarkhicheskaya sostavlyayushchaya liberal'noy ideologii: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Oryol, 24–26 sentyabrya 2014 g.). Oryol: Izdatel' Aleksandr Vorob'yov, 2014 (in Russian).
2. Seleznev F.A. Kadety i vopros o separatnom mire mezhdu Rossiei i Germaniei: obzor sovremennoy otechestvennoy istoriografii // Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Rossiya v pervoy mirovoy vojne: problemy istorii i istoriografii» (28 noyabrya 2014 g.): Sbornik dokladov. SPb., 2015 (in Russian).
3. Seleznev F.A., Evdokimov A.V. Voennyi ministr kak «kozyol otpushcheniya»: k voprosu o prichinakh otstavki generala V.A.Sukhomlina // Istoriya v podrobnostyakh. 2014. № 6 (48). S. 30–35 (in Russian).
4. Seleznev F.A., Evdokimov A.V. Uvol'nenie voennogo ministra V.A.Sukhomlina i neglasnye kontakty mezhdu Rossiei i Germaniei v 1914–1915 gg. // Pervaya mirovaya vojna. Vzgl'yad iz XXI veka. Rossiya i Nizhegorodskaya guberniya v 1914–1918 gg. Sbornik statey / Sost. i nauch. red. F.A.Seleznev. Nizhniy Novgorod, 2014 (in Russian).
5. GARF. F. 579. Op. 1. D. 3546 (in Russian).
6. Izmozik V.S. K voprosu o politicheskikh nastroyeniyyakh rossiyskogo obshchestva v kanun 1917 g. (po materialam perlyustratsiy) // Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. SPb., 1999 (in Russian).
7. Pervaya mirovaya vojna v otsenke sovremennikov: vlast' i rossiyskoe obshchestvo. 1914–1918: V 4 t. T. 1: Evolyutsiya vzglyadov / Otv. red. V.V.Zhuravlyov [Predisl. V.V. Zhuravlyova; Sost. i komment. L.A.Lykovoy, O.A.Shashkovoy]. M., 2014 (in Russian).
8. Predstavitel'nye uchrezhdeniya Rossiyskoy imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perlyustratsii Departamenta politzii / Otv. red., avtor predisloviya V.V.Shelohaev; Sost. i avtor komment. i predisloviya K.A.Solov'yov. M., 2014 (in Russian).

9. Lykova D.A., Peregodova Z.I. «Segodnya my uznali, chto Germaniya ob'yavila voynu Rossii». Perlyustratsii pisem Departamentom politzii MVD Rossiyskoy imperii v 1914 g. // Istoricheskiy arkhiv. 2014. № 6. S. 158–173 (in Russian).
10. GARF. F. 102. Op. 265. D. 1056 (in Russian).
11. Seleznev F.A. Tsarskiy general i revolyutsionnaya kontrolita: obstoyatel'stva naznacheniya L.G.Kornilova komanduyushchim Petrogradskim voennym okrugom (2 marta 1917 goda) // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady: Sbornik nauchnykh statey / Red. koll. A.B.Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D.A.Bazhanov, A.A.Ivanov. SPb., 2015 (in Russian).
12. Seleznev F.A. K voprosu o formirovanii pravoy kontrolity vokrug generala L.G.Kornilova: biografiya ordinartsa V.S.Zavoyko do Fevral'skoy revolyutsii // Revolyutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady: Sbornik nauchnykh statey. SPb., 2014 (in Russian).
13. Seleznev F.A. «Revolutsionnoe oboronchestvo» kak ideologiya okruzheniya generala L.G.Kornilova (aprel' – avgust 1917 g.) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. Vol. 7. Issue 1. P. 52–63.
14. Seleznev F.A. Antanta, belogvardeyskaya kontrolita i problema vosstanovleniya Vostochnogo fronta (noyabr' – dekabr' 1917 g.) // Istoriya v podrobnostyakh. 2014. № 6 (48). S. 40–47 (in Russian).
15. Seleznev F.A. Sud'ba Uchreditel'nogo sobraniya i vopros o separatnom mire s Germaniey // Pervaya mirovaya voyna. Vzglyad iz XXI veka. Rossiya i Nizhegorodskaya guberniya v 1914–1918 gg.: Sbornik statey / Sost. i nauch. red. F.A.Seleznev. Nizhniy Novgorod, 2014 (in Russian).
16. Seleznev F.A. Partiya kadetov posle Brestskogo mira: vopros o vykhode Rossii iz Pervoy mirovoy voyny // Etnokonfessional'nye i natsional'nye problemy razvitiya otechestvennoy gosudarstvennosti v teorii, programmatike i politiko-pravovoy praktike rossiyskogo liberalizma: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Oryol, 1–3 oktyabrya 2015 g.). Oryol: Priokskiy gosuniversitet, 2015 (in Russian).

Л.Е. ГОРИЗОНТОВ*

Польские мемуарные свидетельства 1920–1930-х годов о Российской империи: обстоятельства создания и информационная ценность

Созданные в межвоенный период польские мемуары дают представление о том, как, производя расчёты с прошлым после распада Российской империи, установления большевистского режима и возрождения независимой Польши, поляки вспоминали дореволюционные времена. Эти мемуарные нарративы важны для понимания преемственности в русско-польских отношениях, в том числе такой их инерционной составляющей, как стереотипы взаимного восприятия.

На мотивацию мемуаристов оказывали влияние политика памяти и исходившие от научного сообщества инициативы. Обстановка в Польше благоприятствовала созданию патриотически корректной картины прошлого. Однако многие мемуаристы видели в Российской империи не только негативные моменты. Личный опыт вступал в противоречие с влиятельными стереотипами. Уходом от канона «борющейся Польши» стало изображение жизни поляков в дореволюционной России как истории их успеха в осуществлении культуртрегерской миссии. Не во всём отвечали ожиданиям организаторов конкурсов воспоминаний тексты представителей социальных низов. Особую ветвь польской мемуаристики составили свидетельства проживавших в СССР коммунистов.

Для писавших мемуары в межвоенный период самым ранним личным опытом служило восстание 1863–1864 гг., признаваемое в ту пору за нижнюю границу новейшей истории. Воспоминания отразили межпоколенческий транзит информации о прошлом, в частности формирование исторического сознания детей. Число и степень подробности воспоминаний увеличивались по мере приближения к I Мировой войне. Можно говорить о бытовании взаимосвязанных, но не идентичных образов России, российской власти и русского народа.

Польские воспоминания, авторы которых находились как в центре принятия политических решений, так и на самых отдалённых окраинах, содержат массу важной информации о Российской империи. Они представляют интерес для русистов, славистов и востоковедов.

Ключевые слова: русско-польские отношения, Российская империя, Польша, СССР, межвоенный период, историческое сознание, политика памяти, мемуары, поколение, стереотипы, адаптация, миграция

* **Горизонтов Леонид Ефремович** — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель проекта «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода» (13-01-00070а).
E-mail: lgorizontov@yandex.ru

Пробелы в знании о прошлом часто образуются на пограничьях истории взаимодействующих стран и различных эпох. Изучение польского мемуарного наследия 1920–1930-х гг. позволяет уяснить механизм трансфера этнокультурных стереотипов, преодолевая присущую многим историкам узкую специализацию и внося вклад в динамично развивающуюся русско-польскую имагологию [1]. Кроме того, для российских исследователей открывается большой массив источников личного происхождения, слабо используемый ими по причине языкового барьера, труднодоступности изданий и отсутствия солидной справочно-библиографической лоции.

В поздней Российской империи поляки являлись одной из самых многочисленных национальных групп, присутствуя практически во всех регионах, социальных слоях и сферах жизни, причём масштаб русско-польского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. существенно увеличился. Начало I Мировой войны дезавуировало ожидания очередного

антирусского выступления поляков. В глубь России направилось множество беженцев и военнопленных (фото 1). Близко познакомились с ней не только «русские» поляки с западных окраин империи, но также польские подданные Австро-Венгрии и Германии, не имевшие раньше тесных контактов с русскими. Позднее многие приняли решение покинуть охваченную революцией страну, но были и активно включившиеся в реализацию коммунистического проекта [2].

В образованном в конце 1918 г. Польском государстве бывшие российские подданные составили очень значительную часть населения в целом и элиты в частности. Таким образом, во II Речи Посполитой проживало огромное число носителей памяти о дореволюционной империи, владевших русским языком и испытавших воздействие русской культуры не только в образовательных учреждениях, но и в этнически смешанных семьях. Делая свои воспоминания публичным достоянием, польские мемуаристы 1920–1930-х гг. должны были

Фото 1. Беженцы. 1915 г.

отдавать отчёт в том, что многие станут соотносить прочитанное с собственным жизненным опытом. И, конечно же, никто тогда не ведал, что живёт в короткий период межвоенного затишья, после которого ситуация вновь кардинальным образом изменится.

Когда много позже пришло понимание того, что XX в. на целую четверть «короче» отпущенного ему календарного срока, весомость межвоенного двадцатилетия существенно увеличилась. Его значение особенно очевидно в области российско-польских отношений: опыт взаимодействия Польши и Советской России (СССР) оказался столь драматичным, что до сих пор именно события 1919–1944 гг. формируют основную повестку «сложных вопросов» общей истории, от согласования которых зависят перспективы межгосударственного диалога [3]. Отмеченные высокой степенью взаимного недоверия и конфликтности, советско-польские отношения одновременно формировались под воздействием груза прошлого и влияли на складывание образа дореволюционной России.

Согласно Э.Хобсбауму, мир первых семидесяти лет календарного XX в. создан в основном выросшими в 1875–1914 гг. — время, которое британский историк назвал «Веком Империи» [4, с. 8]. Анализируя биографии политических деятелей межвоенной Польши, Р.Вапиньский пришёл к заключению, что практически все они родились в 1860–1900 гг. и принадлежали к трём поколениям [5]. Ещё одно поколение было представлено уже отошедшей от активной деятельности наиболее возрастной группой живых носителей памяти. Наконец, самое младшее поколение сохранило о Российской империи лишь детские воспоминания. Хотя у каждого человека своё собственное время наступления «мемуарного возраста», последний, как правило, приходит в преклонные годы.

Первые мемуарные свидетельства поляков (А.Ледницкий и С.Велёпольский)

зафиксированы в виде их показаний Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, материалы которой большевики опубликовали в середине 1920-х гг. [6]. Э.Войнилович приступил к воспоминаниям в октябре 1917 г. Со временем сокращалось число носителей дореволюционного опыта, особенно способных поведать об отдалённом прошлом. Адъютант Ю.Пилсудского М.Лепецкий (1897–1969) писал в конце межвоенного периода: «Наша страна свободная, младшее поколение уже даже не помнит лет неволи, и Россия, как и Сибирь, для нас только географическое понятие, не отличающееся от Англии, Франции или же Аргентины» [7, с. 26]. В массиве воспоминаний лучше всего представлены начало XX в. и в особенности перипетии Мировой войны, которые стали для поляков «кануном весны», если воспользоваться названием изданного в 1924 г. романа С.Жеромского.

В интересующих нас мемуарах запечатлены реалии эпохи, которая в межвоенный период ещё не стала объектом углублённого изучения историками. По наблюдениям С.Кеневича, накануне I Мировой войны польская историческая наука успела исследовать первую треть XIX в., а перед II Мировой войной продвинулась до восстания 1863–1864 гг. [8]. Эта примерно 80-летняя дистанция совпадает со сроком ухода из жизни последних очевидцев и участников событий.

Весьма показательно, что Польша стала одной из первых стран, где получила развитие советология, ключевым вопросом которой являлась преемственность российской истории [9]. Если для одних «распалась цепь времён», то другие, напротив, подчёркивали континуитет. Так, Пилсудский считал, что России всегда суждено оставаться империей [10, с. 68]. Р.Дыбоский в своих воспоминаниях [11] воспроизводил стереотипные представления о родстве российского деспотизма и революционного радикализма русских [12]. В значительной степени опи-

Фото 2. Встреча Ю. Пилсудского с ветеранами по случаю 70-летия начала восстания 1863–1864 гг.

раясь на собственный жизненный опыт, конструировал образ дореволюционной России автор многотомного исследования о ней Я. Кухажевский [13].

На мотивацию писать и издавать воспоминания, а также автоцензуру мемуаристов влияла характерная для межвоенной Польши политика памяти. На первый план вышла традиция национального активизма, решительного, чуждого компромиссов сопротивления, которое нашло своё логическое завершение в борьбе легионеров в годы I Мировой войны, возрождении государства и приходе к власти Ю. Пилсудского. Согласно критериям оптации, закреплённым в условиях Рижского мира 1921 г., участники национально-освободительного движения XIX в. и их потомки получали преимущественное право на польское гражданство.

Пилсудский мыслил себя продолжателем дела повстанцев 1863–1864 гг., с которого он и его единомышленники вели от-

счёт новейшей истории Польши. Журнал Института исследования новейшей истории Польши «Неподлегли» («Независимость») предоставлял свои страницы для воспоминаний. Ветераны-повстанцы (в 1919 г. их насчитывалось более трёх с половиной тысяч, 20 лет спустя в живых остались лишь единицы) были окружены почётом и заботой властей [14] (фото 2). Не видя перспектив взаимодействия ни с Белой, ни с Красной Россией, Пилсудский искал некую отличную от них «третью силу». В результате произошло политическое сближение с лично знакомым ему с дореволюционных времён бывшим руководителем Боевой организации эсеров Б.В. Савинковым.

Отдельное объединённое коллективной памятью сообщество составили «сибиряки» [15]. В польском восприятии Сибирью становились все места, куда отправляли осуждённых, в результате чего происходила своеобразная сибиризация России.

Лежавший в русле традиционного интереса польской культуры к Востоку сибирский опыт поляков, среди которых росла доля уехавших за Урал добровольно, позволял описывать как мартирологию, так и историю успеха, достигнутого в ходе осуществления культуртрегерской миссии. Конструирование образа русских с позиций ориентализма способствовало обоснованию польского автостереотипа. Краковский профессор Р.Дыбоский (1883–1945) признавался в своих воспоминаниях, что до российского плена общение с австрийцами ему такой возможности не давало (фото 3). Публиковал воспоминания печатный орган Союза сибиряков «Sybirak». По местам сибирской ссылки Ю.Пилсудского предпринял в середине 1930-х гг. путешествие М.Лепецкий.

Особый, классовый, взгляд на царскую Россию, прежде всего российско-польское революционное сотрудничество, присутствовал представителям польской коммунистической эмиграции в СССР, воспоминания которых печатались как на польском, так и на русском языках. В них могли проявляться определённые нюансы, связанные с межфракционной борьбой и взаимоотношениями коммунистических партий в Коминтерне. Польская комиссия при Истпарте ЦК ВКП(б), начавшая свою работу под руководством Ф.Э.Дзержинского, в 1926–1934 гг. издавала журнал «Z pola walki» («С поля борьбы»). И.А.Теодорович и Ф.Я.Кон, занимавшие в 1927–1935 гг. пост главного редактора «Каторги и ссылки» — органа Общества бывших каторжан и ссыльнопоселенцев, были связаны с Польшей. Ф.Я.Кон (1864–1941) являлся автором издававшихся в СССР обширных воспоминаний и написал предисловие к советскому изданию 1926 г. «Записок террориста» Савинкова. В целом мемуарное творчество польских коммунистов не получило в межвоенный период большого развития [16].

Дискурс «борющейся Польши» в 1920–1930-е гг. — доминантный, но не единственный: в Российской империи можно

было оставаться поляком и действовать во благо своего народа, принимая при этом существующий порядок вещей. Площадками, собиравшими поляков, объединённых общим переживанием прошлого, стали встречи выпускников дореволюционных учебных заведений. Так, люди, связанные с варшавской Главной школой 1862–1869 гг., позиционировали себя ветеранами патриотически мотивированной органической работы, целью которой являлось культурное и экономическое развитие польских земель [17].

Даже поведенческие стратегии вполне лояльных по отношению к российской власти польских мемуаристов не были тождественными. Если Б.Громбчевский (1855–1926) принимал назначение на высокие должности, в том числе для него самого неожиданные (атамана казачьего войска, например), то другой уроженец западных губерний Э.Войнилович (1847–1928) предпочитал ограничиваться выборными постами. Автор нескольких книг воспоминаний Я.Яцына (1861–1930) привлекался к обучению великих князей (фото 4). Занимавшие важные посты поляки хорошо разбирались в российской политической кухне. Из их воспоминаний можно узнать много существенного о жизни дореволюционной России как в центре принятия политических решений, так и в отдалённых периферийных регионах. Весьма часто эти мемуаристы пользовались уважением и в возрождённой Польше. Следует отметить, что профессиональный опыт огромного числа «русских» поляков, в том числе нередко создававших воспоминания кадровых военных, оказался востребованным после 1918 г.

Известны, однако, прецеденты, когда поляки, пошедшие в прошлом на сближение с российскими политиками во имя создания лучших условий для своих соплеменников, подвергались нападкам. Так, в середине 1920-х гг. состоялся громкий процесс над бывшим лидером российской Польши и сторонником русско-польского при-

Фото 3. Мемуарист Роман Дыбоский.
Начало 1920-х гг.

мирения А.Ледницким (1866–1934), которому инкриминировалось «предательство в пользу чужой цивилизации» [18, s. 3–4].

Особую проблему составляет проявление в польских мемуарных текстах русофобии и русофильства. На исходе 1920-х гг. русские эмигранты весьма ёмко охарактеризовали позицию поляков, формируемую опытом жизни в империи: «Бывшие русские поляки имеют смешанные чувства: с одной стороны, сохранили ещё чувство горечи и недоброжелательства за перенесённое политическое угнетение, чувство обиды за бывшее подчинение культурного польского народа “некультурным русским”, отождествляемым с “грубой и циничной администрацией”, “с глупой и корыстной полицией”, “с казацкими нагайками” и “русским диким царским абсолютизмом” (такие чувства свойственны известной части интеллигенции); с другой стороны, прочно держится воспоминание, как легко и привольно жилось

Фото 4. Мемуарист Ян Яцына.
Конец 1920-х гг.

на сытных русских хлебах, как всегда за пределами б[ывшего] Царства Польского и Западного края, где только и был стеснительный для поляков режим, русские сердечно и радушно относились к полякам и даже с известным чувством виновности перед ними за правительственные репрессии; как русские без зависти смотрели на то, что поляки адвокаты, инженеры, торговцы и промышленники наживались в России в чисто русских делах и предприятиях. В России было легко, привольно и обильно, масштаб крупный и возможности огромные» [19, с. 56].

В 1929 г., давая интервью британской прессе, министр иностранных дел Польши А.Залеский (1883–1972) отметил, что «царское правительство угнетало поляков, но [русское] общество было солидарно с ними». В независимой Речи Посполитой, по мнению главы внешнеполитического ведомства, сложилась противоположная ситуация: «...правительство

терпимо по отношению к русским, но общество относится к ним неприязненно, отождествляя их с царизмом» [20, с. 179]. «Память о недружественных отношениях в эпоху разделов Польши и сильные негативные стереотипы, выросшие главным образом на основе опыта тех времён», делались в условиях II Речи Посполитой чрезвычайно важным фактором [21].

Случалось, что поляки откликались на воспоминания русских, а те реагировали на выход в свет польских мемуаров. В 1937–1939 гг. возобновилось общение А.И. Деникина с его близким школьным товарищем С. Карпиньским (1870–1943), связанным с Национально-демократической партией Р. Дмовского и являвшимся в 1919 г. министром финансов Польши, а позднее главой Польского банка. Прочтя опубликованные в эмиграции книги Деникина, Карпиньский прислал ему издание собственных воспоминаний. Знакомство с ними и завязавшаяся переписка позволили Деникину прийти к заключению, что «Карпинский, уроженец русской Польши — один из редких поляков, здраво, без предвзятости смотревший на русско-польские отношения, ясно видевший не только русские, но и польские прегрешения и считавший возможным и необходимым примирение» [22, с. 16–17].

Свойственное послевоенному миру ощущение исторического перелома вызывало потребность в расчётах с прошлым. Не случайно именно тогда в фокусе внимания польских учёных оказался феномен социальной памяти, которая акцентирует, искажает или предаёт забвению минувшие события [23]. В конце 1920-х гг. увидел свет первый аннотированный библиографический справочник по польской мемуаристике, составителем которого явился, что весьма характерно, исследователь восстания 1863–1864 гг. Э. Малишевский (фото 5). При подготовке издания он вёл поиски в варшавских книгохранилищах и использовал каталоги рукописных отделов польских библиотек. В конце первого послевоенного де-

сятилетия Малишевский констатировал «огромное разрастание» мемуарной литературы за последние годы [24, s. X].

По инициативе учёных в межвоенной Польше было проведено несколько конкурсов воспоминаний, в которых приняли участие представители «молчаливых» социальных низов, крестьян и рабочих в первую очередь. Солидным массивом первоклассного материала воспользовались прежде всего социологи и экономисты, но совершенно очевидна его ценность также для изысканий историков. На объявленный осенью 1933 г. конкурс воспоминаний крестьян поступило около полутысячи текстов, из которых лишь десятая часть удостоилась публикации. Обработка личных данных мемуаристов показала, что они отличаются относительно высоким уровнем благосостояния и достаточно высоким образовательным цензом. Предисловие к тому написал Л. Кшивицкий (1859–1941) — известный учёный левых взглядов, оставивший собственные воспоминания (фото 6). Сочувствуя тяжёлой доле трудового люда, он полагал, что «мемуары должны попасть в руки каждого государственного деятеля».

Организаторы конкурсов побуждали мемуаристов сравнивать современную жизнь с прежними временами, и такие сопоставления далеко не всегда складывались в пользу вступившей в полосу экономического кризиса Польши. Кшивицкий указывал, что кризис «затмил негативные стороны прошлого... и способствовал его идеализации». Впрочем, оценки в немалой степени зависели от возраста мемуаристов: помнившие барщину старики менее критично относились к трудностям текущего момента [25, s. XI–XII]. Воспоминания зафиксировали пути к обретению польской идентичности через приобщение к национальным историческим и культурным традициям. Простолюдины обнаруживали склонность к описанию повседневности, русско-польские отношения изображались ими в регистре микроистории.

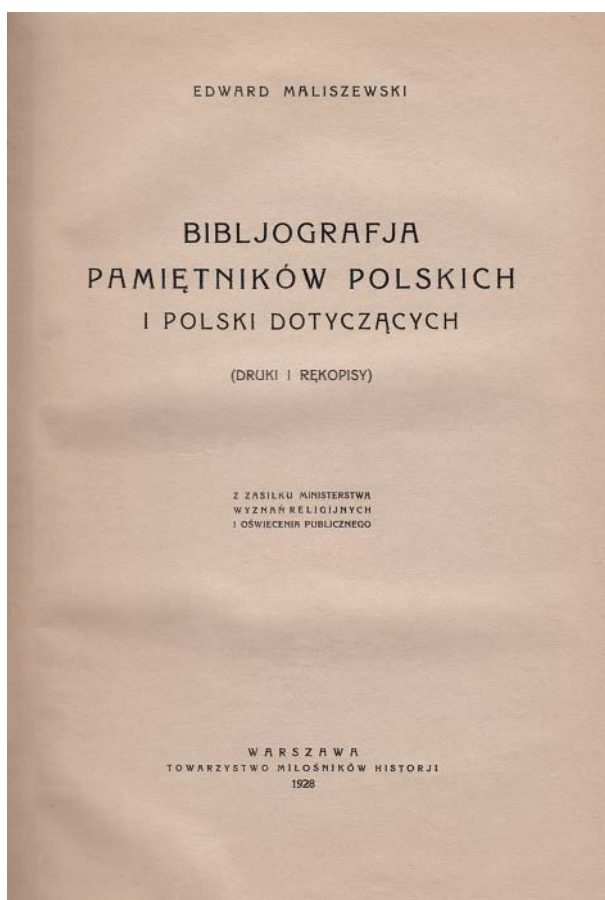

Фото 5. Титульный лист библиографии Э. Малишевского

Поляки, в силу возраста не получившие собственных впечатлений о дореволюционной России или сохранившие о ней лишь отрывочные и смутные воспоминания, восполняли пробелы, слушая рассказы старших. Э. Хобсбаум писал о «сумеречной зоне», располагающейся между историей и памятью» и включающей семейные предания и детские воспоминания [4, с. 7–8]. Усвоенные в детстве сведения и оценки в дальнейшем могли весьма существенно влиять на образ восточного соседа.

Этот способ формирования представлений о дореволюционной России не утратил актуальности для представителей старшего поколения до сих пор. Архиепископ Ю. Михалик (род. 1941) вспоминал в 2012 г. рассказы своих родителей о России, которые навсегда определили его отношение к ней: «Мой отец, родившийся в 1898 г., окончил русскую школу..., знал дух того времени, но не имел комплексов... В на-

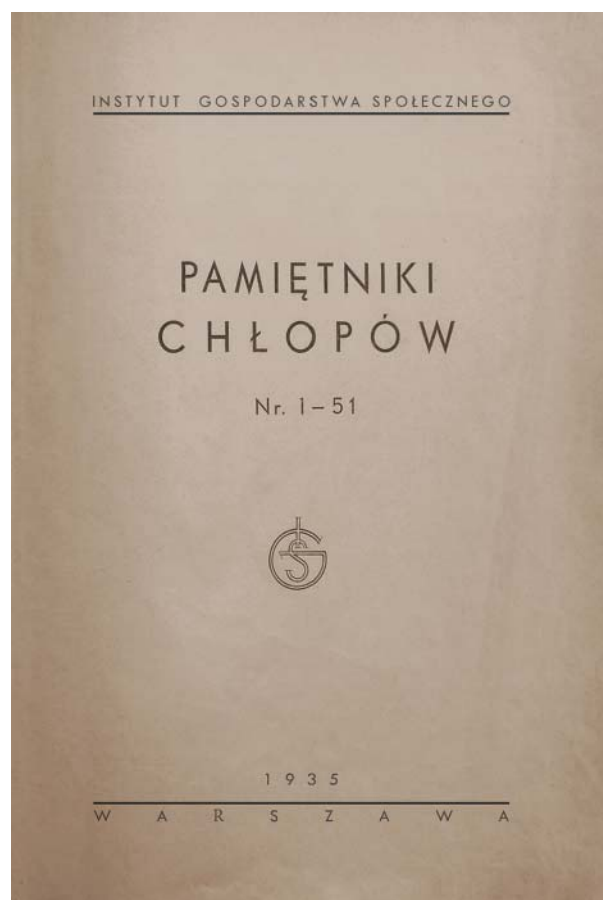

Фото 6. Титульный лист тома «Мемуаров крестьян»

шем доме царило очень глубокое убеждение в том, что, в отличие от российского чиновничества, русский по природе своей добрый человек. Приводились примеры глубокой, подлинной доброты этого народа» [26].

Знакомство с польским мемуарным наследием даёт основание говорить о существовании в межвоенный период трёх взаимосвязанных, но не идентичных образов: России, российской власти и русского народа. На представителей политического режима нередко возлагалась ответственность за национальное притеснение поляков и деформацию русско-польских отношений. Однако далеко не все мемуаристы принадлежали к числу разрушителей Российской империи. Мемуары корректируют до сих пор бытующие представления о том, что на военной и гражданской службе карьерный рост для поляка после восстания 1863–1864 гг. был закрыт.

Правда, чтобы преодолеть действовавшие ограничения, католик Ю. Довбор-Мусьницкий (1867–1937) назвался лютеранином [27], но такая конфессиональная мимикрия (как и переход в православие) являлась скорее исключением, чем массовой практикой.

Хотя мемуарист Т. Парчевский (1880–1932) заявлял, что в Польше дореволюционную Россию не знают, а публикуемые о ней книги отличаются предвзятостью [28, с. 35–36], написанные и изданные в межвоенный период воспоминания вряд ли могут служить основанием для столь безапелляционных суждений. У многих мемуаристов на дореволюционный период пришлась значительная часть сознательной, нередко весьма успешной жизни, в том числе их молодость. Конфронтационное начало в русско-польских отношениях отнюдь не всегда абсолютизировалось. Вовсе не обязательно мемуары создавались охваченными историческим оптимизмом победителями, в них присутствует ностальгический элемент.

В польских воспоминаниях в различных пропорциях содержатся автобиогра-

фический компонент и описание общего исторического фона. Они ценны уникальными свидетельствами о Российской империи, увиденной глазами одновременно включённого и дистанцированного, вооружённого особой оптикой наблюдателя. Индивидуальный опыт нередко вступал в противоречие с влиятельными стереотипными представлениями.

В мемуарах формулировались оценки, переходившие впоследствии в профессиональные исторические исследования, а в трудах историков мог играть важную роль их личный жизненный опыт. Понимали это и мемуаристы. Так, Я. Яцына в своей биографии видел «материал для будущего строителя – поляка-историка» [29, s. 177]. Польские мемуары переиздаются и интерпретируются в современной Польше, а также в незначительной части благодаря переводам становятся доступными российскому читателю. Поскольку данный вид источников наиболее востребован широкой аудиторией, это делает их фактором, способным влиять на историческое сознание общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gorizontov L. Stereotypes of Mutual Perception in the Entangled Russian-Polish History: Some Historiographical Observations // Nations and Stereotypes. 25 Years After: New Borders, New Horizons. Cracow: International Cultural Centre, 2015. P. 90–104.
2. Горизонтов Л.Е. Метаморфозы идентичности поляков в России в период Первой мировой и Гражданской войн. (На материале воспоминаний Романа Дыбоского) // Славянский альманах. 2016. М.: Индрик, 2016. Вып. 1–2. С. 69–81.
3. Белые пятна – чёрные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М.: Аспект Пресс, 2010.
4. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
5. Wapiński R. Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991.
6. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Л.: Госиздат, 1926. Т. 6; 1927. Т. 7.
7. Lepecki M. Sybir bez przekleństw: podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2012.
8. Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa: Czytelnik, 1982.
9. Kornat M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2003.

10. Korolov G. Środkowoeuropejski federalizm: od ideologicznych utopii do państw narodowych // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. Zeszyt 7. S. 55–79.
11. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921): Przygody i wrażenia. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1922.
12. Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России: Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М.: Индрик, 1999. С. 143–167.
13. Горизонтов Л.Е. СССР и Польша 1980-х годов в парижском журнале «Kultura»: политические хроники Михаила Геллера // Славяноведение. 2014. № 5. С. 24–31.
14. Stawicki R. Weterani 1863 r. i tradycja Powstania Styczniowego w II Rzeczypospolitej. Warszawa: Kancelaria Senatu, 2014.
15. Мулина С.А. Память о Сибири в межвоенной Польше // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 73–77.
16. Митина Н.П. Советское славяноведение 1920–1930-х годов и вклад польских политэмигрантов в его становление и развитие // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1986. С. 124–139.
17. Fita S. Pokolenie Szkoły Głównej w życiu społecznym i kulturze polskiej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
18. Wasilewski Z. Proces Lednickiego. Fragment z dziejów odbudowy Polski 1915–1924. Warszawa, 1924.
19. Квакин А.В. Документы из коллекции баронессы Марии Врангель Гуверского архива США по истории российского зарубежья. С. 92. URL: <http://www.akvakin.narod.ru/Documents/maria.pdf> (дата обращения: 09.12.2016).
20. Замойский Я.Е. Русская (белая) эмиграция в Польше и её польские связи (1918–1939) // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М.: УРСС, 1998. С. 170–189.
21. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша. 2006. №7–8. С. 91–96.
22. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990.
23. Васильев А.Г. Memory studies в межвоенной Польше // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М.: Аквилон, 2015. Вып. 51. С. 195–226.
24. Maliszewski E. Bibliografja pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa: Towarzystwo Miłośników Historji, 1928.
25. Pamiętniki chłopów. № 1–51. Warszawa: Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1935.
26. Интервью Ю.Михалика 9.08.2012. URL: <http://www.totustuus.net.pl/index.php/wiadomosci/2099-090812-abp-michalik-cyryl-mowi-jak-jan-pawe-ii> (дата обращения: 09.12.2016).
27. Dowbor-Muśnicki J. Moje wspomnienia. Warszawa: F. Wyszynski i S-ka, 1935.
28. Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта. СПб.: Генеральное консульство Республики Польша в Санкт-Петербурге, 2009.
29. Jacyna J. Zagłada caratu. Warszawa: Antiqua, 1930.

ENGLISH

Polish memorial evidence of the 1920–1930-s about the Russian Empire: circumstances of their creation and informational value

Gorizontov Leonid Efremovich is Doctor of Science in History, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Principal Investigator of the project “Memory of the Russian-Polish Relationships in the Russian Empire in the Memoirs of the Interwar Period” (13-01-00070a).
E-mail: igorizontov@yandex.ru

The Polish memoirs of the interwar period help to understand how the Poles recalled the pre-revolutionary times by settling with the past after the collapse of the Russian Empire, establishment of the Bolshevik regime and the rebirth of independent Poland. These memoir narratives are crucial for the understanding of continuity in the Russian-Polish relations, including their inertial component as the stereotypes of mutual perception.

The memoirists' motivation was influenced by the politics of memory and some initiatives from the academic community. The situation in Poland favored the creation of a patriotically correct picture of the past. However, many authors viewed the Russian Empire not just in a negative way. Personal experience conflicted with influential stereotypes. The escape from the canon of "the fighting Poland" was the narration about the life of the Poles in the pre-revolutionary Russia as the history of their success in the implementation of civilizing mission. Not all the texts written by the representatives of the lower social layers met the expectations of memory contest organizers. A special branch of the Polish memoirs were testimonies of communists living in the USSR.

The authors writing their memoirs in the interwar period perceived the uprising of 1863–1864 recognized then as the lower border of contemporary history as the earliest personal experience. Memories reflected intergenerational transit of data concerning the past, including the formation of historical perception of children. The number of texts and the degree of detail amplified closer to the World War I. One can talk about the existence of related but not identical images of Russia, the Russian government and the Russian people.

Polish memoirs written both by inhabitants of capitals and people from the remotest borderlands provide many important insights about the Russian Empire. They are of interest for Russianists, Slavists and Orientalists.

Keywords: Russian-Polish relations, Russian Empire, Poland, USSR, interwar period, historical perception, politics of memory, memoirs, generation, stereotypes, adaptation, migration

REFERENCES

1. Gorizontov L. Stereotypes of Mutual Perception in the Entangled Russian-Polish History: Some Historiographical Observations // Nations and Stereotypes. 25 Years After: New Borders, New Horizons. Cracow: International Cultural Centre, 2015. P. 90–104.
2. Gorizontov L.E. Metamorfozy identichnosti polyakov v Rossii v period Pervoy mirovoy i Grazhdanskoy voyn. (Na materiale vospominaniy Romana Dyboskogo) // Slavyanskiy al'manakh. 2016. M.: Indrik, 2016, Vyp. 1–2. S. 69–81 (in Russian).
3. Belye pyatna – chyornye pyatna. Slozhnye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh. M.: Aspect Press, 2010 (in Russian).
4. Hobsbawm E. Vek Imperii. 1875–1914. Rostov-na-Donu: Feniks, 1999 (in Russian).
5. Wapiński R. Pokolenia Drugiej Rzeczypospolitej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991.
6. Padenie tsarskogo rezhima: stenograficheskie otchyoty doprosov i pokazaniy, dannykh v 1917 g. v Chrezvychnoy sledstvennoy komissii Vremennogo pravitel'stva. L.: Gosizdat, 1926. T. 6; 1927. T. 7 (in Russian).
7. Lepecki M. Sybir bez przekleństw: podróż do miejsc zesłania Marszałka Piłsudskiego; Sybir wspomnień. Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2012.
8. Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa: Czytelnik, 1982.
9. Kornat M. Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918–1939). Kraków: Księgarnia Akademicka, 2003.
10. Korolov G. Środkowoeuropejski federalizm: od ideologicznych utopii do państw narodowych // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2014. Zeszyt 7. S. 55–79.

11. Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberii (1915–1921): Przygody i wrażenia. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1922.
12. Gorizontov L.E. Polyaki i nigilizm v Rossii: Spory o natsional'noy prirode «razrushitel'nykh sil» // Avtoportret slavyanina. M.: Indrik, 1999. S. 143–167 (in Russian).
13. Gorizontov L.E. SSSR i Pol'sha 1980-h godov v parizhskom zhurnale «Kultura»: politicheskie khroniki Mihaila Gellera // Slavyanovedenie. 2014. № 5. S. 24–31 (in Russian).
14. Stawicki R. Weterani 1863 r. i tradycja Powstania Styczniowego w II Rzeczypospolitej. Warszawa: Kancelaria Senatu, 2014.
15. Mulina S.A. Pamyat' o Sibiri v mezhvoennoy Pol'she // Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN, 2016. S. 73–77 (in Russian).
16. Mitina N.P. Sovetskoe slavyanovedenie 1920–1930-kh godov i vklad pol'skikh politemigrantov v ego stanovlenie i razvitie // Istoriografiya i istochnikovedenie stran Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy. M.: Nauka, 1986. S. 124–139 (in Russian).
17. Fita S. Pokolenie Szkoły Głównej w życiu społecznym i kulturze polskiej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
18. Wasilewski Z. Proces Lednickiego. Fragment z dziejów odbudowy Polski 1915–1924. Warszawa, 1924.
19. Kvakin A.V. Dokumenty iz kollektzii baronessy Marii Vrangel' Guverskogo arkhiva SShA po istorii rossiyskogo zarubezh'ya. S. 92. URL: <http://www.akvakin.narod.ru/Documents/maria.pdf> (data obrascheniya: 09.12.2016) (in Russian).
20. Zamoyski Ya.E. Russkaya (belaya) emigratsiya v Pol'she i yeyo pol'skie svyazi (1918–1939) // Kulturnye svyazi Rossii i Pol'shi XI–XX vv. M.: URSS, 1998. S. 170–189 (in Russian).
21. Stanislavski V. Zhizn' na obochine. Russkaya emigratsiya na zemlyakh Vtoroy Rechi Pospolitoj // Novaya Pol'sha. 2006. № 7–8, S. 91–96 (in Russian).
22. Denikin A.I. Put' russkogo ofitsera. M.: Prometey, 1990 (in Russian).
23. Vasil'ev A.G. Memory studies v mezhvoennoy Pol'she // Dialog so vremenem: al'manakh intelektual'noy istorii. M.: Akvilon, 2015. Vyp. 51. S. 195–226 (in Russian).
24. Maliszewski E. Bibliografja pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa: Towarzystwo Miłośników Historji, 1928.
25. Pamiętniki chłopów. № 1–51. Warszawa: Instytut Gospodarstwa Społecznego, 1935.
26. Interv'yu Yu. Mihalika 9.08.2012 URL: <http://www.totustuus.net.pl/index.php/wiadomoci/2099-090812-abp-michalik-cyryl-mowi-jak-jan-pawe-ii> (data obrashcheniya: 09.12.2016).
27. Dowbor-Muśnicki J. Moje wspomnienia. Warszawa: F. Wyszyński i S-ka, 1935.
28. Parchevskiy T. Zapiski gubernatora Kronshtadta. SPb: General'noe konsul'stvo Respubliki Pol'sha v Sankt-Peterburge, 2009 (in Russian).
29. Jacyna J. Zagłada caratu. Warszawa: Antiqua, 1930.

ЭКОНОМИКА

УДК 314.74
ГРНТИ 05.11.27

**Т.В. ШЕВЦОВА,
Е.С. КРАСИНЕЦ***

Россия в фокусе миграции из Китая

Статья посвящена выявлению современных характеристик миграционного взаимодействия России и Китая. Оцениваются масштабы китайского присутствия в стране. Анализируются тренды миграционных потоков из КНР. Рассматривается ситуация в области привлечения и использования китайской рабочей силы. Особое внимание уделено направлениям реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в области регулирования миграционных процессов из Китая в соответствии с курсом на укрепление стратегического партнёрства между обеими странами.

Ключевые слова: международная миграция, китайская миграция, китайские мигранты, трудовая миграция из Китая, миграционная политика

Одной из характерных черт процесса глобализации является интенсивный миграционный объём между странами. Современный Китай — крупнейшая по численности страна мира, к началу 2015 г. её население достигло 1,4 млрд человек [1]. Поднебесная обладает огромным миграционным потенциалом, реализация которого в условиях глобализации и происходящих экономических преобразований не только приводит к активизации внутренних

перемещений населения, но и сопровождается его заметным оттоком за рубеж, ростом китайской диаспоры во многих странах мира. В результате китайцы сформировали самую многочисленную на земном шаре группу мигрантов за рубежом. По оценкам учёных КНР, китайская диаспора, проживающая за пределами своей страны, насчитывает сегодня не менее 60 млн человек [2].

В связи с проходящими в КНР экономическими и социальными реформами,

* **Шевцова Татьяна Васильевна** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН), руководитель проекта «Миграционное взаимодействие Китая и России в условиях глобализации: современное состояние и перспективы развития» (13-22-21001а/м).
E-mail: gildenberg@yandex.ru

Красинец Евгений Семёнович — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией миграционных исследований ИСЭПН РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: e_krasinets@mail.ru

Фото 1. Великая Китайская стена — один из наиболее популярных туристических объектов

повышением уровня жизни населения и выходом страны на мировой рынок труда заметно увеличились масштабы и объёмы международной миграции, всё большее число китайских граждан устремились за рубеж на постоянное проживание, в качестве трудовых мигрантов, студентов и туристов. Согласно данным Международной организации по миграции, в 2015 г. 9,5 млн граждан КНР, или 0,69% от их общей численности, проживали за рубежом [3]. По оценкам ООН, в последние годы в рейтинге стран с максимальной эмиграцией Китай занимал 4-е место в мире после Бангладеш, Мексики и Индии. Только в 2010–2015 гг. чистый совокупный миграционный отток населения за пределы Китая составлял 1,5 млн человек [4].

Сегодня в мире практически не осталось стран, которые в той или иной степени не были бы затронуты миграцией из Китая. Особенно мощные миграционные потоки из Китая направлены в государства юго-восточной и западной Азии. Почти 40% зарубежных китайцев проживают в настоящее время в четырех азиатских странах — Индонезии, Малайзии, Таиланде

и Сингапуре. Тесные миграционные связи зафиксированы у Китая с Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. За пределами Азии самая многочисленная китайская диаспора сложилась в США и Канаде, в экономике этих стран китайцы играют всё более заметную роль. Под воздействием миграционных процессов сформировался ряд крупных китайских общин и в европейских государствах, в первую очередь в Великобритании и Италии.

В XXI в. в глобальном миграционном круговороте интенсивное развитие получили такие виды китайской внешней миграции, как «коммерческая» и трудовая, передвижения профессионалов, технических и руководящих работников, состоятельных бизнесменов и предпринимателей, деловых людей и инвесторов, миграция на постоянное место жительства, образовательная миграция, зарубежный туризм и др. Экспорт рабочей силы за рубеж — одно из успешно развивающихся стратегических направлений внешнеэкономической политики КНР. Страна лидирует в общей структуре международного туризма (фото 1). Вместе с тем в последние годы Китай расширяет своё участие

и в процессах международной учебной миграции. В результате сегодня КНР вышла в первые ряды по численности обучающихся за рубежом.

В перспективе КНР останется одним из крупнейших источников эмиграционных потоков в мире и будет лидировать среди наиболее активных в отношении эмиграции стран. Согласно прогнозным оценкам Демографического отдела Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2015–2030 гг. среднегодовой ежегодный миграционный отток (нетто-миграция) составит в Китае 300 тыс. человек, опережая по масштабам эмиграции преобладающее большинство стран мира, включая такие крупные государства-доноры, как Мексика, Филиппины, Пакистан и Индонезия [5].

Китайские мигранты в России: от мифов и стереотипов к реальности

Китайская миграция — явление, которое неотделимо от российской действительности. Российская Федерация, как и многие другие страны мира, — один из активных участников миграционного взаимодействия с КНР. Китай является нашим ближайшим соседом, имеющим с РФ общую границу протяжённостью более 4,2 тыс. километров.

Среди современных проблем гуманитарного и экономического сотрудничества двух стран тенденции и перспективы миграционного взаимодействия населения заслуживают особого внимания. Геополитические, социально-экономические и демографические последствия увеличения числа выходцев из КНР на российской территории, риски и вызовы, связанные с развитием китайской миграции, возможные угрозы постепенного отторжения отдельных территорий Сибири и Дальнего Востока в результате экономической и демографической экспансии Китая уже длительное время являются предметом острых дискуссий как среди политиков, экспертного сообщества, так и в обществе. По мнению Д. Тренина,

страх перед массовой трансграничной миграцией из соседней страны — одно из главных опасений россиян, связанных с Китаем [6].

При попытке определить реальные масштабы китайской миграции в России складывается неопределённая картина, что во многом объясняется дефицитом необходимых для анализа данных, включая наличие противоречивых сведений о текущих процессах в этой сфере, получаемых из различных источников: переписей населения, данных Росстата, ФМС России, пограничной статистики, экспертных оценок и средств массовой информации. Сам факт того, что реальные тенденции китайской миграции в России, а также её этнополитические и этносоциальные эффекты оцениваются неоднозначно, сопровождается множеством спекуляций, слухов и домыслов.

Существуют различные точки зрения по поводу целесообразности дальнейшего пополнения трудовых ресурсов страны за счёт масштабного использования китайской рабочей силы. Широкое распространение получила мифологизация «китайской миграционной проблемы». Искажение информации о китайском присутствии в стране и возможной массовой миграции китайцев в Россию может стать негативным фактором, препятствующим расширению и углублению полноценного сотрудничества двух государств в экономической и гуманитарной областях.

Развитие всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнёрства между Китаем и Россией привели к значительному снижению уровня антикитайских настроений, опасений и тревог, связанных с так называемой «китайской угрозой». Активизация межгосударственных контактов сопровождалась значительным увеличением числа встречных поездок граждан Китая и России. В условиях сближения и тесного сотрудничества в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах

двух стран сотни тысяч граждан КНР оказались вовлечены в трансграничные перемещения и миграционные потоки в/через Российскую Федерацию. Одновременно в российском информационном поле и экспертном сообществе снизился интерес к китайской демографической «экспансии» и вопросам китайской миграции в Россию. Изменилась риторика относительно перспектив развития взаимоотношений двух стран в миграционной сфере.

В настоящее время миграция человеческих ресурсов из КНР является важнейшей составляющей не только внешней политики России по отношению к восточному соседу, но и внутреннего экономического развития самой Российской Федерации. Китай занимает лидирующую роль в российском импорте рабочей силы из стран дальнего зарубежья. На современном этапе китайская трудовая миграция — это источник международной мобильности трудовых ресурсов и профессиональных компетенций. Особенно это характерно для регионов Дальнего Востока, где высокий уровень мигра-

ционного оттока, устойчивое сокращение демографического потенциала и ускоренный процесс старения населения сформировали высокий спрос на иностранную рабочую силу, прежде всего из приграничных районов КНР (фото 2). В условиях складывающейся неблагоприятной демографической ситуации и ограниченности трудовых ресурсов Дальневосточной части Россия очень заинтересована в совместной работе с китайским бизнесом в деле развития производительных сил дальневосточных территорий.

Учитывая, что миграционное взаимодействие РФ и КНР играет важную роль в развитии многостороннего стратегического партнёрства двух стран, актуальными являются постоянный мониторинг и анализ тенденций китайской миграции в Россию по приоритетным формам и направлениям, а также оценка влияния, которое оказывает миграция из Китая на геополитическое, социально-экономическое и демографическое развитие российского общества. Задачи выявления реальной картины развития китайской миграции в России в период выхода

Фото 2. Благовещенск. Китайские рабочие

из экономического кризиса и стабилизации отечественной экономики, а также поиска адекватных решений существующих проблем в данной сфере имеют большое практическое значение для устойчивого социально-экономического развития нашей страны и обеспечения её геополитических интересов в отношениях с внешним миром.

Тенденции российско-китайского миграционного взаимодействия

На сегодняшний день китайское присутствие на территории России относительно невелико по сравнению со многими странами мира. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в России постоянно проживало 28,4 тыс. граждан Китая [7]. Большинство специалистов, занимающихся проблемами миграции и развитием взаимоотношений России и Китая, сходятся во мнении, что в целом пока не наблюдается заметного приращения населения нашей страны за счёт китайцев.

В связи с тем, что значительная часть китайской миграции в Россию носит скрытый от статистического наблюдения характер, разброс существующих оценок численности китайцев в России огромен: от 300 тыс. до 5–6 млн человек [8]. Экспертные оценки численности выходцев из Китая на российской территории также разнятся, но в большинстве своём находятся в пределах 200–600 тыс. человек. Так, по расчётам Е.С.Баженовой и А.В.Островского, общее количество китайских мигрантов на территории РФ колеблется от 200 до 250 тыс. человек и едва ли превышает 0,5% численности населения страны [9]. По мнению отечественного китаевода В.Г.Гельбраса, одномоментная численность китайцев на всей территории России находится в диапазоне 200–450 тыс. человек [10].

Не подтверждает тезис о «демографической экспансии Китая» и официальная ведомственная статистика. Согласно данным государственного статистического

учёта, численность граждан КНР в Российской Федерации сравнительно невелика. По данным статистического учёта ФМС России, в середине 2015 г. на территории РФ находились 11,1 млн иностранных граждан, в том числе около 240 тыс. из КНР, или 2,2% [11]. Это значительно меньше численности китайцев во многих странах Юго-Восточной Азии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Японии и Южной Кореи.

Статистические данные свидетельствуют о том, что сегодня регистрируемая китайская миграция в Россию на постоянное место жительства крайне незначительна. В настоящее время китайцы представляют собой относительно небольшую часть мигрантов, прибывающих в РФ, особенно по сравнению с притоком населения из стран СНГ. При этом необходимо учитывать, что подавляющая часть выходцев из Китая приезжает в Россию не для постоянного проживания, а на время. Они находятся на российской территории в краткосрочном режиме: в служебных и деловых поездках, по временным трудовым контрактам, на учёбе, в качестве туристов, крупных, средних и мелких бизнесменов. В развитии деловой миграции активно используются возможности открытых в России предприятий и филиалов китайских компаний в сфере торговли продукцией лёгкой промышленности, строительных материалов и мелкого оборудования, финансов, банковской деятельности, телекоммуникаций, IT, авиаперевозок, автомобилестроения, а также закупок различного рода сырья.

На протяжении последних 15 лет приток китайских мигрантов испытывал значительные колебания, которые происходили на общем фоне тенденции к увеличению числа въезжающих в Россию граждан КНР. Одновременно получили развитие основные виды и типы китайской миграции, в том числе бизнес-миграция, «коммерческая», трудовая, миграция на постоянное место жительства, учебная, транзитная и др.

В докризисный период «нулевых годов» (2000–2008) масштабы китайской миграции в Россию имели устойчивый тренд к росту. Согласно данным Федеральной пограничной службы России, отражающим количество пересечений границы, с 2000 по 2008 г. общее число прибывших из КНР в РФ на постоянное место жительства, в служебную командировку, в качестве предпринимателей, туристов, по приглашениям, транзитом увеличилось с 493,8 до 815,5 тыс. человек, или в 1,7 раза [12]. Особенно был заметен рост въезжающих в Российскую Федерацию из КНР с частными целями — в 13 раз. В этот же период многократно возросла численность зарегистрированных в России китайских трудовых мигрантов. В результате Китай занял лидирующие позиции среди иностранной рабочей силы из визовых стран на целом ряде региональных рынков труда России.

Характерно, что количество китайцев, въезжающих в Россию, устойчиво превышало количество её покидающих. Так, за десятилетний докризисный период (1999–2008) в Россию въехали 6,8 млн китайцев, или примерно по 680 тыс. в среднем за год. За этот же период выехали 6,6 млн человек (по 660 тыс. в год). В результате такого несбалансированного обмена в России к моменту начала кризиса 2008–2009 гг. задержались и остались на неопределённое время в общей сложности свыше 200 тыс. китайских граждан, в том числе 31 тыс. человек из числа транзитных мигрантов.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. скорректировал сложившиеся в миграционном взаимодействии России и Китая тенденции. Сокращение производства, уменьшение числа рабочих мест, изменение поведенческих характеристик мигрантов в условиях кризиса не могли не повлиять на динамику потоков китайских граждан, прибывающих в Россию. По данным Росстата, в 2009 г., по сравнению с 2008 г., общее число прибывших из Китая в Россий-

скую Федерацию уменьшилось с 815,5 до 718,6 тыс. человек, или на 11,9%.

По мере выхода из экономического кризиса 2008–2009 гг. ситуация в трансграничной миграции населения между Россией и Китаем стала выравниваться. Количество прибывающих в нашу страну китайских граждан стало опять стабильно расти. Начиная с 2010 г. происходит устойчивое нарастание масштабов трансграничной китайской миграции в Россию. Миграционный наплыв с китайской стороны значительно активизировался. В результате за последние 14 лет (2000–2014) ежегодное количество прибывающих в РФ граждан КНР возросло в 2,3 раза. Заметный вклад в увеличение притока китайских граждан в Россию внёс миграционный поток по линии туризма — число китайских туристов возросло в 2,4 раза. Ещё более ускоренно увеличилось число мигрантов из Китая, въезжающих на российскую территорию в личных целях, — почти в 9 раз (табл. 1).

При въезде в Россию граждане КНР указывают в основном три цели: частную, служебную и туристическую. Данные официальной российской статистики свидетельствуют, что основу современной китайской миграции в Россию составляют миграционные потоки по туристическому каналу, который часто используется не только для туризма и путешествий. Заявляя о туристических и частных целях визита, в действительности значительная часть китайских граждан направляется в Россию с целью коммерческой деятельности, участия в мелком и среднем бизнесе, а также латентной занятости.

В развитии трансграничных обменов между КНР и РФ в обратном направлении складывается противоположная ситуация. Официальная статистика регистрирует как ассиметричные масштабы миграции с преобладанием российского вектора обмена между Россией и Китаем, так и разнонаправленную динамику регистрируемых встречных потоков. Благо-

Таблица 1

**Распределение потока прибывших в Россию граждан КНР по целям въезда
(2000–2014 гг., тыс. чел.)**

	2000 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Всего, в том числе по целям въезда в Россию:	493,8	845,6	979,0	1071,5	1125,1
Служебная	239,8	280,5	296,0	295,2	303,4
Туризм	172,2	234,1	343,4	372,3	409,8
Частный визит	29,6	337,6	377,7	267,1	259,7

Источник: данные Росстата [12].

даря увеличению миграционного потока с китайской стороны в Россию и ослаблению исходящего потока выезжающих россиян в Китай происходит некоторое выравнивание общего миграционного баланса между двумя странами.

В течение последних пяти лет в структуре миграционных потоков населения после продолжительного периода подъёма миграции российских граждан в Китай отчётливо проявляется перелом тренда, характеризующийся тенденцией спада выездного потока россиян в соседнюю страну. Статистические данные КНР фик-

сируют заметное снижение численности граждан РФ, прибывающих из России в Китай. В 2011–2015 гг. под воздействием экономического спада, девальвации рубля и инфляции в России, а также ужесточения таможенного контроля при пересечении границы физическими лицами численность российских граждан, прибывших в Китай, уменьшилась с 2,5 до 1,6 млн человек, т.е. более чем в полтора раза. Особенно снизились масштабы челночных поездок и шоп-туров. Миграционный поток по линии туризма сократился в 2,3 раза (табл. 2).

Таблица 2

**Численность российских граждан, въехавших в КНР
(2011–2015 гг., тыс. чел.)**

Годы	Всего	Цель въезда				
		Конференции/ бизнес	Туризм	Частные визиты	Служебная/ работа	Другое
2011	2536,3	661,2	1456,4	0,5	272,0	146,2
2012	2426,2	664,0	1312,1	0,7	279,7	169,6
2013	2186,3	656,1	1088,5	1,4	269,0	171,4
2014	2045,8	623,0	970,5	3,6	259,1	189,6
2015	1582,3	548,1	640,2	4,1	244,4	145,5

Источник: данные государственной статистики КНР [13].

В настоящее время, несмотря на географическую близость и развитие трансграничных обменов между соседними странами, динамика доли миграционных потоков из России в общих трансграничных миграциях в Китай низка. В сравнении с большинством зарубежных стран мира российский вектор миграции остаётся менее значительным. По данным Государственного управления по делам туризма КНР, в 2015 г. в международной миграции в Китай доля россиян составляла всего 6,1%, в то время как удельный вес граждан стран Азии достиг 64%, Американского континента — 12%.

Китайские мигранты на отечественном рынке труда

К важнейшим миграционным потокам из КНР относится трудовая миграция. Уже длительное время среди государств дальнего зарубежья, направляющих в Россию рабочих и специалистов, Китай уверенно занимал первое место, опережая такие страны, как КНДР, Турция, Вьетнам и США.

Современные направления трудовой миграции из Китая в Россию в значительной мере связаны с географией китайских провинций. Большая часть китайских работников приезжает в нашу страну из приграничных северо-восточных провинций: Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, а также Автономного района Внутренняя Монголия. Именно эти территории являются основным источником китайской рабочей силы как для регионов европейской части России, так и для восточных районов страны. Как показывает анализ, в миграционных потоках из Китая выделяются также провинции центральной части КНР — Цзилин, Цзянсу, а также быстро развивающиеся города приморских территорий, в первую очередь Шанхай.

По данным проведённых нами обследований, среди китайских мигрантов, прибывающих в Россию, заметную роль играют лица, проживавшие в малых городах и сельской местности, поскольку

здесь сосредоточена значительная часть демографического потенциала КНР, а масштабы безработицы и бедности особенно велики.

Основные центры притяжения китайских мигрантов — Московский регион, Санкт-Петербург и Ленинградская область, территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Забайкальский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская и Новосибирская области), а также Краснодарский край Южного федерального округа.

Говоря о демографической структуре китайских мигрантов, можно отметить, что их состав по полу во многом типичен для трудовых мигрантов, циркулирующих во всём мире. В их общей структуре преобладают мужчины, являющиеся основными кормильцами своих семей. Среди китайских мигрантов доля лиц мужского пола достигает 70%, что в значительной мере отражает специфику спроса на иностранную рабочую силу и характер её занятости на территории Российской Федерации.

Следует учесть, что возрастной состав китайских мигрантов является благоприятным для развития российской экономики, ибо большинство прибывающих из КНР граждан находится в молодом, наиболее активном трудоспособном возрасте. По результатам наших обследований, трое из четырёх мигрантов входят в возрастную группу 20–39 лет, при этом их наибольшее число сосредоточено в возрастах от 30 до 39 лет, а средний возраст составляет 31,3 года, что существенно ниже среднего возраста населения РФ.

Важнейшие сферы деятельности китайских работников в российской экономике — строительство, торговля, промышленность, сельское (фото 3) и лесное хозяйство.

За последнюю четверть века китайская трудовая миграция в России развивалась не по прямой линии, а путём подъёмов и спадов, связанных с циклическим характером экономического роста страны.

Фото 3. Китайские овощеводы

С начала 2000-х гг. в фазе подъёма экономики Российской Федерации наблюдалась восходящая динамика привлечения и использования китайской рабочей силы. Китайские трудовые мигранты активно привлекались в экономику восточных территорий страны. В течение 2000–2008 гг. на Дальнем Востоке и в Забайкалье был зафиксирован шестикратный рост количества легальных китайских рабочих [14]. Общее число зарегистрированных на российской территории трудовых мигрантов из Китая возросло с 26,2 до 281,7 тыс. человек, или в 11 раз [15]. Быстрому росту китайской трудовой миграции способствовало ускоренное развитие экономических отношений России с КНР.

В конце первого десятилетия XXI в. тенденция роста отечественной экономики сменилась масштабным спадом, что явилось следствием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. В данный отрезок времени на отечественном рынке труда под воздействием антикризисных мероприятий, включавших меры по ужесточению системы квотирования, произошло снижение используемой в российской экономике китайской рабочей силы. При этом сначала спад был незначительным. По данным Росстата, в 2009 г., по сравнению с 2008 г., официальное количество трудовых мигрантов из Китая в РФ сократилось с 281,7 до 269,9 тыс. человек, или на 4,2%. Однако

затем под воздействием усиления ограничительных мер по допуску иностранной рабочей силы на российский рынок труда падение масштабов привлекаемых в национальную экономику китайских трудовых мигрантов оказалось более заметным: в 2010 г. — на 83,4 тыс. человек, или почти на треть, по сравнению с предшествующим годом.

Как свидетельствуют данные официальной статистики, в посткризисный период 2010–2013 гг.

численность зарегистрированных в России китайских трудовых мигрантов изменилась мало и находилась в пределах 70–77 тыс. человек.

В течение 2014–2015 гг. в условиях рецессии в экономическом развитии страны проявились признаки обострения ситуации на рынке труда. Как результат существенного ухудшения экономической обстановки произошёл заметный спад в привлечении и использовании иностранной рабочей силы. Этот процесс затронул и трудовую миграцию из Китая. К середине 2015 г. численность китайских граждан, работающих в России, составила 58,3 тыс. человек, т.е. по сравнению с 2014 г. уменьшилась на 20,0%, а по отношению к 2013 г. — сократилась на четверть.

Китайское направление миграционной политики России

Оценивая тенденции китайской миграции, её социально-экономические, демографические и геополитические последствия, следует иметь в виду, что миграционное движение из Китая в Россию — это не столько проблема сегодняшнего дня, сколько масштабный миграционный феномен перспективного развития страны в XXI в. В условиях демографического кризиса, чувствительного сокращения трудоресурсного потенциала России и развития регионального экономического сотрудничества двух стран создают-

ся объективные предпосылки для более широкого использования китайской рабочей силы в отечественной экономике, особенно в регионах Дальнего Востока.

Стратегической целью миграционной политики российского государства должно стать организованное привлечение и использование рабочей силы из КНР на контрактной основе в масштабах и направлениях, необходимых для развития национальной экономики.

Противоречивость роли, которую играет китайская трудовая миграция в экономическом развитии, требует от российского государства дифференцированного регулирования в этой сфере. С одной стороны, необходима политика поддержания законной китайской трудовой иммиграции с учётом национальных и геополитических интересов страны, того положительного, что вносят китайские работники в рост её экономики, а с другой — политика, направленная на ограничение нелегальной миграции и незаконной занятости граждан КНР, снижение социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с расширением притока китайских мигрантов и концентрацией их вдоль государственной границы.

Вместе с тем необходимо усиление мер в области социальной политики по стабилизации населения и трудовых ресурсов

России на Востоке страны. Важным представляется решение и таких общих вопросов экономической и миграционной политики, как сохранение квотирования в привлечении и использовании китайских трудовых мигрантов, предоставление преференций для обеспечения занятости квалифицированных отечественных и иностранных специалистов на Дальнем Востоке, создание условий для стимулирования трудовой мобильности российских граждан в восточные регионы страны, переселения и переезда граждан внутри и между регионами ДФО, а также в приграничные с КНР районы.

Для регулирования миграционных потоков из Китая необходимо расширить информационную и аналитическую базу по данному направлению международной миграции в России, а также прогнозировать социально-экономические, демографические и геополитические последствия расширения китайского присутствия как для отдельных регионов, так и страны в целом. Важно располагать надёжными данными, характеризующими масштабы, формы, виды и структуру китайской иммиграции. Целесообразно проведение ежегодных мониторинговых обследований, выявляющих основные параметры и характеристики миграционного взаимодействия России и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRIKS_RUS.pdf (дата обращения: 23.04.2016 г.).
2. Annual Report on Chinese International Migration (2015). Blue Book of Global Talent. – Social Sciences Academic Press (China). 2015. P. 13.
3. ИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iom.int/countries/china> (дата обращения: 23.04.2016 г.).
4. Migration Profiles Common Set of Indicators. DESA – Population Division Migration Section. UNICEF. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org/MigGMGProfiles/indicators/files/China.pdf> (дата обращения: 23.04.2016 г.).
5. World Population Prospects. The 2015 Revision. Population Division. United Nations. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Migration/> (дата обращения: 23.04.2016 г.).

6. Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Московский Центр Карнеги. 2012. С. 51.
7. Материалы Всероссийской переписи населения 2010. Москва: Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.04.2016 г.).
8. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 3–4. С. 138.
9. Баженова Е.С., Островский А.В. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1 Ч. 2. НП РСМД / Под общ. ред. И.С.Иванова. М.: Спецкнига, 2013. С. 185.
10. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей. 2004. С. 31.
11. Официальные статистические данные ФМС России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_graz (дата обращения: 23.04.2016 г.).
12. Численность и миграция населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.04.2016 г.).
13. Государственное управление по делам туризма КНР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cnta.gov.cn/> (дата обращения: 23.04.2016 г.).
14. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. 1. Ч. 2. РСМД / Под общ. ред. И.С.Иванова. М.: Спецкнига, 2013. С. 110.
15. Красинец Е.С., Шевцова Т.В. К характеристике китайской миграции в современной России // Миграционное право. 2012. № 1. С. 33.

ENGLISH

Russia in the focus of migration from China

Shevtsova Tatyana Vasilyevna is PhD in Economics, senior fellow, Institute of Socio-Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences, principal investigator of the project «Migration Interaction of China and Russia under the Conditions of Globalization: Current State and Development Prospects» (13-22-21001).

E-mail: gildenberg@yandex.ru

Krasinets Evgeny Semyonovich is PhD in Economics, Head of the Migration Studies lab, Institute of Socio-Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences, researcher of the same project.

E-mail: e_krasinets@mail.ru

The article focuses on modern features of the migration interaction between Russia and China. It measures the scale of the Chinese presence in the country, analyzes trends of migration flows from the People's Republic of China, reviews the attraction and use of the Chinese labor. It also focuses on the trends of the state migration policy of the Russian Federation in the regulation of migration processes from China aimed to strengthen the strategic partnership between both countries.

Keywords: international migration, migration from China, Chinese migrants, labor migration from China, migration policy

REFERENCES

1. BRIKS. Sovmestnaya statisticheskaya publikatsiya. 2015; Braziliya, Rossiya, Indiya, Kitay, YuAR / Rosstat. M.: IITs «Statistika Rossii», 2015, S. 10. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/BRIKS_RUS.pdf (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.) (in Russian).
2. Annual Report on Chinese International Migration (2015). Blue Book of Global Talent. – Social Sciences Academic Press (China), 2015. P. 13.
3. IOM. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.iom.int/countries/china> (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.).
4. Migration Profiles Common Set of Indicators. DESA – Population Division. Migration Section. UNICEF. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://esa.un.org/MigGMGProfiles/indicators/files/China.pdf> (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.).
5. World Population Prospects. The 2015 Revision. Population Division. United Nations. – [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Migration/> (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.).
6. Trenin D. Vernye druz'ya? Kak Rossiya i Kitay vosprinimayut drug druga. M.: Moskovskiy Tsentr Karnegi. 2012. S. 51 (in Russian).
7. Materialy Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010. Moskva: Rosstat. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.) (in Russian).
8. Dyatlov V.I. Transgranichnye migranty v sovremennoy Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki). 2010. № 3–4. S. 138 (in Russian).
9. Bazhenova E.S., Ostrovskiy A.V. Potentsial kitayskoy migratsii v Russiyu: otsenki i perspektivy // Migratsiya v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v 3 tomakh. T. 1 CH. 2 NP RSDM / Pod obshch. red. I.S. Ivanova. M.: Spetskniga, 2013. P. 185 (in Russian).
10. Gel'bras V.G. Rossiya v usloviyakh global'noy kitayskoy migratsii. M.: Muravey. 2004. S. 31 (in Russian).
11. Ofitsial'nye statisticheskie dannye FMS Rossii. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostran_nih_graz (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.) (in Russian).
12. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiyskoy Federatsii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.) (in Russian).
13. Gosudarstvennoe upravlenie po delam turizma KNR [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.cnta.gov.cn/> (data obrashcheniya: 23.04.2016 g.) (in Russian).
14. Larin V.L. KNR glazami dal'nevostochnika // Migratsiya v Rossii 2000–2012. Khrestomatiya v 3 tomakh. T. 1. CH. 2. RSMD / Pod obshch. red. I.S. Ivanova. M.: Spetskniga, 2013. S. 110 (in Russian).
15. Krasinets E.S., Shevtsova T.V. K kharakteristike kitayskoy migratsii v sovremennoy Rossii // Migratsionnoe pravo. 2012. № 1. S. 33 (in Russian).

С.Н. МАКАРОВА*

Развитие теории прав интеллектуальной собственности в условиях информационного общества

Быстрые темпы научно-технического прогресса, смещение акцентов в потребностях индивидов, с одной стороны, и увеличение объёмов сектора услуг в экономике — с другой, подтверждают необходимость рассмотрения феномена интеллектуальной собственности с учётом основных положений институциональной теории прав собственности и особенностей развития информационного общества. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся специфики проявления прав интеллектуальной собственности в современном обществе.

Ключевые слова: теория прав собственности, информационное общество, интеллектуальная собственность, защищённость прав собственности, инфокоммуникационные услуги

Современное общество и интеллектуальная собственность

Социально-экономическое развитие общества неразрывно связано с научно-техническим прогрессом и эволюцией производительных сил. Основываясь на произошедших революциях в производстве, можно выделить несколько эпох в экономической истории, а именно: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Ещё в 1940–1950-е гг. в трудах экономистов (А.Кларк, Ф.Махлуп) появляются идеи о возникновении экономики нового типа, связанной с перспективами развития сектора услуг и увеличением количества информации и знаний, доступных обществу.

Истоками постиндустриальной эпохи можно считать 1960-е гг., когда явно намечились социально-экономические характеристики общества нового типа, такие как переход от производства товаров к оказанию услуг, значительное усиление роли знаний, преобладание в структуре рабочей силы служащих, работающих с информацией, изменение мотивов человеческой деятельности, появление нового типа ресурсов в производстве. Начиная с 1960–1970 гг. термин «постиндустриальное общество» стал активно использоваться в трудах Р.Арона, Д.Белла, У.Ростоу, А.Турена и других учёных, отражая, таким образом, специфику социально-экономических процессов данного этапа развития

* **Макарова Станислава Николаевна** — специалист по учебно-методической работе кафедры экономической безопасности Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, руководитель проекта «Развитие теории прав собственности в условиях информационного общества» (15-52-00016а(ф)).
E-mail: stanislava-makarova@mail.ru

социума и его экономической сферы [3, 7] в частности.

Д. Белл в работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» даёт довольно широкую трактовку понятия «постиндустриальное общество», выделяя его основные признаки: «Постиндустриальное общество основано на “игре между людьми”, в которой на фоне машинной технологии поднимается технология интеллектуальная, основанная на информации [2, с. 157] <...> постиндустриальное общество означает появление новых осевых структур и новых осевых принципов: переход от товаропроизводящего общества к информационному обществу, или обществу знаний...» [2, с. 661]. Таким образом, в 60–70 гг. XX в. многие учёные сошлись во мнении о появлении общества нового типа – информационного общества.

Современное информационное общество основывается на приоритетности создания, накопления, хранения, обработки и передачи информации и знаний, в том числе и с использованием технических средств коммуникации. Ключевую роль в развитии информационного общества играет экономика нового типа, построенная преимущественно на интеллектуальной основе, она выступает необходимым базисом развития социума. Акценты экономического анализа смещаются в пользу информационных процессов и интеллектуального труда, интеллектуальной собственности.

Феномен собственности заключается в редкости или ограниченности ресурсов, т.е. центральным моментом отношений собственности является исключительный характер. Значение интеллектуальной собственности в экономике усиливается тем больше, чем активнее происходит её вовлечение в экономический оборот. Специфика объектов интеллектуальной деятельности в этом отношении заключается в том, что они, имея нематериальную природу, неистощимы и неисчерпаемы, подвергаются искус-

ственному внешнему ограничению, обеспечивающему наличие особого механизма охраны экономических интересов обладателей объектов интеллектуальной собственности – института интеллектуальной собственности.

В экономике информационного общества результаты интеллектуальной деятельности становятся не только движущими производительными силами, но и специфическим активом стратегического назначения, обеспечивающим конкурентоспособность государства на международной арене. С точки зрения неонституциональной теории интеллектуальная собственность представляет собой совокупность правомочий на продукты интеллектуальной деятельности [5]. Классическое понимание данных правомочий с учётом специфики объектов интеллектуальной собственности преломляется, выдвигая тем самым в качестве основных элементов «пучка прав» право использования, право управления, право на доход, право на передачу права собственности. Различные комбинации «пучка прав», принадлежащие разным лицам, создают основу для наиболее эффективного использования объекта интеллектуальной собственности. Реализация права интеллектуальной собственности происходит в форме расщепления (дифференциации) прав собственности, т.е. с помощью обмена «пучками прав» между агентами.

Спецификация прав интеллектуальной собственности

Помимо дифференциации прав интеллектуальной собственности, являющейся простым процессом передачи правомочий другому лицу, условие эффективного использования объекта в экономической деятельности выдвигает на первый план процесс спецификации, позволяющий чётко определить объект, субъект, объём полномочий определённой комбинации прав. Спецификация прав интеллектуальной собственности, равно как и в случаях иных прав собственности, может иметь

как формальный, так и неформальный характер. Формальная спецификация осуществляется государством, а неформальная – в рамках обычаев, традиций, этических норм поведения членов социальной группы [6, с. 26]. Наибольшее значение для эффективного использования результатов интеллектуальной собственности в экономическом обороте имеет формальная спецификация.

Основным критерием необходимости спецификации прав интеллектуальной собственности является экономическая целесообразность, основанная на соотношении затрат и выгод от спецификации прав на объекты интеллектуальной деятельности. Проблема формальной спецификации прав интеллектуальной деятельности заключается в сложности правовой идентификации объекта интеллектуальной собственности, что значительно снижает эффективность функционирования института интеллектуальной собственности, даже при превышении доходов над расходами от использования специфицированного объекта. Вследствие этого экономические агенты с целью извлечения дохода от использования результатов интеллектуальной деятельности, задействуя альтернативный неформальный способ спецификации прав без их оформления, подвергаются значительным рискам и издержкам, в частности по поводу охраны прав интеллектуальной собственности.

Поскольку в экономике информационного общества активно протекают процессы, связанные с созданием и использованием инфокоммуникационных услуг, особый интерес для исследования специфики проявления прав интеллектуальной собственности возникает именно в сфере инфокоммуникационных услуг (далее ИКУ). Необходимым условием принятия объектов интеллектуальной собственности к рассмотрению с точки зрения экономической теории служит их вовлечение в экономический оборот, частным случаем которого являются ИКУ. Структурно ИКУ могут быть представле-

ны как услуги, содержащие объекты интеллектуальной собственности. Объекты интеллектуальной собственности, входящие в состав ИКУ, могут образовывать как контентную, так и телекоммуникационно-программную составляющую ИКУ.

К контентообразующим результатам интеллектуальной деятельности в составе ИКУ относятся такие результаты, к которым в процессе потребления ИКУ применяются действия по работе с информацией (хранение, обработка, передача). Согласно классификации объектов интеллектуальной собственности, приведённой в Гражданском кодексе РФ, примерами объектов интеллектуальной собственности, представляющих контентную составляющую, могут служить произведения науки, литературы и искусства, базы данных, исполнения, фонограммы и др. Телекоммуникационно-программная составляющая ИКУ связана с техническими аспектами обработки, хранения и передачи информации по различным каналам связи и находит своё отражение в таких объектах интеллектуальной собственности, как изобретения, программы для ЭВМ, топологии интегральных микросхем и др.

Процесс спецификации прав интеллектуальной собственности на инфокоммуникационные услуги может быть рассмотрен с использованием основных положений российского законодательства по охране интеллектуальной собственности. Согласно ст. 226 ГК РФ, на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, включающие исключительное право и личные неимущественные права. Исключительное право является имущественным, оно предоставляет его обладателю право использовать объект интеллектуальной собственности по собственному усмотрению не противоречащим закону способом, запрещать или разрешать другим лицам использовать данный объект [1].

Как уже отмечалось, личные неимущественные права не носят экономического характера и сохраняются за автором в случае передачи прав другим лицам. К личным неимущественным правам относят право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения. В процессе дальнейшей спецификации на контрактной основе происходит рекомбинация правомочий. Документальное отражение рекомбинация правомочий интеллектуальной собственности находит в свидетельствах о регистрации, патентах на изобретение, полезную модель, промышленный образец, в лицензиях и других формальных источниках, подтверждающих наличие прав [4]. При дальнейшей спецификации прав собственности на ИКУ к существующим в рамках институциональной теории прав собственности 11 правомочиям следует добавить право на качество и достоверность информации, право на самозащиту.

Право на качество и достоверность информации для авторов возникает в виде обязанности и ограждает его от риска взысканий за некорректное предоставление результатов интеллектуальной деятельности с точки зрения имущественных прав, а с точки зрения неимущественных – охраняет имя автора. Данное правомочие для поставщиков, производителей и потребителей ИКУ возникает по факту заключения контракта или по факту использования ИКУ соответственно и находит своё выражение в предъявлении требований к авторам, создателям результатов интеллектуальной деятельности, в том числе и в судебном порядке.

Право на самозащиту проявляется в возможности и способности субъектов осуществлять действия над объектом интеллектуальной собственности, чтобы защитить их полезный эффект, но в рамках существующего законодательства. Например, автор литературного произведения, публикуя его в сети

Интернет, может защитить произведение от редактирования, печати и копирования. Производитель, поставщик ИКУ имеет возможность по согласованию с автором заключить лицензионный договор на условиях, защищающих его при наступлении неблагоприятных обстоятельств. Потребитель ИКУ, используя программы на условиях свободных лицензий, может вносить коррективы в программные продукты, защищая тем самым собственные интересы от создателей некачественных компьютерных программ.

Несмотря на то что структурно ИКУ воплощают в себе комбинацию результатов интеллектуальной деятельности, подлежащих защите, спецификация прав интеллектуальной собственности на ИКУ не может быть осуществлена простым отождествлением с классической спецификацией прав интеллектуальной собственности. Определение субъекта, объекта и «пучка правомочий» в процессе спецификации прав интеллектуальной собственности на инфокоммуникационные услуги сопровождается рядом особенностей, среди которых следует выделить две основные группы.

Первая группа особенностей связана с определением объекта и субъекта правомочий интеллектуальной собственности на ИКУ. Например, объектом спецификации для производителей или поставщиков ИКУ будут являться объекты интеллектуальной собственности в составе оказываемой ИКУ. Однако, говоря об услуге, потребитель в свою очередь также может быть наделён правами, где объектом выступает уже полноценная ИКУ. Вторая группа связана со спецификой определения соответствия субъектов и объектов правомочий прав интеллектуальной собственности на объекты в составе ИКУ. Так, автору могут принадлежать как исключительное право, так и личные неимущественные права, а поставщику или производителю ИКУ – только исключительное право, позволяющее ему

вовлекать в экономический оборот объекты интеллектуальной собственности. Кроме того, следует отметить, что вне зависимости от субъекта и объекта спецификации прав интеллектуальной собственности на ИКУ правомочие бессрочности теряет собственную актуальность ввиду искусственного законодательного ограничения.

Защищенность и устойчивость прав интеллектуальной собственности

Основой деятельности по оказанию инфокоммуникационных услуг выступает наличие у субъектов специфицированных и защищённых прав интеллектуальной собственности в составе такой услуги, что в свою очередь является стимулирующим моментом для эффективного использования специфического ресурса — результатов интеллектуальной деятельности. Наличие «пучка прав» интеллектуальной собственности у субъекта отражает степень их исключительности, т.е. возможности исключения других субъектов из области принятия решений о дальнейших действиях с данным объектом интеллектуальной собственности. Неотъемлемыми компонентами, дополняющими свойство исключительности прав, являются их защищённость и устойчивость. Защищённость прав интеллектуальной собственности представляет собой совокупность препятствий для других субъектов, имеющих потенциальную возможность осуществления действий над объектом собственности, не разрешённых обладателем прав собственности результата интеллектуальной деятельности. Препятствия, как правило, находят своё выражение в наказании (санкции) или его угрозе. Соответственно, чем больше препятствий от несанкционированного доступа к праву интеллектуальной собственности, тем выше степень защищённости. Состав и структура таких препятствий определяются путём спецификации прав интеллектуальной собственности.

Помимо создания условий для использования результатов интеллектуальной деятельности, защищённость прав интеллектуальной собственности также является важным фактором для стимулирования деятельности по созданию объектов интеллектуальной собственности, обеспечения условий добросовестной конкуренции. Необходимыми условиями использования объектов интеллектуальной собственности с целью извлечения коммерческой выгоды являются охрана и защита прав собственности на такие объекты. Именно охрана и защита прав интеллектуальной собственности создают из прав интеллектуальной собственности коммерческий актив. Охрана прав интеллектуальной собственности может быть отождествлена с установлением режима использования прав интеллектуальной собственности. Защита прав интеллектуальной собственности осуществляется в случае нарушения или оспаривания прав интеллектуальной собственности на объект.

Под устойчивостью прав интеллектуальной собственности понимается возникающий на основе формальных правил стабильный правопорядок, обеспечиваемый гарантом — государством. Устойчивость прав интеллектуальной собственности — это свойство системы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, которое означает сохранение в структуре системы в течение достаточно продолжительного периода сложившейся структуры отношений при осуществлении действий с объектами интеллектуальной собственности. Такая сложившаяся и стабильная структура взаимоотношений в сфере интеллектуальной собственности образует своеобразное ядро, невосприимчивое к внешнему воздействию (спецификация, наличие определённого «пучка правомочий» и пр.). Оболочку ядра составляют конкретные институциональные формы защищённости прав интеллектуальной собственности.

Инфокоммуникационные услуги и совершенствование институтов интеллектуальной собственности

Направления развития институтов интеллектуальной собственности во многом задают политические, экономические, идеологические, технологические векторы среды. Совершенствование институтов интеллектуальной собственности необходимо рассматривать не только в направлении соответствующего вектора, но и на различных уровнях (национальном, глобальном).

Развитие институтов предполагает изменение старых или образование новых институциональных структур, способствующих эффективному вовлечению объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот и их дальнейшему использованию, не наносящему материального ущерба ни его создателю, но лицензиату. Вопрос о неимущественных правах ввиду несущественного влияния на коммерциализацию объектов интеллектуальной собственности в данном случае затрагиваться не будет. Совершенствование законодательства как формального института в области регулирования интеллектуальной собственности предполагает следующие направления:

- ◆ совершенствование действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности, уточнение основных его положений и категорий;
- ◆ устранение неоднозначных толкований нормативно-правовых актов;
- ◆ гармонизация гражданско-правового регулирования прав интеллектуальной собственности с экономической подсистемой общества;
- ◆ гармонизация национальной законодательной базы с международной.

В зависимости от политического режима концепцией развития государства на национальном уровне могут вводиться или сниматься ограничения, связанные с доступностью для общества объектов интеллектуальной собственности.

Развитие экономических институтов заключается в изменении существующих бизнес-моделей по внедрению объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот, их коммерциализации и использованию в создании товаров, оказании услуг. Примером изменения бизнес-моделей при использовании объектов интеллектуальной собственности является процесс создания ИКУ, так как в него уже включены не только продавец и покупатель, но и другие субъекты, создающие и накапливающие объекты интеллектуальной деятельности, непосредственно входящие в состав ИКУ. Кроме того, среди формальных экономических институтов, к которым относятся контракты, появляются контракты нового типа, в различной степени передающие права лицензиату для использования объекта интеллектуальной собственности (например, открытые лицензионные договоры).

В сфере идеологического развития основные тенденции связаны с поощрением благоприятного для общества поведения субъектов при различных действиях с объектами интеллектуальной собственности, культуры использования объектов интеллектуальной собственности. В глобальном масштабе эволюция институтов интеллектуальной собственности во многом происходит за счёт тенденций развития мирового инфокоммуникационного пространства, которые выражаются в направлениях глобализации, конвергенции и усложнения инфокоммуникационных продуктов и услуг. Компании, используя инфокоммуникационные технологии, приобретают возможность осуществления деятельности на мировом рынке. Объединение информационных и телекоммуникационных технологий, их внедрение во все сферы общественной жизни определяют прогресс инфокоммуникаций, сопровождающийся появлением новых инфокоммуникационных услуг. В свою очередь усложне-

ние инфокоммуникационных продуктов и услуг с технологической точки зрения создаёт основу для повышения их комфортного использования для решения конкретных задач – как бытовых, так и производственных.

С учётом тесной связи уровня развития инфокоммуникаций страны и её экономического развития основными задачами эффективного функционирования инфокоммуникационного пространства

в глобальном масштабе являются повышение доступности инфокоммуникационных продуктов и услуг как для населения, так и для бизнеса, повышение качества инфокоммуникационных продуктов и услуг, сокращение «информационного разрыва», повышение инновационности производства, наукоёмкости технологий, достижение которых невозможно без совершенствования институтов интеллектуальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ, (действующая редакция от 28.11.2015) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004.
3. Болданова Е.В. Создание мирового информационного общества // Проблемы и перспективы развития бизнеса на предприятии и в регионе: Сборник научных трудов. Иркутск, 2006. С. 24–30.
4. Забелина И.Н. Интеллектуальная собственность: спецификация прав, экономический оборот, оценка / Под ред. В.Т. Смирнова. Орёл: ОрёлГТУ, 2010.
5. Капелюшников Р.И. Теория прав собственности / URL: <http://www.libertarium.ru/10622>.
6. Тамбовцев В.Л. Улучшение защиты прав собственности – неиспользуемый резерв экономического роста России? // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 22–38.
7. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М.: ИТК «Дашков и К°», 2003.

ENGLISH

Development of the theory of intellectual property rights in a climate of the information society

Makarova Stanislava Nikolaevna is a teaching and learning specialist of the Department of Economic Security, Orel State University named after I.S. Turgenev, head of the project “Development of the Property Rights Theory in the Information Society” (15-52-00016a(f)).

E-mail: stanislava-makarova@mail.ru

The fast-paced scientific and technical progress, shifted needs of individuals, on the one hand, and the increased service sector in the economy, on the other hand, confirm the need to focus on the phenomenon of intellectual property taking into account the main provisions of the institutional theory of property rights and development features of the information society. The article reviews the special aspects of intellectual property rights in the modern society.

Keywords: theory of property rights, information society, intellectual property, protection of property rights, information and communication services

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.11.1994 № 51-FZ (deystvuyushchaya redaktsiya ot 28.11.2015). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629 (in Russian).
2. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya / Per. s angl. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Academia, 2004 (in Russian).
3. Boldanova E.V. Sozdanie mirovogo informatsionnogo obshchestva // Problemy i perspektivy razvitiya biznesa na predpriyatii i v regione: Sbornik nauchnykh trudov. Irkutsk, 2006. S. 24–30 (in Russian).
4. Zabelina I.N. Intellektual'naya sobstvennost': spesifikatsiya prav, ekonomicheskyy oborot, otsenka / Pod red. V.T.Smirnova. Oryol: OryolGTU, 2010 (in Russian).
5. Kapelyushnikov R.I. Teoriya prav sobstvennosti / URL: <http://www.libertarium.EN/10622> (in Russian).
6. Tambovtsev V.L. Uluchshenie zashchity prav sobstvennosti – neispol'zuemyy rezerv ekonomicheskogo rosta Rossii? // Voprosy ekonomiki. 2006. № 1. S. 22–38 (in Russian).
7. Chernov A.A. Stanovlenie global'nogo informatsionnogo obshchestva: problemy i perspektivy. M.: ITK “Dashkov i Ko”, 2003 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 303
ГРНТИ 02.31.55

К.В. ХВОСТОВА*

Междисциплинарный характер исторического знания

В статье рассматриваются проблемы применения математических методов при исследовании исторического прошлого. Анализируются сложности, возникающие при изучении дефектной информации исторических источников. Характеризуется роль гомогенных малых совокупностей исторической информации. Уделяется внимание анализу лингвистического поворота в исторической науке и его связи с изучением исторических источников. Статья включает ряд вопросов, связанных с отношением слов и вещей в исторических источниках.

Ключевые слова: математические методы, малые совокупности, лингвистический анализ источников, соотношение слов и вещей

В этой статье, посвящённой междисциплинарности исторических исследований, целесообразно в первую очередь остановиться на многогранной, во многом спорной и далеко не лёгкой проблеме применения и роли математических методов в исторических исследованиях. Названное направление исследований, составляющее особенно впечатляющую область исторической междисциплинарности, интенсивно развивается начиная с 1960-х гг. в рамках так называемой современной некласси-

ческой научной парадигмы и под влиянием соответствующих исследований в социологии, эконометрии, политологии [1].

В наши дни данное направление приобрело как адептов, так и противников. В данной работе автор ставит своей целью рассмотрение некоторых проблем, недостаточно изученных, однако являющихся особенно актуальными с точки зрения задач исторической эпистемологии и методологии истории. В первую очередь следует назвать комплекс теоретических и эпистемологических во-

* **Хвостова Ксения Владимировна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель проекта «Методологические и логические проблемы современной исторической науки и их междисциплинарный характер» (16-03-00281a).
E-mail: hvks@mail.ru

просов, связанных с использованием статистики и дифференциальных уравнений при изучении отдалённого исторического прошлого. Под этим наименованием мы подразумеваем, прежде всего, эпохи европейского Средневековья и раннего Нового времени. От этого периода сохранился ограниченный пласт источников, содержащих информацию по социально-экономической истории, который с определёнными оговорками можно назвать массовым материалом. Именно эти данные с их специфическими особенностями составляют предмет настоящего рассмотрения. Именно они определяют специфику научной стратегии, применяемой при использовании математических методов в историописании.

Дело в том, что историческая информация, содержащаяся в исторических источниках, обычно не отличается той однородностью, которая является непременным условием применения математических, прежде всего статистических, методов. Эта особенность исторического материала наиболее ярко проявляется при работе с источниками, относящимися к отдалённому прошлому. Известно, что в Средние века и в раннее Новое время не только в отдельных регионах, но и в рамках более мелких пространственно-временных диапазонов, например отдельных вотчин, меры земельной площади и размеры податей, взимаемых с различных слоёв населения, сильно варьировали.

В подобных исследовательских ситуациях при обработке имеющегося материала с помощью математических методов, полагаем, целесообразно образовывать малые совокупности, включающие заведомо однородный материал источников. При этом специфика подхода состоит в том, что каждая малая выборка из некоторой, хотя и неизвестной, но предполагаемой генеральной совокупности данных оценивается не как часть сведений, а как самостоятельная генеральная совокупность, отражающая положение вещей

в определённый период времени в отдельных вотчинах и других хронотопах.

Сложность заключается в интерпретации результатов подобных исследований. Неизбежно возникает вопрос относительно того, имеем ли мы дело с абсолютно уникальными явлениями или же они при всём своём разнообразии обладали и некоторыми общими чертами, т.е. представляли собой локальные варианты более общих тенденций. Из-за отсутствия на этот счёт прямых данных исследователь вынужден оперировать косвенными. В некоторых исследовательских ситуациях необходимую информацию можно получить на основе законодательных памятников.

Названную процедуру проиллюстрируем на материале, относящемся к имущественному расслоению поземельно-зависимых крестьян Византии XIII–XIV вв., сведения о котором содержатся в поземельно-налоговых описях отдельных поселений с зависимыми держателями, принадлежавших крупным монастырям. На данном материале были рассчитаны коэффициенты корреляции и регрессии, характеризующие зависимость податей, уплачиваемых крестьянами отдельных поселений, от размеров их земельных держаний.

Для оценки значимости показателей, вычисленных на материалах малых совокупностей, для функционирования хронотопа, включавшего наряду с данными и другие совокупности со сходными экономическими характеристиками, сведения о которых не сохранились, обратимся к 162-й новелле Юстиниана, применявшейся и в поздней Византии. Согласно этой новелле, признаком нормального имущественного благосостояния крестьян являлось наличие у них земельного надела такой величины, какую крестьянская семья могла обработать собственными силами.

Иными словами, подобная ситуация может быть интерпретирована как наличие необходимых и оптимальных ус-

ловий для длительного поступательного развития соответствующего экономического уклада. С помощью дифференциальных уравнений был разработан механизм сравнения показателей, относящихся к отдельным поселениям, составляющим малые совокупности, с оптимальными условиями развития, зафиксированными в законодательном памятнике [2].

Полагаем, что для получения знания об общей тенденции, характеризующей изучаемые отношения в пределах хронотопа, превосходящего по своим параметрам эмпирически изученные малые совокупности, в отдельных исследовательских ситуациях возможно применение статистического приёма выравнивания эмпирического ряда. В результате этой процедуры можно на основе сведений о малых совокупностях получить значения соответствующих характеристик пространственно-временной тенденции в пределах, превосходящих те, которые присущи этим совокупностям.

Следует добавить, что дифференциальные уравнения применимы в исторических исследованиях не только при анализе количественной, но и качественной информации. Подобная практика, осуществляемая в социологии, экономической науке и истории, была обобщена уже в 1960-е гг. Распространённость подобных исследований несомненно говорит о роли в истории методологических стратегий, рекомендуемых в рамках современной неклассической научной парадигмы, определяющей научную стратегию современных естественных наук, а также экономического знания и частично политологии.

Однако нам представляется, что по отношению к историописанию приведённые выводы нуждаются в дополнении. А именно, следует специально подчеркнуть, что обязательным условием эффективного применения дифференциальных уравнений не только при изучении отдалённого прошлого, но и в исторической науке в целом является аргументиро-

ванное предположение о непрерывном характере развития рассматриваемых тенденций в рамках интересующего исследователя пространственно-временного диапазона. В приведённом выше примере, относящемся к византийским зависимым крестьянам, аргументированное суждение о непрерывности рассматриваемых отношений в фиксированном пространственно-временном диапазоне имеет в своём основании известный в науке факт применения законодательства Юстиниана в поздней Византии.

В целом, тем не менее, очевидно, что по отношению к информации отдалённого прошлого, а иногда и более поздних периодов, выполнимость подобного условия во многих исследовательских ситуациях представляется проблематичной. Действительно, свойственные отдалённым эпохам слабые социальные коммуникации, недостаточность у историка источниковедческой базы делают возможным предположение о том, что плавное непрерывное развитие некоторой тенденции, наблюдаемое в рамках определённого хронотопа, было нарушено при переходе процесса в сферу более широкого пространственно-временного диапазона. Это означает, что в некоторой пространственно-временной точке развитие перешло в свою новую стадию. При этом дефекты исторической информации часто затрудняют обнаружение стадильности процессов и нахождение граней перехода из одного состояния в другое. Эти факторы, очевидно, во многом отличают исследовательскую ситуацию в историописании от таковых в экономической науке и социологии, изучающих современность или недалёкое прошлое. Соответственно, в истории меньшую роль играют присущие неклассической парадигме идеи современной синергетики о фазах развития тенденций и «бифуркации» как форме перехода от одной фазы в другую.

Однако в современной методологии истории наряду с рассмотренным на-

правлением, связанным с применением математических методов, естественно, развивается и другая, более традиционная тенденция исторического исследования, в рамках которой акцентируются лингвистические особенности текстов исторических источников. Данное направление отражает значимость для историописания так называемого лингвистического поворота с современной эпистемологии и методологии знания. Однако при констатации роли названной тенденции для историописания необходимы, на наш взгляд, некоторые уточнения. Известно, что теоретики лингвистического направления, рассматривающие особенности нарратива в историописании, отмечают его сходство с литературным нарративом. Однако необходимо подчеркнуть, что в центре внимания историков находится прежде всего нарратив исторических источников. Лингвистическое направление в историописании предполагает анализ языка исторических источников и содержащихся в них лингвистических обозначений.

Характерной чертой современной эпистемологии и методологии истории является тот факт, что лингвистическое направление в историописании отнюдь не находится в противоречии с тенденцией применения математических методов.

Действительно, теоретик синергетики, составляющей основу современной неклассической научной парадигмы, И. Пригожин констатирует роль нарратива в исследованиях, предполагающих использование математических методов. Подобная взаимосвязь возникает в силу того, что синергетика изучает вероятностно-статистические изменения системы, появляющиеся под влиянием «малых возмущений», вызываемых отдельными единичными локальными событиями, анализируемыми в рамках нарратива. Значение, равно придаваемое нарративу и математическим методам, позволяет И. Пригожину высказать идею сближения в современной эписте-

мологии естественных и нарративных, т.е. гуманитарных наук [3].

Одновременно сближение названных методик свидетельствует о том, что современный исторический нарратив не похож на литературный нарратив. Это различие, определяемое прежде всего наличием в составе исторического повествования источниковедческого компонента, усиливается также использованием комплексной методики, включающей математические методы.

Анализ лингвистических обозначений, содержащихся в исторических источниках, является неотъемлемой составляющей современного исторического исследования.

М. Фуко, изучавший семиотические отношения слов и вещей в европейской культуре и науке, названные им «эпистемами», полагал, что до XVI в. категория сходства играла конструктивную роль в знании. Что же касается экономической жизни, то для обозначения её проявлений, по мнению М. Фуко, было характерно непосредственное соответствие слов и вещей [4, с. 54, 72, 73, 196]. Подобные обобщающие характеристики, основанные на интуитивном, теоретическом представлении об эпохе, в рамках современной эпистемологии, как известно, подвергаются процедуре гипостазирования и реификации, т.е. опредмечивания [5], являющегося результатом изучения конкретного источниковедческого материала, который относится к различным историческим хронотопам.

Постараемся проиллюстрировать выводы М. Фуко на источниковедческом материале византийских аграрных отношений, являвшихся предметом собственного анализа автора данной статьи.

Правомерность обращения к рассматриваемым ниже византийским источникам определяется тем фактом, что в основе соответствующих отношений, как и таковых на средневековом Западе, находились правовые нормы римского права.

В ряде правовых документов, относящихся к Византии XIII–XIV вв., в частности в купчих грамотах, земельные владения привилегированных земельных собственников, прежде всего крупных афонских монастырей, обозначаются как «деспотия», т.е. собственность. Это наименование расшифровывается как совокупность прав владения, пользования, произведения улучшений и распоряжения землёй по своему усмотрению [6]. Подобный перечень прав свидетельствует о том, что в поздней Византии в рамках юридической теории признавались концепции земельной собственности римского вещного права в практике конкретных земельных отношений. Однако уже в V–VI вв. происходило известное сближение представлений о собственности и владений. Действительно, обращение к источникам поздней Византии показывает, что понятие земельной собственности «деспотия» встречается лишь в немногих жалованных грамотах, т.е. в основных официальных документах, содержащих юридическое оформление пожалования юридическому лицу земельных владений. В большинстве грамот пожалованные земли обозначаются как владение. Подробный анализ источников показывает, что наименования «владение» и «владеть» имели очень широкий смысл. Они не только употреблялись в значении «собственность», но и обозначали земли, находившиеся в аренде, а также поземельно-зависимых крестьян.

Подобные наименования отражают сложившиеся лингвистические стереотипы. Они свидетельствуют о том, что отношения «слова–вещи» не являются строго определёнными. Они носили расплывчатый характер. Примечательно также, что в значениях «земля, находившаяся в собственности», «арендованная земля» и «крестьянское держание» иногда употребляется обозначение «право» [7, р. 5. 84–85]. Права, таким образом, отождествляются с вещами. Как видно, слова, образующие лингвистические стереотипы, живут соб-

ственной жизнью. Выявленные лингвистические стереотипы являются синонимами и неточно отражают содержание обозначаемой реальности, т.е. вещей. Характерно, что наименование «владеть», которое нередко заменяет обозначение «иметь собственность», иногда употребляется совместно с ним как синоним, равно как и с наименованиями «распоряжаться» или «пользоваться» [7, р. 7. 227–230].

Практика юридического оформления крупного землевладения в поздней Византии, видимо, не может подтвердить вывод М.Фуко относительно сходства и соответствия слов и вещей в рассматриваемую эпоху. Византийские источники обнаруживают наличие собственной тенденции употребления лингвистических стереотипов. Их устойчивое разнообразие определялось слабыми социальными коммуникациями, тормозящими процесс выработки единых юридических формул.

Далее, как бы широко ни трактовать понятие юридического сходства и соответствия, вряд ли таковые можно обнаружить между правом на землю, находящуюся в полной собственности, и арендованной землёй. Ещё меньше сходства между земельным владением и людьми — поземельно-зависимыми держателями, а также между объектом права — «вещью» и правом как юридическим понятием. Очевидно, жалованная грамота не являлась деловым документом. Её получение означало факт подтверждения со стороны императора имеющихся у получателя вещных пожалований или пожалование нового имущества. Обычно при подтверждении права собственности на имущество определённого юридического лица употреблялись те лингвистические стереотипы, которые содержались в ранее выданных грамотах. Именно таков был способ создания самостоятельной лингвистической традиции обозначения юридических прав. Имел значение сам факт издания грамоты, а точность при перечислении объектов пожалования не имела первостепенного значения,

особенно в случае получения подтверждающей грамоты. Роль слова своеобразна, она вторична по сравнению с ролью самого факта пожалования и издания грамоты. Однако такое слово интересно исследователю, так как позволяет на основе его анализа констатировать специфику соответствующей тенденции.

Всё сказанное означает, что лингвистические стереотипы выражали не только тенденцию юридического и административного делопроизводства, но и своеобразную, вполне объяснимую особенно действиями государства и эпохи ментальную и – шире – культуруологическую традицию, характеризующуюся неточностью, расплывчатостью словесных наименований.

Рассмотренные материалы позволяют, на наш взгляд, высказать предположение о том, что общее и уже потому упрощённое представление М.Фуко относительно доминирования идеи сходства и соответствия в знании до XVI в. является излишне категоричным. В процессе реификации, т.е. опредмечивания с помощью конкретного материала, обнаруживаются известные неточности подобного общего вывода.

Приведённый анализ лингвистических стереотипов, используемых в византийских аграрно-правовых отношениях XIII–XIV вв., отличается вниманием к единичным событиям, деталям, перечислениям. Подобный детализм традиционен для исторических исследований, для исторического нарратива. Он удачно сочетается в ряде исторических исследований, посвящённых изучению социально-экономических тенденций как в их общих статистических проявлениях, так и в индивидуальной событийной форме, с использованием математических методов. Детальность в сочетании с анализом статистической закономерности, как отмечалось, – характерная черта современной эпистемологии и методологии истории.

Методика анализа деталей, индивидуальных проявлений развития процесса, как известно, находится в центре внима-

ния постмодернистской научной стратегии. Её последователи не опираются на «категориальную сетку» классической философии. Постмодернисты проводят свои исследования на микроуровне, интересуясь деталями. Очевидна связь методики постмодернистов с конкретной научной методикой и в целом стратегией исторического описания. Однако рассмотренные выше высказывания М.Фуко свидетельствуют о том, что взгляды одного из ведущих структуралистов, причисляемого рядом авторов к постмодернизму, лишены детализма. Эпистемы М.Фуко – это обобщающие понятия. При их реификации, т.е. уточнении, опредмечивании на материале конкретных региональных источников, как мы пытались показать выше, обнаруживается расхождение общих представлений и фактов. Приведённые выше уточнения иллюстрируют необходимость междисциплинарной взаимосвязи исторической и философской методик исследования.

Возвращаясь к проблеме сходства слов и вещей в эпоху Средневековья, имеет смысл отметить его отсутствие в богословском языке, используемом в рамках как западного, так и восточного христианства. Одно и то же имя имело разные содержания и вызывало многочисленные споры. Догматическое расхождение католичества и православия состоит в различном понимании символа веры, а именно в учении об исхождении Святого Духа. Католичеству присуще учение о двойном исхождении Святого Духа от Отца и Сына (*filioque*).

Некоторые богословские споры отличались тем, что в них речь шла непосредственно о соотношении слов и вещей. В Византии в VIII–IX вв. происходило так называемое иконоборческое движение. Иконоборцы обвиняли иконопочитателей в том, что те признавали материальные рукотворные образы Христа, поклонялись идолам. В период христологических споров IV в. ариане признавали тварность Сына, тело которого имело, согласно их представлениям, земное происхождение.

В рамках Средневековья схоластики-номиналисты, среди которых особенно известен Оккам, отрицали онтологическое значение универсальных характеристик, т.е. имён, являющихся обозначениями реальных вещей. Реальными в соответствии с их концепциями являются только вещи, а не слова. Согласно воззрениям номиналистов, между предметом познания и его отражением в мышлении, т.е. соответствующим словесным обозначением, существует лишь сходство вещи и её мыслительного знака, но не слова. Поэтому непосредственным объектом познания является не вещь как таковая, а её знак.

Необходимость уточнения общих представлений о соотношении слов и вещей можно проиллюстрировать и на примере многозначности другого утверждения М. Фуко, относящего к эпохе до XVI в. Учёный полагает, что в названный период времени ценность монеты строго определялась количеством содержащегося в ней металла. Подобная строгая зависимость исчезает в позднейшую эпоху,

когда ценность денег определялась изображением на них правителя [4, с. 196]. Однако можно привести примеры существования в рассматриваемую эпоху и прямо противоположной тенденции. В византийском законодательном памятнике X в. утверждается, что в более ранний период допускалось хождение только такой монеты, на которой имелось изображение правящего императора. Однако в дальнейшем эта практика была отменена [8].

Проведённое исследование, полагаем, свидетельствует о необходимости сочетания в рамках конкретного современного исторического исследования присущего историческому нарративу детализма и фактологизма с анализом содержащихся в источниках языковых обозначений, а также с применением математических методов и вниманием к обобщающим представлениям. Совокупность названных средств и процедур характеризует современное междисциплинарное историческое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris: Plon, 1968.
2. Хвостова К.В. Методология истории и её связь с конкретно-историческими исследованиями // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 76–78.
3. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 51.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер.: В.М. Визгин, Н.С. Автономова. СПб.: А-сэд, 1994.
5. Микешина А.А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12. С. 47.
6. Actes de Lavra / Edition diplomatique par A. Guillou, P. Lemerle, N. Svorones, D. Papachrysanthou. Paris. P. Lethilleux. 1977. Vol. II. № 83.
7. Actes de Lavra. Paris. P. Lethilleux. 1977. Vol. III. № 118.
8. Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Ленинград: Наука, 1976. С. 64–65.

ENGLISH

Inter-disciplinary nature of historical knowledge

Khvostova Ksenia Vladimirovna is Doctor of Science in History, senior fellow of the Institute of World History of the Russian Academy of Science. Principal Investigator of the project “Methodological and Logical Problems of the Modern Historical Studies and their Interdisciplinary Character” (16-03-00281a). E-mail: hvks@mail.ru

The article focuses on the application of mathematical methods in the study of the historic past. It reviews the challenges in the study of defective information of the historical sources. The article describes the role of homogeneous little historical data clusters. It reviews the linguistic turn in the historical studies and its relation with the research of historical sources. The article includes a number of issues concerning the relationships of words and things in historical sources.

Keywords: mathematical methods, little clusters, linguistic analysis of sources, relation of words and things

REFERENCES

1. Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris. Plon. 1968.
2. Khvostova K.V. Metodologiya istorii i yeyo svyaz' s konkretno-istoricheskimi issledovaniyami // Voprosy filosofii. 2016. № 7. S. 76–78 (in Russian).
3. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6. S. 51 (in Russian).
4. Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk / Per. V.M. Vizgin, N.S. Avtonomova. SPb: A-cad, 1994 (in Russian).
5. Mikeshina A.A. Epistemologicheskoe opravdanie gipostazirovaniya i reifikatsii // Voprosy filosofii. 2010. № 12. S. 47 (in Russian).
6. Actes de Lavra. Edition diplomatique par A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. Vol. II. Paris. P. Lethilleux. 1977. № 83. P. 60.9.
7. Actes de Lavra. Vol. III. № 118.
8. Lipshits E.E. Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv. Leningrad: Nauka, 1976. S. 64–65 (in Russian).

Н.В. ДУНАЕВА*

Реформаторский законопроект как явление правовой культуры Российской империи XIX века

Статья затрагивает вопросы взаимодействия традиции и инновации в законотворчестве переходного периода, использования количественных методов в историческом правоведении. На примере неопубликованных материалов показан реформаторский потенциал ряда законопроектов в земельно-правовой, судебной и процессуальной сферах; дана оценка уровня их юридико-технической проработки, отмечено зарождение и развитие тенденции вовлечения профессионального юридического сообщества в процесс законотворчества.

Ключевые слова: правовая культура, правотворчество, законопроект, реформа, история права и государства России, XIX в.

Высокая законотворческая активность — одна из отличительных особенностей современного этапа развития отечественной правовой системы, объективно связанная с процессами становления Российской Федерации как суверенного демократического правового государства. В периоды масштабных социальных реформ, определяющих переходные состояния правовой системы общества, требования к качеству законопроектной деятельности многократно возрастают. В значительной степени это обусловлено тем, что вплоть до завершающего этапа переходного периода сохраняются «многовариантность и альтернативность пер-

спектив развития общества» [1]. Меняющийся правопорядок, стремительно наполняясь новыми правовыми запросами, интересами, явлениями, идеями, прочно удерживается культурными корнями, многими сформированными ранее архетипами массового поведения и ценностными установками. Способы и темпы аккультурации инноваций в значительной степени определяют национальную специфику переходных периодов в истории отдельных народов и государств.

Возможна ли в этих условиях научная методология реформаторского законопроекта? Сама постановка подобного вопроса достаточно нова, а ответ на него только предстоит отыскать.

* **Дунаева Наталья Викторовна** — доктор юридических наук, профессор НИУ ВШЭ (Санкт-Петербургский филиал), главный научный сотрудник Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, руководитель проекта «Законопроект в правовой культуре эпохи реформ: из опыта Российской империи XIX века» (14-03-00177а).

E-mail: natdunaeva@yandex.ru

Позитивную основу для этого поиска, полагаем, поможет создать проявившее себя в последнее время стремление отечественной теоретико-правовой науки к интеграции социо-гуманитарного знания в области изучения правовых систем, правовых культур, правового общения (см., например, работы Г.Г.Бернацкого, В.Г.Графского, Н.В.Варламовой, Н.Ю.Гурьянова, А.И.Гусейнова, А.А.Дорской, С.Б.Зинковского, З.Н.Каландаришвили, В.Н.Карташова, Е.М.Крупени, Л.С.Мамута, Г.И.Муромцева, М.В.Немытиной и др.).

Аналогичная тенденция отмечается и в историческом правоведении (см., например, работы И.А.Исаева, С.В.Кодана, Л.Е.Лаптевой, Н.И.Лесновой, Д.И.Луковской, А.Н.Медушевского, Д.А.Пашенцева, Н.А.Проскуряковой, И.В.Ружицкой, В.А.Томсинова, А.С.Тумановой, Т.В.Шатковской, Е.А.Юртаевой и др.). В то же время можно констатировать, что реформаторский законопроект как явление российской правовой культуры пока специально не исследовался.

Изучение истории законопроектной деятельности в контексте тенденций развития национальной правовой культуры способствует более глубокому пониманию истории отечественного права как многомерного и многофакторного процесса, что отвечает задачам современного научного поиска интегрированного юридического знания. Правовая культура любого народа и государства представляет собой сложный, зачастую внутренне противоречивый комплекс ценностей, идей, действий, правовых текстов, институтов и других элементов, формирующийся в диалектическом взаимодействии традиций и новаций. Исследование места и роли в этом комплексе феномена реформаторского законопроекта отвечает просветительскому назначению историко-правовых исследований, которые с развитием информационных технологий получают новый импульс, особенно в части доступа к электронным источникам научной информации (прежде всего оцифрованным

юридическим документам, сохранившимся в фондах государственных архивов, законодательным памятникам, сборникам официального делопроизводства, материалам юридической периодической печати XIX в., мемуарной литературы).

Общие данные об объемах законотворческой работы в XIX в. до сих пор отсутствуют. Частично этот пробел восполняется изучением Полного собрания законов (ПСЗ) Российской империи при помощи количественных методов. ПСЗ в данном отношении представляет собой неоценимый источник сведений об отечественном законотворчестве. С одной стороны, тексты законов — за изъятием ряда реквизитов — одновременно являются последним вариантом соответствующих законопроектов, а с другой — общее количество опубликованных законов показывает минимальный объем законопроектов, подготовленных за соответствующий период времени (минимальный — поскольку, во-первых, значительная часть нормативно-правовых актов XIX в. не подлежала официальной публикации и систематизации, а во-вторых, каждый изданный закон мог иметь два и более концептуально конкурирующих законопроекта-предшественника) [2].

Весьма перспективным в указанном аспекте представляется изучение законопроектных материалов эпохи Великих реформ — времени, когда российская культура законотворчества, как и правовая культура в целом, подверглись интенсивному обновлению. Анализ ряда малоизвестных официальных законопроектов, созданных в конце 1850-х — начале 1860-х гг., но не ставших законами в силу определенных причин, позволяет более объемно представить процесс формирования общей правовой модели преобразования России, методологически перекликающийся с современной эпохой. В основу этой модели были положены реформы в двух важнейших сферах общественных отношений — земельно-правовой (и административно-правовой как смежной с нею) и правосудия.

Фото 1. Владимир Фёдорович Адлерберг
(1791–1884)

Законопроекты 1861 г., отнесённые к первой группе, были направлены на формирование в российском аграрном обществе и сословном праве предпосылок перехода к отношениям и институтам общегражданской правовой природы. Речь идёт о проектах, подготовленных Министерством государственных имуществ и Министерством императорского двора и уделов, «О применении Положения 19 февраля 1861 г. о вышедших из крепостной зависимости крестьянах к государственным крестьянам (от 17 октября 1861 г.) и «Об устройстве крестьян государевых, дворцовых и удельных имений применительно к началам Положения 19 февраля 1861 г.» (от 27 октября 1861 г.) [3]. Оба законопроекта малоизвестны и ранее в литературе оценивались крайне поверхностно.

Тем не менее, более пристальный анализ показывает, что при всей умеренности и даже консерватизме содержания указанные законопроекты, в отличие от законодательства 19 февраля 1861 г., закрепившего

на многие десятилетия сословно-правовую изоляцию российского крестьянства, заключали в себе значительный реформаторский потенциал. Они изначально создавались как компромиссные, позволявшие при сохранении в «коронной» деревне, как того требовало законодательство 19 февраля 1861 г., архаичных институтов сельской общины, сословного сельского самоуправления, общинной собственности на землю, всё-таки развивать регулируемый государством переход отдельных групп сельского населения к индивидуальным формам землевладения и землепользования, а в территориальном отношении – к бессословным формам местного самоуправления.

Эти уникальные образцы отечественного правотворчества переходной эпохи были ориентированы на эволюционный тип преобразования российской правовой культуры без потери её традиционных основ. Разработчики законопроектов (министры В.Ф.Адлерберг

Фото 2. Михаил Николаевич Муравьёв
(1796–1866)

и М.Н.Муравьев – фото 1 и 2) заложили в них правовой механизм согласования законных потребностей многочисленных субъектов права (отдельных сельских обывателей, сельских обществ, мировых посредников, чиновников, государственных органов, кредитных организаций и т.д.) в интересах всего общества, переживающего сложный переходный период. С юридико-технической точки зрения проекты приближались к образцам изложения в юридическом акте правовых предписаний и, в известной степени, могли бы выдержать современную экспертизу на предмет «надлежащего качества» закона [4].

Вышеназванные законопроекты как потенциальные источники российского права переходного периода в случае их принятия и утверждения обеспечивали необходимую полноту, конкретность, системность, простоту, точность, ясность правового нормирования общественных отношений. Их содержание отличалось компактностью, логической правильностью, было социально обусловлено. Адекватность способа правового регулирования социальной действительности, предложенного разработчиками законопроектов о применении законодательства 19 февраля 1861 г. к сельскому населению «коронного» сектора российского землевладения, состоянию правовой культуры и степени готовности российского общества к переменам, свидетельствует о высоком уровне профессиональной правовой культуры авторов проектов, и результат их правотворческого труда остаётся примечательным и поучительным явлением российской правовой культуры второй половины XIX в.

К сходным выводам приводит и анализ второй группы историко-правовых памятников – архивных материалов, связанных с начальным (1857–1859) этапом разработки законодательства судебной реформы при императоре Александре II (фото 3), когда дискуссия по вопросу о методах проведения крестьянской реформы

Фото 3. Император Александр II (1818–1881)

в России расколола ряды высших правительственных реформаторов на так называемых консерваторов и либералов.

Несмотря на обширную историографию и солидный массив документальных материалов о судебной реформе 1864 г. и её последующем развитии [5], остаются малоизученными многие аспекты подготовки её нормативно-правовой базы, проведения реформы в жизнь, её взаимосвязи с другими преобразованиями, влияния судебной реформы 1864–1899 гг. на развитие отечественной правовой культуры.

Углублённое изучение, требующее зачастую прочтения заново уже введённых в научный оборот документальных исторических свидетельств законотворческих усилий реформаторов, которые пытались построить новую модель правопорядка в России, способствует формированию объективной оценки эффективности механизмов реализации монархом права законодательной инициативы в условиях неупорядоченности законодательного процесса и отсутствия парламентской формы законотворчества.

Дискуссия о принципах судостроительства и процессуальных отношений, раз-

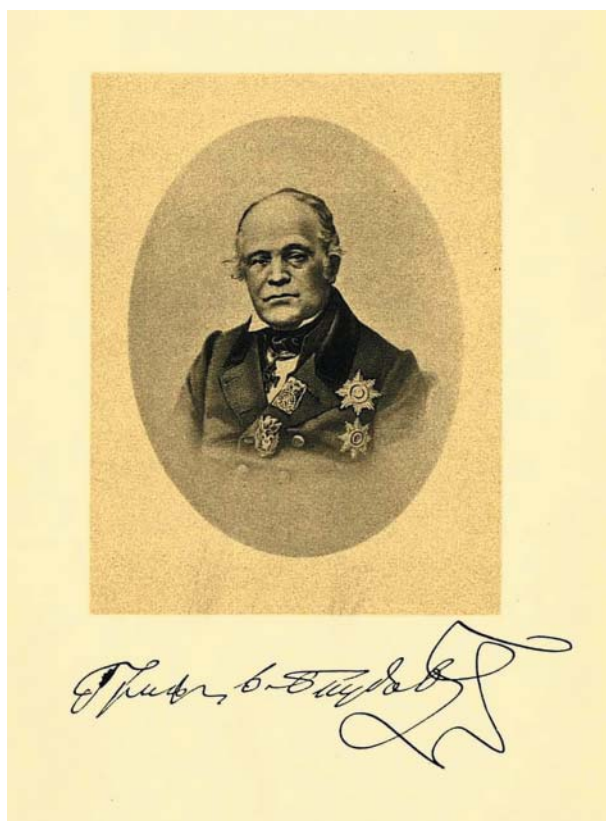

Фото 4. Дмитрий Николаевич Блудов
(1785–1864)

вернувшаяся в 1857–1859 гг. в высшем эшелоне государственной власти, получила отражение в трудах Б.В.Виленского и М.Г.Коротких. Однако выводы, сделанные исследователями в 1960-е и 1990-е гг., сегодня нуждаются в определённой концептуальной доработке, обусловленной в том числе и переоценкой результатов внедрения в современную российскую правовую культуру моделей общественного развития, апробированных государствами Запада. Сегодня в общественно-политической мысли всё более утверждается тезис о необходимости полнее учитывать цивилизационные особенности развития общественных систем и национальных правопорядков, часто уникальных по многим своим параметрам, как, например, в России [6].

Начало дискуссии 1857–1859 гг. связано с внесением по решению императора Александра II в Государственный Совет проекта Устава гражданского судопроизводства, разработанного Вторым отделе-

нием Собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством графа Д.Н.Блудова (фото 4). Законопроект вызвал критику «либерального» течения, сформировавшегося в высших правительственных кругах вокруг великого князя Константина Николаевича, по поручению которого была составлена и получила распространение обширная записка, повлиявшая на отказ от первоначального замысла Судебной реформы [7].

В центре дискуссии о будущем российской системы судопроизводства и судопроизводства оказалось не только содержание реформы, но также методы и темпы обновления правовой системы в целом. Записки, которыми обменивались юристы, состоявшие на государственной службе и причастные к процессу законотворчества, а именно — князь Д.А.Оболенский (фото 5) и С.И.Зарудный (фото 6), стали средством влияния на членов Государственного Совета Российской империи с целью изменить направление обсуждения и прохождения

Фото 5. Дмитрий Александрович Оболенский
(1822–1881)

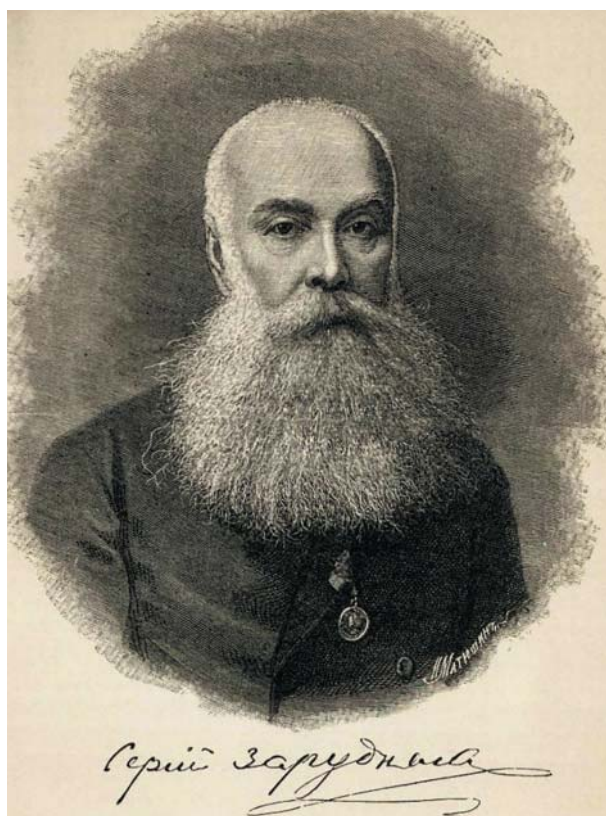

Фото 6. Сергей Иванович Зарудный
(1821–1887)

законопроекта в высшем законосовещательном органе [8].

«Искусственная гласность» (термин А.В. Головнина) использовалась «либеральной бюрократией» для повышения общественного интереса к преобразованиям и представляла собой яркий пример формирования новой политико-правовой культуры законотворчества, порождённой властным ресурсом самодержавия, которое столкнулось с необходимостью масштабного реформирования общественных отношений. В то же время анализ источников показывает, что по мере углубления дискуссии реформаторы всё меньше заботились о способах поддержания баланса традиции и инновации в изменяющемся правопорядке, об обоснованности объёмов заимствований иностранного законодательства, уходя от адекватного отражения противоречивой социальной реальности в юридических конструкциях к их идеализированным формам.

Великие реформы имели важные правовые последствия в области правовой культуры законотворчества. Если до середины XIX в. легальное обсуждение законотворческих инициатив исполнительной власти не могло иметь места ни в ведомственной периодической печати, ни, тем более, в журналах, издаваемых частными лицами (что сказалось и на результатах законодательной деятельности в эпоху Великих реформ), то со второй половины 1850-х гг. наблюдается попытка изменить эту тенденцию.

Обсуждение в печати предполагавшихся реформ началось на страницах «Морского сборника» — официального издания Морского министерства. Ситуация, когда различные проекты преобразований оказывались опубликованными в специальном флотском издании, также обязана своим возникновением личности великого князя Константина Николаевича. Последовательный сторонник реформ, он как управляющий Морским министерством способствовал публикации на страницах ведомственного (и, соответственно, не подлежащего цензуре) издания материалов широкой социальной тематики.

В период Великих реформ профессиональные юридические журналы ещё не существовали. Обсуждение реформаторских законопроектов проводилось двумя способами: через публикацию статей, печатавшихся в общих (неспециализированных) журналах, и путём целенаправленного сбора государственными учреждениями сведений и мнений по вопросам конкретных преобразований (и в ряде случаев — публикации обзоров собранных предложений и мнений о законопроектах). Так, при подготовке судебной реформы авторами статей в периодической печати выступали юристы, многие из которых впоследствии стали известными деятелями Судебной реформы 1864 г. (например, К.П. Победоносцев).

Материалы, свидетельствующие о разработке законодательной базы Великих

реформ, сохранили уникальный по своим объёмам и разнообразию массив документов «с мест», отразивший мнения провинциальных чиновников, юристов, землевладельцев, горожан и представителей других слоев общества, о готовящихся преобразованиях. Например, в состав «Дела о преобразовании судебной части в России», собранного в 1866 г. одним из самых деятельных создателей проектов Судебных уставов 1864 г. С.И.Зарудным, были включены шесть томов частных мнений и пожеланий, полученных главным образом от служащих судебных органов [9]. Этот массив документов пока не исследован, и вопрос, в какой мере эти мнения были учтены разработчиками Судебных уставов, остаётся открытым.

Появление первых специализированных юридических изданий было обусловлено развитием юридической науки и профессионального юридического образования, а потому оказалось тесно связанным с университетской правовой культурой. В профессиональных юридических журналах (в первую очередь «Юридическом вестнике» и «Журнале Министерства юстиции») стали регулярно появляться публикации о социально значимых законопроектах (например, о проекте Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, о проектах отдельных частей гражданского законодательства и др.) [10].

Таким образом, уже в последней трети и особенно к концу XIX в. профессиональное юридическое сообщество, гораздо более организованное, чем это было в период «искусственной гласности» в эпоху Великих реформ, оказалось вовлечённым в законотворческую деятельность благодаря средствам массовой информации, являвшимся едва ли не единственным инструментом непарламентского влияния на законотворчество. Сама возможность юристов регулярно обсуждать законопроекты (в том числе откликаться на подготовленные в зарубежных го-

сударствах и переведённые на русский язык специально для опубликования в журналах) может рассматриваться как предпосылка учреждения в России общегосударственного института народного представительства.

Изучение реформаторских законопроектов прошлого неизбежно затрагивает вопрос о соотношении в законотворчестве объективного и субъективного факторов. При абсолютной монархии право законодательной инициативы принадлежало исключительно российскому императору. Но это не означает, что личная позиция чиновника, исполнявшего поручение монарха о разработке законопроекта, нивелировалась и не оставляла следа в правовой культуре. Напротив, в условиях переходного времени именно непосредственные разработчики законопроектов задавали вектор реформ, именно их усилиями правовая инновация обретала конкретную юридическую форму, проходила путь от идеи, замысла, правовой инициативы к материализации в тексте законопроекта.

История отечественного права содержит немало примеров, когда не принятый к рассмотрению или отклонённый законодателем законопроект объективно являлся более перспективным для общества и государства как политико-правовой организации, призванной обеспечивать социальный прогресс. «Сослагательное наклонение» (каким было бы развитие общества, государства, если бы законопроект был принят? какие последствия это имело бы для правовой культуры? и т.д.) при изучении подобных правовых феноменов не только допустимо, но и необходимо, поскольку представляет собой важную составляющую исследовательской (в частности, феноменологической) методологии. Подобный ракурс изучения законопроектов, не ставших законами, расширяет научные представления об историческом опыте правового развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин В.В. Общее учение о государстве и праве переходного периода. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 258–259, 274 и др.
2. Ильин А.В. Юридическая техника реформаторского законопроекта в России XIX в.: основные подходы к исследованию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2015. № 2. С. 25–29.
3. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 343; РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 449. Л. 24–42 об.
4. См.: Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 23–24, 27.
5. См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. Воронеж, 1994; Он же. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989; Он же. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Л., 1990; Назарова Н.А. Реформирование и развитие российского гражданского судопроизводства во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007; Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999; Серебренников С.Ю. Развитие гражданского судопроизводства в Российской империи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Фетищев Д.В. Теоретико-методологические проблемы развития судебной власти в системе государства: историко-правовой аспект. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008 и др.
6. См., например: Княгинин К.Н. Фактор территориального устройства государства в развитии российской правовой культуры: Российская империя и современность // Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2014. С. 204–227.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 208. Ед. хр. 294. Л. 1–19.
8. Первую публикацию документальных свидетельств дискуссии см.: Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2014. С. 10–96 (Сборники Президентской библиотеки. Серия «Историческое правоведение»).
9. Замечания разных лиц о развитии основных положений преобразования судебной части (в 6 частях) // Дело о преобразовании судебной части в России / [Сост. С.И. Зарудный]: В 76 т. СПб., 1857–1866. Т. 21–26.
10. Сусоров Р.С. Законопроект на страницах юридической периодики (последняя четверть XIX в.) // Российская судебная власть в контексте историко-правовых исследований: Сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека, 2014. С. 243–252.

ENGLISH

**Reformatory law draft bill as a phenomenon of legal culture
of the Russian Empire of the 19th century**

Dunaeva Natalia Viktorovna is Doctor of Science in Law, Professor of the National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg branch), senior fellow of the Boris Yeltsin Presidential Library, head of the project “A Bill in the Legal Culture of the Reform Epoch: from the Experience of the Russian Empire of the 19th Century” (14-03-00177a).

E-mail: natdunaeva@yandex.ru

The article addresses the interaction between the tradition and the innovation in the lawmaking process during the transition period, the use of the quantitative methods in the historical legal studies. Using the example of unpublished materials, it shows the reformist potential of some bills in such areas as land, judicial and procedural relations; evaluates their legal and technical level; notes the onset and development of the trend towards the involvement of the professional legal community in the process of lawmaking.

Keywords: legal culture, lawmaking, bill, reform, Russian legal and state history, 19th century

REFERENCES

1. Sorokin V.V. *Obshchee uchenie o gosudarstve i prave perekhodnogo perioda*. M: Yurlitinform, 2010. S. 258–259, 274 i dr. (in Russian).
2. Il'yin A.V. *Yuridicheskaya tekhnika reformatorskogo zakonoproekta v Rossii XIX v.: osnovnye podkhody k issledovaniyu* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. Seriya 14. Pravo. 2015. №. 2. S. 25–29 (in Russian).
3. GA RF. F. 722. Op. 1. D. 343; RGIA. F. 515. Op. 76. D. 449. L. 24–42 ob. (in Russian).
4. Sm.: Syrykh E.V. *Obshchie kriterii kachestva zakona: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. M., 2001. S. 23–24, 27 (in Russian).
5. Sm.: Vilenskiy B.V. *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii*. Saratov, 1969; Korotkikh M.G. *Sudebnaya reforma v Rossii: sushchnost' i sotsial'no-pravovoy mekhanizm formirovaniya*. Voronezh, 1994; *On zhe. Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii*. Voronezh, 1989; *On zhe. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii (Sushchnost' i sotsial'no-pravovoy mekhanizm formirovaniya): Avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk*. L., 1990; Nazarova N.A. *Reformirovanie i razvitie rossiyskogo grazhdanskogo sudoproizvodstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. Nizhniy Novgorod, 2007; Nemytina M.V. *Sud v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* Saratov, 1999; Serebrennikov S.Yu. *Razvitie grazhdanskogo sudoproizvodstva v Rossiyskoy Imperii: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk*. M., 2010; Fetishes D.V. *Teoretiko-metodologicheskie problemy razvitiya sudebnoy vlasti v sisteme gosudarstva: istoriko-pravovoy aspect. Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk*. M., 2008 i dr. (in Russian).
6. Sm., naprimer: Knyagin K.N. *Faktor territorial'nogo ustroystva gosudarstva v razvitii rossiyskoy pravovoy kul'tury: Rossiyskaya Imperiya i sovremennost'* // *Rossiyskaya sudebnaya vlast' v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy: Sbornik nauchnykh trudov*. SPb: Prezidentskaya biblioteka, 2014. S. 204–227 (in Russian).
7. *Otdel rukopisey Russiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB)*. F. 208. Ed. hr. 294. L. 1–19 (in Russian).
8. *Pervuyu publikatsiyu dokumental'nykh svidetel'stv diskussii sm.: Rossiyskaya sudebnaya vlast' v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy: Sbornik nauchnykh trudov*. SPb: Prezidentskaya biblioteka, 2014. S. 10–96 (Sborniki Prezidentskoy biblioteki. Seriya «Istoricheskoe pravovedenie») (in Russian).
9. *Zamechaniya raznykh lits o razvitii osnovnykh polozheniy preobrazovaniya sudebnoy chasti (v 6 chastyakh)* // *Delo o preobrazovanii sudebnoy chasti v Rossii* / [Sost. S.I. Zarudnyy]: V 76 t. SPb., 1857–1866. T. 21–26 (in Russian).
10. Susorov R.S. *Zakonoproekt na stranitsakh yuridicheskoy periodiki (poslednyaya chetvert' XIX v.)* // *Rossiyskaya sudebnaya vlast' v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy: Sbornik nauchnykh trudov*. SPb: Prezidentskaya biblioteka, 2014. S. 243–252 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82-2
ГРНТИ 17.09.91

**К.Ю. ЗУБКОВ,
А.С. ПЕРНИКОВА***

А.Н. Островский и Награда графа А.С. Уварова для драматургов

В статье ставится актуальная научная проблема, возникшая во время работы по подготовке Полного собрания сочинений и писем А.Н.Островского, — необходимость комплексного изучения Награды графа Уварова для драматургов. Авторы показывают, что изучение этой премии необходимо как для подготовки текстов произведений А.Н.Островского и их комментирования, так и для понимания общих принципов историко-литературного процесса в России середины XIX в. Премия представляет собой уникальную институцию, связанную как с литературой, так и с театром; в её организации участвовали цензоры, члены Академии наук, профессиональные литераторы и никому не известные любители. Исследование истории развития и вручения награды позволяет осветить сложные процессы взаимодействия литературы, театра, критики и науки в середине XIX в. Изучение премии даёт множество ранее не известных исследователям материалов о биографии А.Н.Островского, творческой истории и рецепции его произведений.

Ключевые слова: А.Н.Островский, текстология, комментирование, литературные премии, социология литературы

В процессе подготовки Полного собрания сочинений Александра Николаевича Островского (фото 1) необходимо тщательно изучить не только привычные для историка литературы источники, такие как рукописи драматурга, прижизненные пуб-

ликации его сочинений, отзывы на них в литературной критике и переписке современников и проч., но и новые материалы, ранее не рассматривавшиеся или не привлекавшие пристального внимания исследователей. Особенно редко исследователи обращаются к тем

* **Зубков Кирилл Юрьевич** — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ, исполнитель проекта «Полное собрание сочинений и писем А.Н.Островского: исследование, комментирование, подготовка к изданию 4, 5 т.» (16-04-00323а).

E-mail: k_zubkov@inbox.ru

Перникова Анастасия Сергеевна — магистрант, исполнитель того же проекта.

E-mail: anastasya_pernikova@list.ru

Фото 1. А.Н. Островский.
Портрет работы В.Г. Перова. 1871 г.

Фото 2. С.С. Уваров.
Портрет работы Я.К. Каневского. 1844 г.

источникам, которые мало характерны для представителей «журнальной» литературы, т.е. большинства крупных русских писателей середины XIX в. Для них основная форма прижизненного бытования произведений – публикация в том или ином периодическом издании.

В отличие от многих современников, А.Н. Островский, профессиональный драматург, писал для зрителей (а не только для читателей), и потому необходимо учитывать его связь с различными институтами, относящимися к области как литературы, так и театра. Одна из таких институций – Награда графа Уварова (также часто называемая «уваровской премией»), учреждённая А.С. Уваровым в память об отце, министре народного просвещения Сергее Семёновиче Уварове (фото 2) (о распространённости и функциях «мемориальных» премий см.: [1, с. 109–112]). Награда вручалась в двух номинациях: за драматическое произведение и за исторический трактат. Определением победителей занимались члены Императорской академии наук, поэтому относящиеся к премии архивные материалы сохранились в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [2]. Исследователи творчества Островского обычно лишь кратко характеризуют эту премию, упоминая, что драматург удостоился её дважды: в 1860 г. за драму «Гроза» и в 1862 г. за драму «Грех да беда на кого не живёт» [см.: 3, с. 547]. Участию Островского в конкурсе уделяется мало внимания и в немногочисленных специальных работах о российских премиях XIX в. [см.: 4–6]. В этой статье мы покажем, в каких аспектах материалы, связанные с Наградой графа Уварова, значимы для изучения творчества Островского. Прежде, однако, требуется дать краткую характеристику премии, которая до сих пор остается почти не описанной в научной литературе.

Литературные премии чаще всего ассоциируются со спецификой литературного процесса последних десятилетий [7]. Однако различные награды за создание

художественных произведений существуют уже очень давно. Анализ истории таких премий, как представляется, может быть интересен не только историку литературы, но и любому человеку, стремящемуся познать логику литературного процесса. Первой настоящей российской литературной премией, цель которой не сводилась к благотворительности или получению писателями государственных регалий, стала Награда графа Уварова для драматургов.

Для полного анализа деятельности Островского необходимо не только извлечь из фондов Архива РАН относящиеся к драматургу материалы, но и поместить их в контекст истории самой премии. Написание такой истории — значимая для современной науки задача, требующая внимательного анализа.

Чтобы охарактеризовать своеобразие Уваровской премии как литературного явления и как социального института, требуется провести тщательный анализ отложившихся в архиве материалов, появившихся в печати того времени отзывов о премии, официальной и частной переписки членов комиссии и экспертов. Опираясь на эти материалы, можно будет исследовать состав комиссии, вручавшей премию, экспертов и претендентов на награду (их возраст, статус, профессию, причины участия в конкурсе), а далее описать изменения в составе этих групп, произошедшие за годы существования премии. После этого необходимо проанализировать созданные экспертами тексты и их связь с инструкциями, которыми должны были руководствоваться лица, вручавшие премии.

Изучив все эти аспекты, можно будет дать ответ на вопрос о том, какова роль Награды графа Уварова в литературном процессе середины XIX в., какое место она занимает среди социальных институтов своего времени и почему в конечном счёте Награда так и не смогла стать определяющим фактором в истории русской драматургии своего времени.

Наконец, Уваровская премия должна быть описана и в компаративном аспекте — необходимо сопоставить её с литературными и театральными премиями, существовавшими в то же время в Западной Европе (особенно в Англии, Франции и Германии). Это сопоставление позволит точнее определить специфику как социальной структуры групп, отвечавших за вручение премии, так и её собственно идеологической составляющей, т.е. связей с государственной и общественной идеологией своего времени, вопросами национального строительства и проч.

Итак, работа над изданием Полного собрания сочинений Островского подразумевает не только подготовку текста и написание комментария. В ходе научного издания текстов драматурга исследователю приходится сталкиваться со множеством ранее не решенных и даже не поставленных в науке вопросов. Решение этих вопросов значимо не только для понимания творчества Островского, но и для научного изучения истории литературы в целом.

Исследователи почти не обращались к Уваровской премии, а если обращались, то ограничивались указанием на её неэффективность: она была вручена лишь за четыре пьесы трём авторам: А.Н. Островский удостоился награды дважды, также её получили А.Ф. Писемский и Д.Д. Минаев [4]. Между тем, Уваровская премия была значительным явлением в литературной жизни своей эпохи: пьесы на её соискание подавались около 15 лет, среди претендентов на награду были и крупнейшие драматурги своей эпохи, такие как А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.К. Толстой, и ныне совершенно забытые авторы. В состав комиссии входили выдающиеся деятели науки и литературы (например, А.В. Никитенко), в число экспертов — знаменитые писатели и критики (И.А. Гончаров, П.В. Анненков и др.).

Сохранились и тексты поданных на премию пьес, и многочисленные развёрнутые отзывы экспертов, заслуживающие пристального внимания исследователей.

Но сама история премии почти не изучена; известны лишь самые общие её очертания. Хотя согласно воле членов семейства Уваровых распределением наград занимались члены Академии наук, поступившие на конкурс пьесы рецензировали сторонние эксперты, которые обычно относились к числу профессиональных литераторов или были близки к литературному миру (как, например, А.С.Хомяков и Н.Ф.Щербина). Члены Академии наук были не в восторге от необходимости распределять награды за литературную деятельность. Со временем трудности с отбором пьес-победителей всё усиливались и в конечном итоге привели к отмене этой номинации (награда для историков сохранилась).

Историко-литературное значение премии намного выше, чем может показаться, если учитывать только количество вручённых наград. На премию подавали пьесы самые разные авторы, от знаменитых драматургов своего времени до любителей. Чтобы адекватно ориентироваться в столь разных произведениях, вручавшим премию критикам и учёным приходилось очень серьёзно задумываться о критериях, по которым можно оценивать драматическое искусство, о соотношении собственно эстетической и общественной его значимости, о том, в каких случаях награды может заслуживать в чём-то несовершенное произведение, и напротив, почему хорошо написанная пьеса не при любых обстоятельствах достойна поощрения. Авторы отзывов должны были принимать на себя роль литературных, театральных критиков и цензоров — и им приходилось решать, как строить свою аргументацию, учитывая специфику соответствующих дискурсов.

В эпоху «великих реформ» Александра II премия оказалась очень злободневной и в идеологическом плане. Сама задача награждать именно драматургов, т.е. авторов, обращавшихся к намного более разнородной театральной публике, чем печатающиеся в толстых журналах литераторы, заставляла критиков обращаться

к проблемам сцены как средства народного воспитания. Появление подобных вопросов ставило оценивавших поданные экспертами пьесы критиков лицом к лицу с наиболее болезненными вопросами русского общества того времени. В этой ситуации эксперты редко ограничивались краткими отписками, как правило, они готовили обширные статьи о поданных на конкурс пьесах. Среди авторов этих статей были такие крупные критики, как, например, П.В.Анненков, сделавший подробный анализ пьесы А.А.Потехина «Отрезанный ломоть», где высказывались многие программные положения критика [8, р. 43–51]. Из нескольких десятков отзывов, написанных для Уваровской премии, опубликованы лишь отзывы на победившие на конкурсе пьесы. Остальные, включая аналитические разборы пьес А.Н.Островского, А.К.Толстого и многих других, не введены в научный оборот.

История Уваровской премии представляет значительный интерес и для социологии литературы. К распределению наград так или иначе были причастны самые разные участники литературного процесса того времени, включая как официальные государственные институты, так и неформальные профессиональные группы: Академия наук, профессиональные литераторы, литературные и театральные критики, Театрально-литературный комитет, общая и драматическая цензура (подавать пьесу на конкурс без предварительного её одобрения цензурой было запрещено). В ходе их совместной деятельности выработывались новые формы перераспределения символического капитала и его конвертации в культурный и реальный; выстраивались новые иерархии писателей, альтернативные официально признанным; развивалось самосознание литературного сообщества. Не случайно, что премия возникла во второй половине 1850-х гг., т.е. в период активизации общественной жизни в России. История премии даёт обширный набор отдельных случаев, в которых все эти процессы,

обычно идущие незаметно для исследователя, отчётливо вышли на поверхность и могут быть детально проанализированы.

Таким образом, Награда графа Уварова — значимое явление в истории русской литературы и театра, без учёта которой изучение жизни и творчества Островского не может быть полноценным. Покажем это на нескольких примерах, относящихся к разным аспектам исследования деятельности драматурга.

Во-первых, Уваровская премия важна для анализа биографии автора «Грозы». После 1860 г. Островский участвовал в конкурсах почти ежегодно: в 1861 г. — с пьесой «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», в 1862 — «Грех да беда на кого не живёт», в 1866 — «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», в 1869 — «Горячее сердце», в 1870 — «Лес», в 1871 — «Не было ни гроша, да вдруг алтын», в 1875 — «Волки и овцы» и «Богатые невесты». Очевидно, он руководствовался не только желанием выиграть полагавшиеся победителям деньги, но и более принципиальными соображениями: получение премий увеличивало символический капитал не только драматурга, но и театра вообще, способствуя развитию драматической литературы как автономной области творчества, независимой от произвола театральной дирекции и Театрально-литературного комитета [4, 9, с. 170–179].

Хорошо известны отзывы А.Н. Островского об отрицательном влиянии театральных и литературных институций на развитие драматургии, например: «...причины бедности репертуара <...> я полагаю три: 1) отдельная, совершенно особая цензура для драматических произведений; 2) Театрально-литературный комитет и 3) недостаточность вознаграждения авторам и необеспеченность авторских прав» [10, с. 36–37]. Особенно негативно драматург отзывался о Театрально-литературном комитете: «Моё же мнение то, что комитет при настоящем положении драматической литературы, никакой видимой пользы не приносит. Он вре-

ден уже тем, что, составляя лишнюю инстанцию, представляет лишнюю задержку в постановке» [10, с. 41]. Резко отрицательным было его мнение и о театральной монополии: «Театральная монополия принесла значительный вред развитию сценического и драматического искусства в России...» [10, с. 114], «Главная, если не единственная причина падения русской сцены и вкуса публики есть театральный монополия, как она понималась и применялась театральным управлением» [10, с. 117]. О своих сложных отношениях с этими институциями Островский не раз упоминал в письмах к разным лицам: например, Н.А. Некрасову (конец ноября 1861 г.): «Последняя моя пьеска “За чем пойдёшь, то и найдёшь”, которую Вы уже, вероятно, читали, не пропущена театральным Комитетом как вещь недостойная. В какое положение они меня поставили!» [11, с. 141].

Во-вторых, тексты поданных на премию пьес имеют исключительное значение для понимания творческой истории произведений Островского. Так, хранящиеся в архиве авторизованные копии исторической драмы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (фото 3) отражают стадию работы над пьесой, не известную ни из какого другого источника. Представленные в этих копиях тексты не совпадают ни с рукописными, ни с опубликованными редакциями. Так, реплика Басманова, которая в опубликованном тексте (фото 4) выглядит так:

*Ты милостью себя навек прославишь,
Но без грозы ты царством не удержишь*

в отправленной на премию редакции намного более развёрнута:

*Привыкли мы царёвы грозны оги,
Как Божие всевидящее око,
Над головой своей поклонной видеть
А выполнять лишь грозные приказы,
Грозящие неумолимой карой*

[12, л. 19; 13, с. 149–152].

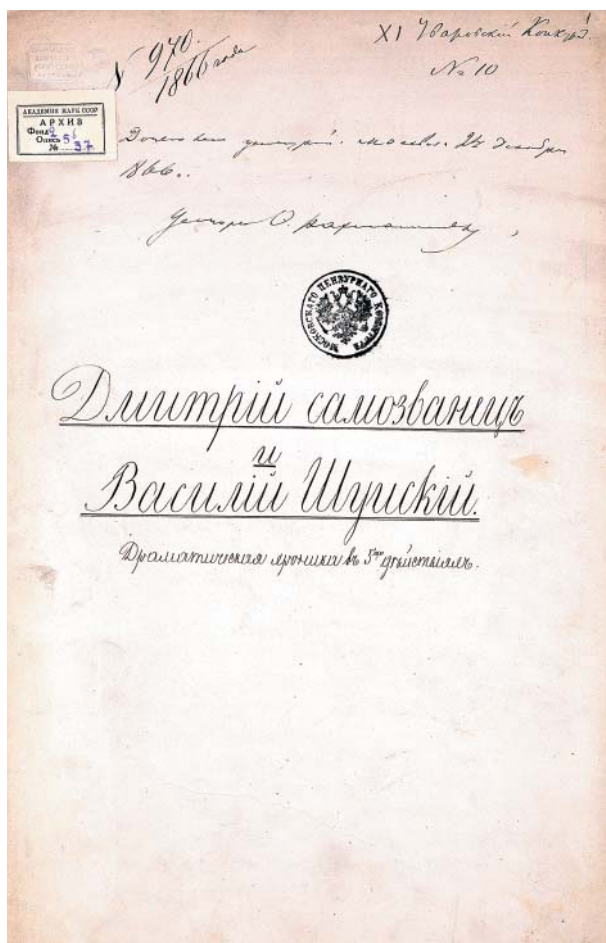

Фото 3. А.Н. Островский.

«Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».
Копия, поданная на конкурс Уваровских премий
(Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Тот же вариант содержится и в сценической редакции. Однако представленный на соискание премии текст пьесы сильно отличается и от неё. Например, многочисленные упоминания религиозных обрядов, запрещённые цензурой к воспроизведению на сцене, из сценической редакции исключены (например, целование креста или латинская молитва иезуита [14, с. 504]), тогда как в хранящейся в фондах премии копии они сохранены.

В-третьих, среди материалов, связанных с Наградой графа Уварова, имеются исключительно значимые материалы, относящиеся к рецепции произведений Островского. Это до сих пор не опубликованные отзывы на его произведения,

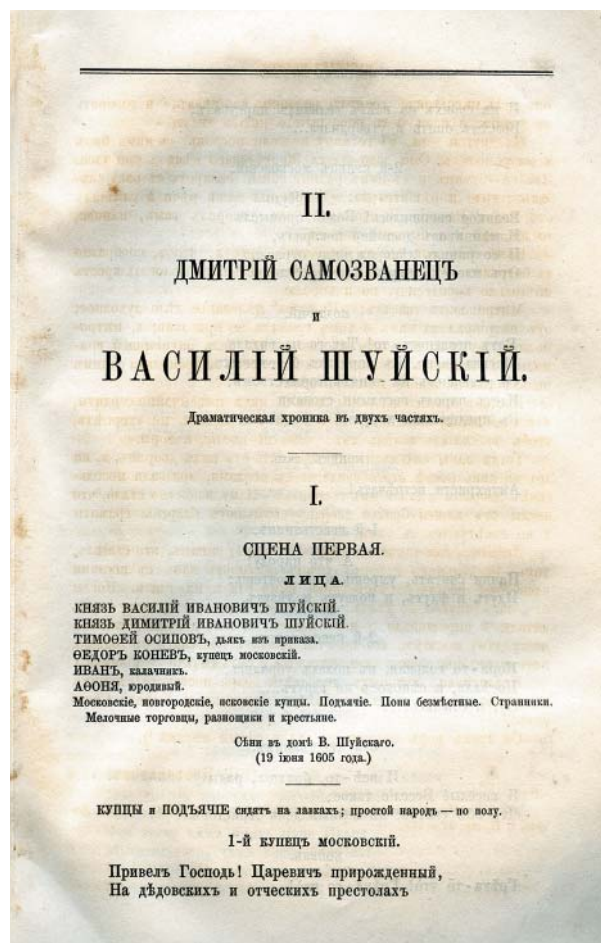

Фото 4. А.Н. Островский.

«Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».
Первая публикация
(журнал «Вестник Европы»)

принадлежащие крупным учёным и литераторам своего времени, подчас очень детальные и содержащие важные соображения о художественном своеобразии и значении пьес Островского для литературного процесса. Так, в фондах содержится неопубликованный пространный разбор пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», написанный профессором Н.Н. Буличем [7, л. 52–61].

Разумеется, работа над научным изданием сочинений Островского немаловажна без учёта значения охарактеризованных нами аспектов: и подготовка текстов его произведений, и их комментирование должны вестись с привлечением неопубликованных материалов, связанных с Уваровской премией.

ЛИТЕРАТУРА

1. English J.F. The Economy of Prestige. Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2005.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1, 5б.
3. Лакшин В.Я. А.Н.Островский. 3-е изд. М.: Gelios, 2004.
4. Рейтблат А.И., Дубин Б.В. Литературные премии как социальный институт // Критическая масса. 2006. № 2. С. 8–16.
5. Дубин Б.В. Литературные премии как социальный институт // Дубин Б.В. Классика после и рядом. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 217–224.
6. Рейтблат А.И. Премии за драматургию в дореволюционной России // Театр в книжной и электронной среде. М.: Фаир-Пресс, 2005. С. 11–34.
7. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1866. № 2.
8. Кукулин И., Липовецкий М. Постсоветская критика и новый статус литературы в России // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е.Добренко, Г.Тиханова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 635–772.
9. Казанова П. Мировая республика литературы. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
10. Островский А.Н. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М.: Искусство, 1978.
11. Островский А.Н. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. М.: Искусство, 1979.
12. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 5б. № 37.
13. Уманская М.М. Русская историческая драматургия 60-х гг. XIX в. Вольск, 1958 (Учёные записки Саратовского государственного педагогического института. Вып. 35).
14. Островский А.Н. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 7. М.: Искусство, 1977.

ENGLISH

A.N. Ostrovsky and Count A.S. Uvarov Award for the playwrights

Zubkov Kirill Yuryevich is PhD in Philology; junior fellow at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin House); assistant professor of the Department of Russian Literature History, St. Petersburg State University; contributor to the project «Complete Edition of A.N. Ostrovsky's Works and Letters: Research, Comments, Preparation of the Edition, vol. 4 and 5» (16-04-00323a).
E-mail: zubkov@inbox.ru

Pernikova Anastasia Sergeevna is MA student, researcher of the same project.
E-mail: anastasya_pernikova@list.ru

The article examines count Uvarov's award for the dramatists as a topical academic issue that became obvious during editing of the "Complete Edition of A.N. Ostrovsky's Works and Letters". The authors show that thorough research of the award is necessary not only for the preparation of Ostrovsky's texts and their comments, but also for the understanding of the general principles of literary history of the mid 19th century. The award is a unique institution connected both with literature as well as theater. Censors, members of the Academy of Sciences, professional writers and infamous amateurs participated in its organization. The research of the history of the award helps to reveal complicated relations of literature, theater and criticism and science in the 19th century Russia. It also provides ample materials concerning biography of A.N. Ostrovsky, textual history and reception of his works.

Keywords: A.N. Ostrovsky, textual criticism, commenting, literary awards, sociology of literature

REFERENCES

1. English J.F. The Economy of Prestige. Prizes, Awards, and the Circulation of Cultural Value. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 2005.
2. Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk (SPbF ARAN). F. 2. Op. 1, 5b (in Russian).
3. Lakshin V.Ya. A.N.Ostrovsky. 3-e izd. M.: Gelios, 2004. P. 547 (in Russian).
4. Reytblat A.I., Dubin B.V. Literaturnye premii kak sotsial'nyy institut // Kriticheskaya massa. 2006, № 2. S. 8–16 (in Russian).
5. Dubin B.V. Literaturnye premii kak sotsial'nyy institut // Dubin B.V. Klassika posle i ryadom. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 217–224 (in Russian).
6. Reytblat A.I. Premii za dramaturgiyu v dorevolyutsionnoy Rossii // Teatr v kniznoy i elektronnoy srede. M.: Fair-Press, 2005. S. 11–34 (in Russian).
7. Sankt-Peterburgskiy filial Arhiva Rossiyskoy Akademii nauk. F. 2. Op. 1. 1866. № 2 (in Russian).
8. Kukulin I., Lipovetskiy M. Postsovetskaya kritika i novyy status literatury v Rossii // Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokhi / Pod. red. E. Dobrenko, G. Tikhanova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. S. 635–772 (in Russian).
9. Kazanova P. Mirovaya respublika leteratury. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003 (in Russian).
10. Ostrovsky A.N. Sobranie sochineniy: V 12 t. T. 10. M.: Iskusstvo, 1978 (in Russian).
11. Ostrovsky A.N. Sobranie sochineniy: V 12 t. T. 11. M.: Iskusstvo, 1979 (in Russian).
12. Sankt-Peterburgskiy filial Arhiva Rossiyskoy Akademii nauk. F. 2. Op. 5b. № 37 (in Russian).
13. Umanskaya M.M. Russkaya istoricheskaya dramaturgiya 60-kh gg. XIX v. Vol'sk, 1958 (Uchyonye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 35) (in Russian).
14. Ostrovsky A.N. Sobranie sochineniy: V 12 t. T. 7. M.: Iskusstvo, 1977 (in Russian).

УДК 82-82
ГРНТИ 17.09**И.Е. ЛОЩИЛОВ***

«Культурная революция» и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма»

Статья посвящена специфическим особенностям «культурной революции» в Сибири 1920-х гг. Литература и искусство в это время носили агитационный характер. Они были подчинены задаче кардинального изменения жизни людей, и этот момент позволяет изучать внешне традиционные явления в контексте истории авангарда. В искусстве авангарда прагматика сообщения значительно важнее, чем его семантика и синтагматика. Явление рассматривается на трёх примерах. История мастерской по производству игрушек в Новосибирске иллюстрирует перенос акцента с продукта прикладного искусства (с самих игрушек) на процесс перевоспитания беспризорных детей, занятых их производством. Модели игрушек были созданы художниками С.Р.Надольским и его женой Н.А.Яновой-Надольской, получившими до революции академическое художественное образование. Иркутский гравёр И.М.Горбунов разработал шрифт, в котором буквы алфавита и пунктуационные знаки были составлены из элементов советской символики, означающей союз пролетариата и крестьянства (серп и молот). Скульптор С.Р.Надольский создал монумент, предназначенный для здания Государственных учреждений в Новосибирске. Монумент не сохранился, но фотография, запечатлевшая художника с его женой на фоне скульптуры, позволяет сделать обобщения, касающиеся судьбы революционного искусства в советской Сибири промежутка между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: авангард, агитационное искусство, периодика, декоративно-прикладное искусство, революция, Сибирь, шрифт

«Культурная революция», курс на которую был обозначен Л.Д.Троцким в самом начале эпохи НЭПа, предполагала «радикальное преобразование и обновление России» [1, с. 30]. Специфические формы приобрела эта властная «культурническая» инициатива по другую от исторических столиц сторону Уральского хребта — в Сибири.

Исследование литературы и культуры (изобразительное искусство, театр, архитектура) Сибири 1920-х гг. в контексте истории авангарда предполагает два аспекта.

Первый связан с предшествующей эпохой и наследованием традиций русского литературного и художественного авангарда 1910-х гг. Через Сибирь

* **Лоцилов Игорь Евгеньевич** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора литературы Института филологии СО РАН, исполнитель проекта «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник» (16-04-00268а).
E-mail: loshch@yandex.ru

Фото 1. В.В. Каменский (держит в руках бутафорский карандаш) в редакции газеты «Советская Сибирь». Новониколаевск, 1925 г. РГАЛИ (Москва). Ф. 1497 (В.В. Каменский). Оп. 1. Ед. хр. 278

в разное время проехали Д.Д.Бурлюк, В.В.Каменский (фото 1), Б.А.Пильняк. Едва ли не во всех городах Сибири ощущалось присутствие дальневосточной группы «Творчество» и её участников (Н.Н.Асеева, Н.Ф.Чужака, С.М.Третьякова). В сибирских изданиях публиковались В.Г.Шершеневич и Т.В.Чурилин. В разных городах исторически складывались и некоторые специфические особенности: деятельность Иркутского литературно-художественного объединения (ИЛХО) генетически связана с легендарной «Баркой поэтов», литературный процесс в Омске протекал в тесной связи с жизнью художественного авангарда (группа «Червоная тройка») и уникальной жизнестроительной практикой А.С.Сорокина [2], драматические события в литературной жизни Новосибирска на рубеже

1920-х и 1930-х гг. невозможно понять без учёта «вторжения» С.А.Родова и А.Л.Курса.

Второй аспект связан с осмыслением всего комплекса сибирской печати 1920-х гг. как авангардистского жизнепреобразовательного проекта. Газета, журнал, литературный диспут в уникальных условиях относительно мирного промежутка между большими историческими катаклизмами (революция, войны, террор) функционировали в качестве организаторов жизни и поведения людей — строителей новой культуры. Граница между искусством и жизнью здесь принципиально подвижна, взаимопроницаема. В создании культуры первого советского десятилетия нередко на равных принимали участие заслуженные большевики (В.Д.Вегман, А.П.Оленич-Гнененко) и литераторы с белогвардейским или иным, далёким от офи-

циальной идеологии, прошлым: эсерским, областническим, анархистским (Г.А.Вяткин, А.Н.Кручина [Огурцов], Я.В.Браун).

Фундаментальные основы для изучения этого литературного массива были заложены в 1960–1980-е гг. Это и коллективный труд «Очерки русской литературы Сибири» [2], и подвижнические труды историков литературы В.П.Трушкина, Н.Н.Яновского, Е.Д.Петряева, Е.И.Беленького, Е.Г.Раппопорта, Л.П.Якимовой, Э.Г.Шика и многих других. Возвращение на новом этапе к штудиям, посвящённым Сибири 1920-х гг., подразумевает не только акцент на авангардистской составляющей, но и некоторое изменение «исследовательской оптики», формирование новых методологических оснований.

Проект предполагает создание полнотекстовой базы книжных и периодических изданий Сибири 1920-х гг. Такая база обеспечивает возможность археологического поиска, где внимание исследователя сосредоточено на частном случае, возвращающейся теме, конкретной (нередко — забытой, но характерной) судьбе. К проблеме жизнестроения имеет отношение не только радикальный журнал «Настоящее», выходявший в Новосибирске в 1928–1930 гг., но и его непримиримый «оппонент» — «Сибирские огни», и краевая газета «Советская Сибирь», и иркутская «Власть труда», и омский «Рабочий путь». Не меньший интерес представляют детские («Товарищ»), женские («Красная сибирячка») и отраслевые издания («Охотник и пушник Сибири», «Даёшь Сибири красные крылья!», «Сибирский стрелок») — не столько потому, что в них были литературные страницы, сколько благодаря внутренней задаче этих изданий: прямое организующее вторжение печати в жизнь и практику.

Показательным примером отношения к искусству и художественной интеллигенции как орудиям преобразования жизни может служить недолгая история мастерской игрушек Сибирской детской комиссии, вкупе с отражением её деятельности

в сибирской печати. В общих чертах эта история воссоздана ныне в публикациях искусствоведа П.Д.Муратова [4, с. 191–193] и журналиста А.В.Наволоцкой [5].

Идея создания мастерской принадлежала скульптору Степану Романовичу Надольскому (1882–1942) и художнику Александру Михайловичу Иванову (1893–1982). Однако у Отдела народного образования не нашлось средств для реализации замысла, и инициатива была передана в детскую комиссию, где за организацию дела взялся энергичный партиец Н.М.Прасолов. «Когда член президиума Сибдеткомиссии товарищ Прасолов внёс предложение организовать мастерские, едва ли кто-нибудь верил в целесообразность этой затеи. И уж, конечно, никто не мог предугадать, что из этого получится. Для опыта дали 2000 рублей и одну комнату на Сибревкомовской № 11. В этом доме была ночлежка для беспризорных. Ночлежка стала подозрительным притоном. Наробраз закрыл ночлежку. Дом был передан мастерской. И вот пятимесячная история предприятия. Вначале работало в ней трое беспризорных. Потом пятеро. В марте 8 чел. В мае — 138. В июле 175. Сейчас — 220. Любителям процентов предоставляется вычислить рост. Работают цеха, скульптурный, формовочный, лепки, очистки, окраски, монтировочный, обмундировочный, галантерейно-дорожных вещей, столярный, пушной. Эти работают. Организуются: слесарный и живописно-рекламно-вывесочный» [6, с. 8].

П.Д.Муратов пишет: «Поначалу художники чувствовали себя в мастерской хозяевами положения. <...> Модели делал Надольский. Раскраской руководила Надольская. Разработкой типов игрушек занимались все трое. Им помогали известные технологи Бирбасов, Годолов и Панов. Три художника и их помощники составляли единый дружный коллектив. <...> Игрушки мастерской Сибдеткомиссии представляют собой нечто среднее между собственно детской игрушкой и жанровыми композициями из одетых

по всем правилам этнографии деревянных, картонных, тряпичных человечков. <...> Мотив обложки первого номера «Сибирского детского журнала» с праздничным хороводом представителей разных народов Надольская продолжила в игрушках. Ненцы, чукчи, негры, китайцы составили большую семью игрушек. Как полагалось в конце двадцатых годов, не обошли игрушечники и политическую сатиру. Сюжеты были им даны широко развернувшейся в двадцатых годах антирелигиозной пропагандой, тотальной борьбой с «кулачеством» [4, с. 191–192] (фото 2). А.В.Луначарский писал о бывших беспризорниках города: «Дав им хорошего скульптора, хороших руководителей — мастеров, Новосибирск создал такое производство игрушек детскими руками, которому может позавидовать любой другой город, не только нашего Союза, но и Запада. Я привёз с собой подарок этой детской фабрики — 3 ящика игру-

Фото 2. Обложка первого выпуска «Сибирского детского журнала». Художник Н.А.Янова-Надольская

шек для Наркомпроса. Они уже выставлены в педагогическом музее (в здании Политехнического музея)» [7, с. 13].

За плечами у Надольского было академическое художественное образование, ученичество у В.А.Беклемишева, Я.Ф.Ционглинского и А.С.Голубкиной (в свою очередь, ученицы О.Родена) и создание (вместе с инженером-архитектором Н.С.Щуцманом) памятника «с орлами» в Смоленске, официально носившего название «Благодарная Россия — Героям 1812 года» (1912–1913). Его жена, Нина Александровна Янова-Надольская (1892–1972), также прошла через мастерскую Ционглинского, где в своё время состоялась судьбоносная для русского авангарда встреча Е.Г.Гуро и М.В.Матюшина. Спроектированные мастерами и сделанные руками новосибирских беспризорников игрушки ничем не напоминают работы авангардистов (куклы О.Шлеммера или С.Таубер-Арп, например). Однако в сложившейся социальной конфигурации отчётливо видна характерная для авангарда установка: выход искусства за собственные пределы. Акцент сделан в первую очередь на социальную реабилитацию беспризорных, а не на эстетические новации. В другой публикации Луначарский писал: «Беспризорники давно уже бывшие, ибо сейчас никто из них не думает о бегстве или о каком бы то ни было приближении к прежнему образу жизни. Ребятишки давно стали оседлыми, пополнели, раздумялись, лица их расцветают свежими улыбками, и руки их приобретают великолепную ловкость в различных ремёслах, которыми они заняты» [8, с. 16]. Журнал «Настоящее» опубликовал мастерски написанный очерк о «переделке людей» посредством поновому понятого искусства [6] (фото 3), в «Красной сибирячке» был напечатан яркий материал с фотографиями [9].

Однако «директор мастерской Прасолов, не умея и не желая уметь работать с художниками, лучше его, героя гражданской войны, знавшими что и как надо

Фото 3. Игрушки. Фото И. Нечипорука, сопровождавшее публикацию очерка «Как делают вещи и переделывают людей», подписанного инициалами В.Т., в журнале «Настоящее» (1928. № 10. С. 7)

делать в мастерской, процветавшее художественное дело перевёл на механическое» [4, с. 192]. В день, когда вышел в свет журнальный очерк Луначарского, «Надольская была уволена “по сокращению штатов”, художники стали мастерской не нужны» [Там же]. «Великий перелом» 1929 г. характерным образом вовсе вывел инициативу из сферы искусства: «Мастерские, начавшие производство с игрушек, теперь делают главный упор на индустриальные цеха — механический, деревообделочный. Первоначальная цель мастерских — спасти беспризорных от гибели — вылилась в дело огромной важности — подготовку кадров для промышленности» [10, с. 13]. Уже в следующем номере был опубликован материал о потребности в новой, «производственной» игрушке наподобие механического «свинчивающегося конструктора “Меккано”», в то время как «в мастерской Сибдеткомиссии по-прежнему делают пучеглазых кукол, трухлявых кошечек, подражая моделям былых времен» [11, с. 15].

Другой пример выводит на поверхность невидимые невооружённым глазом внутренние противоречия культурного строительства в Сибири 1920-х гг., когда властная инициатива создавала почву для её демонстративного, но поверхностного подхватывания.

Эту коллизию наглядно отражает курьёзный эпизод, упомянутый в мемуарной новелле Л.Н.Мартынова «Племянник мужика». Будучи приглашённым в гости в семью инженера-интеллигента, поэт Е.А.Минин привел с собой деревенского родственника — и приглашение обернулось всеобщим конфузом. На вопрос автора «На кой черт ты всё это затеял?» — Минин отвечает: «Для смычки города с деревней! А то ведь как порой понимается у нас эта смычка? Видал ты, в краевой печати написали: шриффт какой-то умник изобрёл, по фамилии, кажется, Горбунок, что ли, резчик штемпелей, литеры из серпов и молотов в виде славянской вязи, так что не разберёшь, что и напечатано!» [12, с. 95].

В самом деле, материал об «изобретении» был напечатан в редактируемом Г.А.Вяткиным приложении к газете «Советская Сибирь» — журнале «Сибирь», в том же выпуске, что и упомянутая в новелле Мартынова [12, с. 96] фотография Минина [13]: «Печать является великим проводником идей. Печать в этом отношении является лучшим агитатором. Попутчиком этой агитации идёт рисунок, дополняющий печатное слово.

Эти два принципа уловил автор нового шрифта «Смычка» т. Горбунов, получивший на него привилегию в комитете изобретений при В.С.Н.Х.

В то время, когда у нас живет лозунг «Смычка города с деревней», когда на эту тему издаются тысячи книг, газет и т.д., Горбунов проводит эту же мысль в шрифте путём сочетания двух символов города и деревни — серпа и молота. <...>

Т.<оварищ> Горбунов не художник и не мог дать художественного оправдания своей мысли, его буквы грубоваты, нечетки, в некоторых случаях настолько однородны, что их легко спутать и тяже-

ло читать, но мысль чрезвычайно интересна и богата. <...> Конечно, для мелкой печати, текстовой он тяжёл, читать его будет ещё труднее, если наши художники не упростят его до обычного шрифта, которым печатаются наши книги, но для заголовков, лозунгов, заставок, надписей, знамён и т.д. он хорош и нужен.

Автор шрифта И.М.Горбунов — резчик печатей и штемпелей в Иркутске. Тов. Горбунов мыслит, что этот шрифт в книге и газете, уже без статей, своим рисунком будет всегда говорить за смычку города с деревней. Мы знаем, какую огромную роль играет реклама своей наглядностью, здесь мы видим ту же рекламу идеи смычки, когда перед читателем проходят два символа — серп и молот» [14] (фото 4).

Писала о новом шрифте и городская газета: «Эскизы нового шрифта подверглись экспертизе специалистов. Экспертиза нашла новый шрифт вполне пригодным для журналов, афиш и мелких типографских работ. Эскизы нового шрифта отправлены в Москву в коми-

Фото 4. Шрифт «Смычка» (Сибирь. 1925. № 7–8. Новосибирск: Сибкрайиздат. С. 33)

тет по делам изобретений при ВСНХ, откуда изобретатель получил охранную грамоту. Специальную фотографию нового шрифта изобретатель представил в редакцию «Власть Труда» [15, с. 8]. С сентября по декабрь 1927 г. в газете еженедельно печаталось объявление, предлагавшее проспекты и образцы оттисков шрифта «Смычка». В праздничном выпуске от 6–7 ноября 1927 г. объявление было воспроизведено «вверх ногами»: видимо, для привлечения внимания читателей газеты.

«Смычка города и деревни» — одно из характерных словесных сращений эпохи наряду с «режимом экономии» или «новым бытом». Для людей 1920-х гг. «синтез-“смычка”» [1, с. 188] не требовал дополнения: от периодических изданий и рубрик, озаглавленных этим словом, от многочисленных упоминаний в художественной литературе — до названия папирос.

По крайней мере в одном книжном издании новоизобретённый шрифт был использован в оформлении обложки и титульного листа [16].

О жизни Исаия Моисеевича Горбунова известно немного, но он, несомненно, был творческой и социально активной личностью¹. В анкете члена Ленинградского Драмсоюза, заполненной 2 февраля 1927 г., в графе «Возраст» указано: 45 лет, и, таким образом, Горбунов родился в 1882 г. [17, л. 1об.]. В графе «Социальное происхождение» наш герой указал: «Крестьян.<ское>» [17, л. 3], однако это, вероятно, не совсем верно. Возможно, предки Горбунова и были крестьянами, но в иркутских изданиях 1910–1917 гг. нередко встречались объявления о магазине и фабрике И.М.Горбунова: «Типография, фабрика каучуковых штемпелей, медных печатей. Писчебумажный магазин, оборудование частных и казённых контор. Исполнение скорое и аккуратное. Исаия

Горбунова. Иркутск, Тихвинская ул., дом Кузнецовой, возле Большой» [18, с. 8]. Уже тогда наш герой проявлял известную типографскую изобретательность: в газете за 1910 г. буквы его фамилии составлены из инструментов, которыми пользуется резчик штемпелей. Замысел агитационного шрифта растёт, таким образом, из дореволюционной рекламной практики (фото 5).

После революции Горбунов получает статус кустаря (со всеми вытекающими в контексте НЭПа последствиями) и активно участвует в советской жизни: собирает средства в помощь голодающим Поволжья [19], работает в жилищной секции [20]. Впрочем, имя героя фигурирует в списке членов Горсовета, «неаккуратных по посещаемости за 1926 г.» [21].

Ещё до революции было напечатано несколько его стихотворений (любительского уровня) [22, с. 96, 98; 23, с. 60]. В 1925 г. агитационная пьеса Горбунова «Кустарь» была поставлена в Иркутске [24], а в клубе «Отдых кустаря» шла написанная им «инсценировка суда над недисциплинированным кустарём» [25].

Вряд ли приверженность изобретателя лозунгам и политике новой власти была искренней; вероятнее, речь должна идти об известной гибкости, приспособляемости к кардинально изменившимся после переворота условиям, что и отразилось в иронически-пренебрежительной реплике Евлампия Минина (в чьём прошлом не только участие в Великой войне и попытка самоубийства, о которых пишет Мартынов [12, с. 93], но и служба в белых войсках Восточного фронта, плен и пребывание в Омском концентрационном лагере, о чём он по понятным причинам умалчивает и в 1970-е гг., когда писалась новелла).

Подача буквы-литеры — основного «носителя» литературной информации во всех возможных смыслах — транслиру-

¹ Автор благодарит Ю.С.Сергееву (Иркутск) и создателей сайта «Хроники Приангарья» за помощь в поисках сведений о нём.

Фото 5. Объявление из иркутской газеты «Восточная заря» (1910. № 201, 8 сент. С. 1)

ет самый дух эпохи. «Железный» шрифт Горбунова — своего рода антитеза антропоморфным и растительным образам букв кириллицы в трактате С.А.Есенина «Ключи Марии» (1918). Шрифт «Смычка» соединяет черты чуждой типографике и восходящей к старинным рисованным буквам фигуративности [26, с. 130] и характерного для печати 1920-х гг. использования материала наборной кассы [27, с. 340–344]. Одномерность замысла сближает самоделку Горбунова с широко распространённым в это время «палочным» шрифтом, а невольнo возникающая «архаика» (не то отмеченные Мининским церковнославянские, не то готические коннотации) отдалённо напоминают о шрифтовом «ампире» С.В.Чехонина [28], воспроизведённом, разумеется, в курьёзно-полупрофессиональных формах.

Вернёмся в конце статьи к следам, оставленным в Сибири четой Надольских. В архивном фонде Н.Н.Яновского сохранилась публикуемая здесь впервые фотография [29, л. 6]. Надпись на обороте сделана рукой друга скульптора — литератора и педагога А.М.Топорова, основателя коммуны «Майское утро» и создателя книги «Крестьяне о писателях»: «Рабочий и крестьянин водружают зна-

мя победы Октября. Скульптура стояла на здании новосибирской Совпартшколы. При надстройке здания уничтожена. Внизу: С.Р.Надольский и Н.А.Янова-Надольская» [29, л. 6, об.] (фото 6). Здание, где впоследствии поместилась партийная школа, было возведено в 1925 г. по проекту архитектора А.Д.Крячкова как дом Государственных учреждений Сибири. «Выцветшая светопись» (В.Хлебников) даёт повод для обобщающей рефлексии.

В узнаваемо обшарпанное пространство мастерской скульптора внедрены две пары: супруги и «братья по классовой борьбе», творцы и творения, живые люди и монументальные фигуры, предназначенные для увенчания нового здания на центральной площади. Ни те, ни другие не проявляют заботы о том, какими они предстанут будущему созерцателю; судя по виду художников, они недавно проснулись и прямо смотрят в объектив фотографа, невольного «агента Смерти» [30, с. 163]. Люди смотрят на нас, титаны — вверх, где, вероятно, их взору открылся некогда бродивший по Европе призрак. От вечного созерцания и игры масштабов они и сами обретают отчасти призрачный характер: не столько Призрак Коммунизма из «Манифеста...», сколько его деконструкция [31],

Фото 6. С.Р.Надольский и Н.А.Янова-Надольская на фоне скульптуры «Рабочий и крестьянин водружают знамя победы Октября». Новониколаевск, 1925 г. ГА НО (Новосибирск). Ф. 272 (Н.Н.Яновский). Оп. 1. Д. 551. Конверт 4. Л. 6

на недолгое время получившая пластические формы в азиатской части бывшей Российской империи.

Задуманное в рамках проекта «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник» создание электронного архива сибирской печати первых

десятилетий советского времени открывает путь к изучению этой печати как «общей системы формирования и преобразования» самых разнообразных высказываний [32, с. 250], направленных не на описание, но на авангардно-кардинальное изменение самой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
2. Гончарова О.М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина // Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность: Сборник научных трудов / Под ред. Г.П.Козубовской. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 249–259.
3. Очерки русской литературы Сибири: [В 2 т.]. Т. 2: Советский период. Новосибирск: Наука, 1982.
4. Муратов П.Д. Художественная жизнь Новосибирска: Смутное время // Идеи и идеалы: Научный журнал. 2009. Т. 1–2. № 2 (2). Новосибирск. С. 181–193.
5. Наволоцкая А.В. Город игрушки // Ведомости законодательного собрания Новосибирской области. 2013. № 3 (1247), 12 янв. С. 26.
6. В.Т. Как делают вещи и переделывают людей // Настоящее. 1928. № 10. Новосибирск. С. 7–8.
7. Луначарский А.В. Четыре года // Красная нива. 1929. № 14, 1 апр. (М.). С. 12–13.
8. Луначарский А.В. Месяц по Сибири. Л.: Красная газета, 1929.
9. [Без подписи] Игрушки мастерской беспризорников // Красная сибирячка. 1928. № 10. Новосибирск. С. 25.
10. [Без подписи] Лучший вид борьбы с беспризорностью // Красная сибирячка. 1930. № 22. [С. 13].
11. Сенова А. Дадим детям новую игрушку // Красная сибирячка. 1930. № 23. С. 15.
12. Мартынов Л.Н. Черты сходства: Новеллы. М.: Современник, 1982.
13. [Без подписи] Омские писатели и журналисты // Сибирь. 1925. № 7–8. Новосибирск: Сибкрайиздат. С. 27.
14. П. Шрифт «Смычка» // Сибирь. 1925. № 7–8. С. 33.
15. [Без подписи] Изобретение нового шрифта // Власть труда. 1926. № 23, 30 янв. Иркутск. С. 8.
16. Спутник кустаря и ремесленника: Издание Иркутского кооперативного промыслового союза / Под ред. И.М.Горбунова. Иркутск: Типография изд. «Власть Труда», 1927.
17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ, М.). Ф. 675 (Всероссийское общество писателей и композиторов, М.; Л., 1918–1930). Оп. 2. Ед. хр. 171. Личное дело Горбунова, Исаия Моисеевича.
18. Стож М.Е. Спутник по Забайкальской железной дороге. Иркутск: [Без издательства], [1910].
19. [Без подписи] Иркутские кустари – Красной армии, Поволжью, школе // Власть труда. 1922. № 56 (695), 9 марта. С. 3.
20. Горбунов. За лучшие жилища // Власть труда. 1926. № 39, 18 февр. С. 5.
21. Борст (председатель), Глазунов, Баженов (члены мандатной комиссии), Кобяшев (секретарь). Члены Горсовета, неаккуратные по посещаемости за 1926 г. // Власть труда. 1926. № 300, 31 дек. С. 7.
22. Стож М.Е. Как воспет Байкал в стихах и прозе: В 2-х частях. I – поэзия. II – проза. Издание восьмое. Иркутск: Ирисы; Типография штаба округа, [1916].
23. Спутник по Сибири и Дальнему Востоку. Вып. 40. [Иркутск]: [Ирисы], [1917].
24. Тыртышный [И.Д.]. Клуб «Отдых кустаря» // Власть труда. 1925. № 63 (1569), 18 марта. С. 5.
25. Правление клуба. Клуб «Отдых кустаря» // Власть труда. 1925. № 32 (1538), 8 февр. С. 6.
26. Кричевский В.Г. Типографика в терминах и образах: В 2 т. Т. 1 / 2-е изд. Тула: Власть, 2010.
27. Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб.: Коло, 2014.
28. Два шрифта одной революции: Кричевский В.Г. Палочный шрифт; Домбровский А.А. Чехонинский шрифт. М.: Мастерская Барбанеля, 2014.
29. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. 272 (Н.Н.Яновский). Оп. 1. Д. 551. Конверт 4.

30. Барт Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии / Пер. с фр. послесл. и коммент. М.К.Рыклина. М.: Ad Marginem, 2011.
31. Деррида Ж. Призраки Маркса: Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Пер. с фр. Б.М.Скуратова. М.: Logos-altera; Ессе Homo, 2006.
32. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б.Раковой, А.Ю.Серебрянниковой. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

ENGLISH

**“Cultural revolution” and avant-garde in Siberia of the 1920-s:
“the ghost of communism”**

Loshchilov Igor Evgenyevich is PhD in Philology, senior fellow of the Literary Studies Section at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; leader of the project “Siberian Avant-Garde of the 1920–1930s: Newspaper, Magazine, Almanac, Collection” (16-04-00268).
E-mail: loshch@yandex.ru

The article analyses specific features of the “cultural revolution” in Siberia in the 1920s. The then literature and art were part of propaganda. They were used to radically change people’s ways of life, which allows us to study traditional phenomena in the context of avant-garde history. In the avant-garde art, message pragmatics is much more important than its semantics and syntagmatics. The issue is reviewed using three examples. The history of a toy workshop in Novosibirsk illustrates the shift from the product of arts and crafts (i. e. toys themselves) to the process of rehabilitation of homeless children engaged in their production. Toy models were created by the artists S.R. Nadolsky and his wife N.A. Yanova-Nadolskaya, both obtained professional education as artists before the revolution. An engraver I.M. Gorbunov from Irkutsk designed the font whose letters and punctuation marks were composed of the Soviet symbols meaning the union of the proletariat and the peasantry (hammer and sickle). The sculptor S.R. Nadolsky created the monument for state buildings in Novosibirsk. The monument did not survive, but a photograph of the artist and his wife against the background of the sculpture helps us to draw conclusions concerning the fate of the revolutionary art in the Soviet Siberia during the interwar period.

Keywords: avant-garde, propaganda art, periodicals, arts and crafts, revolution, Siberia, font

REFERENCES

1. Kornienko N.V. «Nepovskaya ottepel'»: Stanovlenie instituta sovetskoy literaturnoy kritiki. M.: IMLI RAN, 2010 (in Russian).
2. Goncharova O.M. «Igra» v zhizni I tvorchestve Antona Sorokina // Kul'tura i tekst. Slavyanskiy mir: proshloe i sovremennost': Sbornik naushnykh trudov / Pod red. G.P. Kozubovskoy. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2001. S. 249–259 (in Russian).
3. Ocherki russkoy literatury Sibiri: [V 2 t.]. T. 2: Sovetskiy period. Novosibirsk: Nauka, 1982 (in Russian).
4. Muratov P.D. Hudozhestvennaya zhizn' Novosibirska: Smutnoe vremya // Idei i idealy. Nauchnyy zhurnal. 2009. T. 1–2. № 2 (2). Novosibirsk. S. 181–193 (in Russian).
5. Navolotskaya A.V. Gorod igrushki // Vedomosti zakonodatel'nogo sobraniya Novosibirskoy oblasti. 2013. № 3 (1247). S. 26 (in Russian).
6. V.T. Kak delayut veshchi i peredelyvayut lyudey // Nastoyashchee. 1928. № 10. Novosibirsk. S. 7–8 (in Russian).

7. Lunacharskiy A.V. Chetyre goda // Krasnaya niva. 1929. № 14, 1 apr. (M.). S. 12–13 (in Russian).
8. Lunacharskiy A.V. Mesyac po Sibiri. L.: Krasnaya gazeta, 1929 (in Russian).
9. [Bez podpisi]. Igrushki masterskoy besprizornikov // Krasnaya sibiryachka. 1928. № 10. Novosibirsk. S. 25 (in Russian).
10. [Bez podpisi]. Luchshiy vid bor'by s besprizornost'yu // Krasnaya sibiryachka. 1930. № 22. [P. 13] (in Russian).
11. Senova A. Dadim detyam novuyu igrushku // Krasnaya sibiryachka. 1930. № 23. S. 15 (in Russian).
12. Martynov L.N. Cherty skhodstva: Novelly. M.: Sovremennik, 1982 (in Russian).
13. [Bez podpisi]. Omskie pisateli i zhurnalisty // Sibir'. 1925. № 7–8. Novosibirsk: Sibkrazizdat. S. 27 (in Russian).
14. P. Shrift «Smychka» // Sibir'. 1925. № 7–8. S. 33 (in Russian).
15. [Bez podpisi]. Izobrenie novogo shrifta // Vlast' truda. 1926. № 23, 30 yanv. Irkutsk. S. 8 (in Russian).
16. Sputnik kustarya i remeslennika: Izdanie Irkutskogo kooperativnogo promyslovogo soyuza / Pod red. I.M.Gorbunova. Irkutsk: Tipografiya izd. «Vlast' Truda», 1927 (in Russian).
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI, M.). F. 675 (Vserossiyskoe obshchestvo pisateley i kompozitorov, M.; L., 1918–1930). Op. 2. Ed. hr. 171. Lichnoe delo Gorbunova, Isaya Moiseevicha (in Russian).
18. Stozh M.E. Sputnik po Zabaykal'skoy zheleznoy doroge. Irkutsk: [Bez izdatel'stva], [1910] (in Russian).
19. [Bez podpisi] Irkutskie kustari – Krasnoy Armii, Povolzh'yu, shkole // Vlast' truda. 1922. № 56 (695), 9 marta. S. 3 (in Russian).
20. Gorbunov. Za luchshie zhilishcha // Vlast' truda. 1926. № 39, 18 fevr. S. 5 (in Russian).
21. Borst (predsedatel'), Glazunov, Bazhenov, Kobyashev (sekretar'). Chleny Gorsoveta, neakkuratnye po poseshchaemosti za 1926 g. // Vlast' truda. 1926. № 300, 31 dek. S. 7 (in Russian).
22. Stozh M.E. Kak vospet Baikal v stikhakh i proze: V 2 chastyakh. I – poeziya. II – proza. Izdanie vos'moe. Irkutsk: Irisy; Tipografiya shtaba okruga, [1916] (in Russian).
23. Sputnik po Sibiri i Dal'nemu Vostoku. Vyp. 40. [Irkutsk]: [Irisy], [1917] (in Russian).
24. Tyrtysnyy [I.D.]. Klub «Otdykh kustarya» // Vlast' truda. 1925. № 63 (1569), 18 marta. P. 5 (in Russian).
25. Pravlenie kluba. Klub «Otdykh kustarya» // Vlast' truda. 1925. № 32 (1538), 8 fevr. S. 6 (in Russian).
26. Krichevskiy V.G. Tipografika v terminakh i obrazakh: V 2 t. T. 1. / 2-e izd. Tula: Vlasta, 2010 (in Russian).
27. Gerchuk Yu.Ya. Iskusstvo pechatnoy knigi v Rossii XVI–XXI vekov. SPb.: Kolo, 2014 (in Russian).
28. Dva shrifta odnoy revolyutsii: Krichevskiy V.G. Palochnyy shrift; Dombrovskiy A.A. Chekhoninskiy shrift. M.: Masterskaya Barbanelya, 2014 (in Russian).
29. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GA NO). F. 272 (N.N.Yanovskiy). Op. 1. D. 551. Konvert 4 (in Russian).
30. Bart R. Camera lucida: Kommentariy k fotografii / Per. s fr. poslesl. i komment. M.K.Ryklina. M.: Ad Marginem, 2011 (in Russian).
31. Derrida Zh. Prizraki Marksa: Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional / Per. s fr. B.M. Skuratova. M.: Logos-altera; Ecce Homo, 2006 (in Russian).
32. Fuko M. Arkheologiya znaniya / Per. s fr. M.B.Rakovoy, A.Yu. Serebryannikovoy. SPb: ITS «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004 (in Russian).

УДК 78.03, 78.08, 786
ГРНТИ 18.07.03**Н.А. ГОВАР***

Артур Лурье: всепоглощающий дух эксперимента...

Статья посвящена фортепианному творчеству Артура Лурье, до сих пор малоизвестному в России. Стилиевой облик его фортепианных пьес, меняющийся от опуса к опусу, отражает экспериментальный дух, свойственный манере автора. Помимо опыта четвертитоновых и атональных композиций — подлинно новаторских сочинений, в которых Лурье предстаёт пионером многих направлений в развитии музыкального искусства XX в., в его фортепианной музыке встречаются романтические, неоклассицистские и неоромантические образцы. Представляют интерес и его жанровые находки в сфере фортепианной миниатюры, включающие, в частности, скетч. Пьесы автора, демонстрирующие разнообразную палитру художественных приёмов, рассматриваются в статье с точки зрения жанрово-стилевого подхода.

Ключевые слова: Артур Лурье, фортепиано, пьесы, жанр, стиль

*Артур Лурье для сегодняшнего музыкального
мира практически неизвестен.*
Д. Гойови

В истории русской музыки есть фигуры парадоксальные, сочетающие в себе множество противоречивых качеств, из которых слагается их личность — неповторимая и загадочная одновременно. Именно такой тип олицетворял собой Артур Сергеевич Лурье (1891–1966) — композитор, теоретик, философ, музыкальный критик, блестящий эссеист, один из самых рьяных деятелей первого русского авангарда (фото 1).

Вокруг Лурье всегда существовали мифы, отчасти создаваемые им самим:

«то он типичный представитель богемы, декадентско-футуристической среды, то он красный комиссар, разрушающий традиционные представления об этике, то он композитор-эмигрант, друг И. Стравинского, прививающий традиции русского искусства на европейской почве, то он беженец, ищущий удачи в Америке и безуспешно примеривающийся к чужим правилам игры» [1, с. 51].

Не менее многолико и творчество Лурье, в котором каждое новое сочинение не похоже на предыдущее. Каждый

* **Говар Наталья Алексеевна** — кандидат искусствоведения, доцент кафедры фортепиано Российской академии музыки им. Гнесиных, руководитель проекта «Русская фортепианная культура XX века (на примере миниатюры)» (15-04-00228а).

E-mail: nataliagovar@mail.ru

Фото 1. Артур Сергеевич Лурье

из трёх основных этапов его биографии — футуристический, революционный и эмигрантский — по-своему выявляет решимость Лурье отказаться от найденных прежде художественных приёмов, неизменно двигаясь вперед, к новым целям. Всепоглощающий дух эксперимента — пожалуй, так можно определить главное качество, присущее композитору. Примечательно, что поиск неизведанных музыкальных горизонтов активнее всего происходит в сфере фортепианного творчества: возможно, именно здесь, в сочинениях малых форм, наиболее рельефно проявляется протезизм его творческой манеры, радикальным образом меняющейся от опуса к опусу.

От традиции к новаторству

Фортепианные произведения Лурье, созданные в различные годы, составляют примерно треть всего написанного им. За тридцать лет (с 1908 по 1938 г.)¹ пройден огромный путь, вместивший в себя многие весьма впечатляющие открытия. Впрочем, первые миниатюры молодого автора² не предвещали тех революционных преобразований, что отличают стилистику более поздних его сочинений.

Пять хрупких прелюдий op. 1 (1908–1910), посвящённые его первой жене Ядвиге Цыбульской, — сочинения вполне традиционные, тяготеющие к творчеству Дебюсси и Скрябина, что отражается в утончённости музыкального языка, ритмической изобретательности, лёгкости и прозрачности фортепианной фактуры. «Сумерки фавна», «Ароматы, краски, звуки», «Полёт», «Эстампы», «Опьянение», «Ирония», «Сплин», «Кошмары» — как явствует из названий, образная сфера его ранних фортепианных миниатюр с ироничными ремарками на французском языке, добавляющими сочинениям лёгкий налёт экстравагантности, вполне органично вписывается в стилистику декадентского мироощущения.

Новый этап творчества Лурье связан с экспериментальной деятельностью в области ультрахроматики. Прелюдия № 2 op. 12, написанная в 1915 г. с использованием четвертитоновой нотации (при помощи «квартизевов» и «квартимолей»), является первым экспериментом композитора, который реализует его теоретические принципы, сформулированные в манифесте «К музыке высшего хрома-

¹ Последние фортепианные сочинения Лурье, по предварительной информации, датируются 1930-ми гг. Доступ к архиву Артура Лурье, хранящемуся в New York Public Library for the Performing Arts при Центре Линкольна, будет открыт лишь после 2017 г.

² Ученик А. Глазунова по композиции и М. Бариновой по фортепиано не окончил консерваторского курса — его университетами стала художественно-артистическая среда Петербурга, в которой он черпал идеи для своих музыкальных экспериментов. Вот как описывает облик Лурье декадентской поры В. Миклашевский: «На кресле развалился, покуривая, — “хлопик”, человек “fin de siècle”... Лысоватый губошлёп, в чертах которого невидимо проглядывал “незабвенный Иван Александрович Хлестаков” — “петербургская штучка”!» [2, с. 153].

тизма»¹. Отметим при этом, что и в мировой практике это было первое обращение к опыту четвертитоновой композиции. Примечательно, что прелюдия, состоящая из 14 тактов, была издана в футуристическом сборнике «Стрелец» в виде приложения к статье как наглядная иллюстрация изложенных теоретических тезисов. Её музыка, являющаяся синтезом традиционного и авангардного, оставляет двойственное впечатление: романтические идиомы вкупе с экспрессионистскими вкраплениями накладываются на «расстроенное» звучание рояля.

Последовательно претворяя в жизнь идеи, выдвинутые его учителем Ф.Бузони, а также опираясь на постулаты Л.Сабанева — одного из поборников ультрахроматической теории, Лурье ищет интенсивные способы обновления современного музыкального языка. Амбициозность поставленных задач обуславливает активные попытки усовершенствовать фортепиано, расширить его возможности в соответствии с новыми художественными идеями, раздвигающими традиционные представления о потенциале инструмента. Несмотря на искренний энтузиазм и подлинную увлечённость Лурье в осуществлении задуманного, утопизм этой идеи находит отражение в ироничном комментарии Б.Лифшица, бывшего очевидцем всего происходящего. По его словам, «эта новая музыка требовала как изменений в нотной системе (обозначения четвертей, осьмых тонов и т.д.), так и изготовления нового типа рояля — с двумя этажами струн и с двойной (трёхцветной, что ли) клавиатурой. Покамест же, до изобретения усовершенствованного инструмента, особое значение приобретала интерпретация. И Лурье со страдальческим видом протягивал к клавишам Бехштейна руки, с короткими, до лунок обглоданными ногтями, улыбаясь, как Сарасате, которо-

му подсунули бы трёхструнную балалайку» [4, с. 202].

По воспоминаниям ещё одного современника композитора, И.Вышнеградского, также проводившего опыты в сфере ультрахроматики, Лурье «пытался устроить постройку четвертитонового фортепиано на предприятии братьев Дедерихс, но война и революция помешали осуществить этот проект. В конце концов Лурье отбросил идею» [2].

Итак, Лурье привлекает эксперимент сам по себе, а не его итог, процесс развития новых концепций и подходов, а не зримый творческий результат. При этом каждое последующее сочинение композитора становится новым этапом в эволюции его художественных методов. В данном контексте весьма примечательна мысль Ю.Холопова о гигантском, поистине революционном скачке в творчестве Лурье, произошедшем в этот период. Сравнивая стиль его первых романтических миниатюр с поэмами ор. 10 — атональными композициями, созданными всего лишь два года спустя, он замечает, что «в прошлом подобная разница была бы рассчитана не на два года, а на сто или двести лет» [5].

«Визуальная музыка» как воплощение идей кубофутуризма

Артур Лурье вовлек нас в бредни...

И.Северянин

В русском модерне вообще трудно найти такую музыкальную идею, которая уже не приходила в голову Лурье.

Д.Гойови

Однако впереди были и другие художественные открытия. И случились они в 1914 г., когда Лурье взялся за сочинение авангардистского цикла «Синтезы», радикально-новаторского по своей сути. Отметим, что стремительная эволюция музыкального языка Лурье была во мно-

¹ Существует свидетельство И. Вышнеградского о том, что «Лурье написал много четвертитоновых пьес, но они остаются неизданными» [3].

гом обусловлена тесными творческими контактами композитора с современными ему художниками и поэтами и, в частности, с В.Татлиным и В.Хлебниковым¹. Претворяя в музыкальном искусстве идеи авангардистов в сфере живописи и литературы, он явился глашатаем нового, невиданного ранее музыкального стиля. Свои задачи композитор видит в том, чтобы преодолеть «текущую архитектуру линейных воплощений во времени» [7, с. 602], находящую отражение в длительности и высоте музыкальной композиции, а также открыть её третье измерение, направленное «в глубину звуковых перспектив» [там же].

Примечательно, что глубокие раздумья Лурье относительно принципов новой техники фортепианной композиции находят отражение в письме к его близкому другу Ивану Яковицу: «Знаете, дорогой мой Иван Иванович, взгляды мои на фортепиано несколько видоизменились. Не рискую ли я удивить Вас, если скажу, что мечтаю о графическом обосновании фортепианной игры? Совершенно сознательно отказываясь от колористических задач, даже, больше, исключая колорит и красочность, оставляю лишь линейное воплощение эмоциональной сущности интерпретации. В самом деле, не может ли творчество, воплощаемое в интерпретации каждой фортепианной вещи, являть собою лишь сгущённый графический экстракт, который всякий воспринимающий должен растворить своими собственными силами и интеллектуальными средствами? Здесь возникает новый момент: творчество-восприятие» [8, с. 191].

Новые приёмы фортепианной композиции были опробованы Лурье в его цикле «Синтезы» (1914) — первом кубофутуристическом опусе автора. Что же представляет собой это сочинение с точки зрения новизны его концепции?

Пытаясь обобщить то главное, что привносит Лурье в своё сочинение, заострим внимание на следующих принципиальных моментах. В цикле наблюдаются:

- ◆ эмансипация отдельных структурных элементов: интервалов, аккордов, фактурных и ритмических последовательностей, динамических, артикуляционных и тембральных пластов, приобретающих тематическое значение;
- ◆ раскрепощение диссонансов и их полноценное участие в процессе гармонического и линейного развития;
- ◆ отказ от классической тональной системы и свободное использование в рамках цикла атональности, серийности и новой тональности.

Новизна цикла состоит также в том, что специфику построения его гармонической формы определяет «не аккорд, а звук..., не мажорно-минорная окраска, а тесситурные условия, плотность и красочность интервалов и аккордов, степень эмоционального напряжения, степень контраста и, наконец, характер связей различных элементов» [1, с. 58].

Следующее сочинение, не менее авангардистское по своему характеру — цикл «Формы в воздухе» (1915) — автор посвятил Пабло Пикассо². В произведении, состоящем из трёх частей, композитор последовательно применяет серийный способ организации материала. Его своеобразие заключается в совмещении рацио-

¹ В очерке «Наш марш» Лурье пишет: «Конструкция стала детищем Татлина: на холстах он строил всё, соединяя самые неожиданные формы и материалы <...> В каком-то смысле образ Татлина сохранился в моей памяти рядом с образом Хлебникова. В области пластических форм и линий Татлин обладал той же творческой непосредственной свежестью восприятия и остротой выдумки, какой обладал Хлебников в области слова...» [6].

² В эссе «Детский рай» Лурье пишет: «Ад современности лучше всех показан Пикассо; артист выразил своё впечатление от безобразной действительности современного мира. “Уродливая” живопись Пикассо — это экспрессия зафиксированной им реальности, его постижение феноменального мира. В силу своей абсолютной артистической честности Пикассо не может создать прекрасное с точки зрения канона чистой красоты; ноуменальное постижение мира приобретает у Пикассо этот уродливый феноменальный вид» [9].

à Pablo Picasso

ФОРМЫ В ВОЗДУХЕ **FORMS IN THE AIR**

(1915)

Артур ЛУРЬЕ
Arthur LOURIE

1.

Фото 2. Ноты «Формы в воздухе»

нальных приёмов композиции с особой звукокрасочностью, ассоциирующей с техникой кубизма и экспрессионизма (фото 2). Брызги, всплески, звукопятна — такова музыкальная палитра сочинения, отличающегося особой рафинированностью фортепианной фактуры. Это качество также приближает «Формы в воздухе» к эстетическим идеалам импрессионизма. Кроме того, новаторские подходы Лурье в его цикле определяют такие параметры, как:

- ◆ полиладовость, полиаккордика;
- ◆ бестактовая форма записи;
- ◆ графические приёмы оформления музыкального текста, включающие «разноразмерные графические конструкции (одно-, двух-, трёх-, четырёх-, пятизвучные)»;
- ◆ использование элементов алеаторики;
- ◆ стремление к предельной динамической дифференциации.

Одновременно в цикле присутствуют элементы позднеромантического стиля —

своеобразные «росчерки пера», виньетки, связывающие сочинение со всей предыдущей музыкальной традицией.

Примечательно, что Д. Гойови, исследователь творчества А. Лурье, обращает внимание на то, что автор «является “наиболее ранним представителем нового саунд-идеала”, связанного с прозрачностью, ясностью, “транспарентностью”, а не звучанием типа скрябинского экстазного напряжения» [10, с. 499], и находит в этом цикле черты «новой простоты».

Несмотря на беспрецедентно смелые новации Лурье в сфере музыкального языка, находки которого «отчасти предвосхитили даже идеи второго, послевоенного авангарда» [11, с. 94], его фортепианные эксперименты в сфере атональной музыки закончились довольно скоро: Лурье никогда не был ортодоксальным приверженцем своих художественно-эстетических убеждений¹. По свидетельству писательницы Ирины Грэм, близко общавшейся с Лурье в американский период, «уже в те годы (1914–1916) Артур Сергеевич понял, что атональность ведёт к эмоциональному опустошению» [13]. Однако опыт молодости не прошёл даром и впоследствии Лурье подчёркивал, что он использует принципы двенадцатитонной системы в тех случаях, когда находит её применение необходимой.

От атональности к неоклассицизму и неоромантизму

Следующий поворот в стилевой манере Лурье происходит в 1917 г., когда он обращается к миру ребёнка в цикле пьес «Рояль в детской».

Миниатюры, которые Артур Сергеевич посвятил маленькой дочери, — «Фарфоровое пастбище», «Трепачек», «Пай», «Бяка»,

«Бука», «Бай», «Грибной дождик», «Wlaz Kotek na plotek» — прелестные зарисовки в духе неоклассицизма, в чьих ласково-уменьшительных названиях слышны отголоски футуристической поэзии. Пьесы сопровождаются шестью цветными иллюстрациями П. Митурича, выполненными в графической манере, — самобытное воплощение «детского» взгляда на мир, усложнённого интересом к конструктивным элементам композиции (фото 3). Музыка цикла, подобно её живописной иллюстрации, отличается яркостью колорита и терпкостью языка. Своеобразие изобразительного решения находится в гармоничной взаимосвязи с его музыкальной концепцией: художественные средства отличаются весьма широкой палитрой приёмов, включающих, в частности, использование политональности и полиладовости. Стил Лурье, во многом близкий творческому методу И. Стравинского, характеризует также оригинально преломленный синтез русской народной песенности и традиций рафинированного французского искусства, к которому издавна тяготел композитор².

Восемь миниатюр — восемь маленьких сенок из жизни ребёнка — тонкое отражение его внутреннего мира, игр, фантазий, переживаний. При этом жанровая палитра пьес довольно разнообразна: музыкальная картинка в духе сельской идиллии («Фарфоровое пастбище») и шаржированные зарисовки детских фольклорных персонажей («Пай», «Бяка», «Бука») чередуются здесь с танцами («Трепачек», «Мазурка»), токкатиной («Грибной дождик») и колыбельной («Бай»).

Не менее разнообразны и художественные приёмы Лурье, применяемые им в этом цикле. Например, первая миниатюра — «Фарфоровое пастбище» — по-

¹ Так, в период своего увлечения кубофутуристическими экспериментами Лурье обращается также к жанру фортепианной транскрипции. Его обработка «Менуэта» Глюка (1914) (из оперы «Триумф Клелии») вызвала, по свидетельству Г. Адамовича, восторженную реакцию Р. Штрауса: «Артур Лурье, считавшийся в нашем кругу восходящей музыкальной звездой, сыграл гавот Глюка в своей модернистской аранжировке, после чего Штраус встал и, подойдя к роялю, сказал по адресу Лурье несколько чрезвычайно лестных слов» [12, с. 50].

² В цикле заметно расширяется эмоционально-образная сфера, о чём свидетельствует множество авторских ремарок, придающих пьесам заострённую характерность.

Среди миниатюр цикла есть пьесы поразительной глубины, достигаемой при помощи, казалось бы, самых простых средств художественной выразительности. Такова «Колыбельная», в которой предельно остро ощущается магия таланта Лурье. Наивность мелодии, безыскусность гармонического языка, абсолютная ясность формы вместе с тонкой ритмической изобретательностью, проявляющейся в едва уловимых нюансах фактурного изложения, — все эти приёмы, находящиеся на противоположном полюсе от недавних революционных открытий Лурье-кубофутуриста, производят сильное художественное впечатление именно в силу своей парадоксальной простоты.

В этом же году Лурье создаёт ещё одно сочинение — «URMANN. Курительная шутка»¹, ознаменовавшее совершенно новый этап в его творчестве. Отметим, прежде всего, расширение границ жанра миниатюры — появление в нём сочинения юмористически-гротескного содержания с элементами двигательной пластики. Пьеса представляет собой скетч, сопровождающийся авторскими словесными ремарками².

Довольно неожиданным оказалось обращение Лурье к бытовой сфере, включение в зону его творческого внимания джазовой стилистики и пентатоники. Во всех этих изменениях ощущается влияние французской шестёрки, неоклассицистских тенденций и эстетики Стравинского.

Среди опубликованных фортепианных опусов эмигрантского периода бо-

лее всего выделяются, пожалуй, такие произведения, как «Жига» (1927), вошедшая в цикл «Четыре пьесы» (1924–1927), и «Ноктюрн Феникс-парка» («A Phoenix Park Nocturne») (1938).

Как указывает, в частности, И. Вишневецкий, «парижские премьеры сочинений Лурье давали современникам представление о том, какой может быть музыка, максимально соответствующая “евразийскому мировидению»» [2]. В данном отношении жига, основанная на токкатных приёмах развития и октавно-аккордовой технике, прекрасно иллюстрирует сказанное. Её образ, захватывающий ярко выраженной брутальной стихией (преобладание в жиге низких регистров создаёт особый, сумрачно-сгущённый колорит фортепианного звучания), зримо олицетворяет собой скифское начало. Вместе с тем обращение к барочному танцу кельтского происхождения, своеобразии трактовки которого заключается в его нетипичном метрическом решении — *alla breve* вместо ожидаемых 6/8 или 12/8 — являет устойчивую преемственность с западной музыкальной традицией. Весьма необычна и композиция пьесы, состоящая из семи разделов, подобных куплетам — довольно интересный пример синтеза строфической формы с чертами сонатности и рондальности, свойственный зрелым опусам Лурье.

Ещё одну, на сей раз неоромантическую, страницу фортепианной музыки Лурье представляет «Ноктюрн Феникс-парка», название которого навеяно творче-

¹ Urmann представляет собой действующую и по сей день торговую марку элитного кубинского табака.

² «Действующие лица:

Дэнди (4 исполнителя)

Китаец

На сцене плакатная стена большого города.

С правой стороны, у кулисы: огромный сигарный плакат Urmann, изображающий денди пляшущим на фоне города.

Ритм денди скачущий, чечётка. Кукольный и ломкий.

Ритм китаец звонкий, вертушка.

Танец исполняется при возгласах:

Hipp, Hipp! Stop! Iiiiayy!»

ством Джеймса Джойса¹. Один из живописных уголков Дублина, Феникс-парк (в переводе с ирландского — «fionn uisce — «чистая вода») неоднократно фигурирует в его романах².

Произведение редкой, изысканно-рафинированной красоты, ноктюрн завораживает тончайшими звуковыми эффектами, словно вмещая в себя «сверкающий на солнце океан — и синеву, и даль, и шумящие волны, и вечность стихии, и очищение...» [цит. по: 13]. «Мистичность водной стихии» (И.Грэм), заключённая в этой музыке, (неочевидная, впрочем, для автора³), воплощается в особой ауре сочинения, наполненной тонкими романтическими аллюзиями⁴.

В данном контексте показательным само обращение к жанру ноктюрна — квинтэссенции лирического мироощущения. Несмотря на то что Лурье остаётся в духе романтической традиции (замысел его ноктюрна действительно ассоциируется с идеей «ночной музыки»)⁵, сама интерпретация жанра несомненно отражает взгляд композитора XX в. Композиция пьесы, в частности, представляет собой довольно сложное построение: черты сонатности, рондальности и строфичности сочетаются здесь с признаками монтажной формы, свойственной музыке XX в.⁶ С другой стороны, ряд художественных приёмов, применяемых Лурье в ноктюр-

не, оказывается близок технике импрессионистов с её рафинированным ощущением гармонического и тембрального колорита. И в этом отношении стиль его последней фортепианной миниатюры в какой-то степени становится новым витком уже пройденного...

В заключение статьи обратимся к некоторым фортепианно-стилевым особенностям сочинений Лурье, сохраняющим, несмотря на всё своё многообразие, некие общие константы. В целом их можно охарактеризовать как стремление к экономности, компактности и ясности фортепианной фактуры. Художественные приёмы Лурье более всего, пожалуй, обладают своеобразием в ритмической и артикуляционно-штриховой сфере. Его фортепианным пьесам в значительной мере свойственны чёткость акцентированного ритмического начала и предельная выверенность артикуляционно-штриховых намерений одновременно с опорой на специфическую красочность рояльного звучания, лишённой тембровой характеристики.

Резюмируя всё сказанное выше, необходимо отметить, что фортепианные сочинения Лурье являют собой довольно разнообразную картину стилевых экспериментов. Впрочем, протезизм его творческой манеры, вызванный обострённо-стремительной реакцией на самые жи-

¹ В одной из дневниковых записей Лурье от 5–7 июля 1946 г. есть удивительные строки, посвящённые одному из самых загадочных писателей XX в.: «Joyce. — Он меня учил постижению современного образа мира в его вечных миражах. Артистизму в его самых свободных, творческих проявлениях. Подлинно честному искусству быть верным себе. 10 лет вчитывался в Ulysses. Потом в Finnegans Wake. Единственная книга, которую увёз из своей парижской библиотеки. Носил её с собой на прогулках в парке Vichy в момент катастрофы, когда рушилась 3-ья республика, в толпе бывших министров, сенаторов и депутатов...» [14].

² Ноктюрн был создан в 1938 г., а посвящён Джойсу лишь после его смерти, в 1941 г.

³ В своих воспоминаниях о встрече с А. Лурье И.Грэм пишет: «В августе 1948 года мы с Томми (мужем И. Грэма. — Н.Г.) были в Нью-Йорке, и я посетила А.С.... Он сел за рояль и сыграл “Ноктюрн Феникс-Парк”, посвящённый Джемсу Джойсу и названный по имени парка в Дублине, о котором пишет Джойс (один из любимых артистов А.С.). Игра А.С. была волшебной, не будучи “виртуозной”. Я сказала: “У вас музыка воды, водной стихии”, он, по-видимому, был удивлён такому замечанию и сказал, что так же точно его музыку определил один друг из Парижа, француз, музыковед (Анри Марру)» [15, с. 64].

⁴ Глубоко символическими в этом отношении представляются ассоциации с названием Феникс-парка.

⁵ В отличие, например, от Д. Шостаковича, применяющего в своих «Афоризмах» принцип остранения жанра.

⁶ В подобной организации музыкального материала отчасти ощущается влияние литературной манеры Дж. Джойса, с присущей ей спонтанностью, разорванностью и фрагментарностью.

вотрепешущие художественные запросы эпохи, отнюдь не затемняет ту содержательность и глубину, что свойственны лучшим сочинениям автора. Завершая краткий обзор фортепианных пьес Лурье, приходится с сожалением констатировать, что и в XXI в. его музыка — «изысканно-ароматная», «сплетённая из нежных красочных лент звучаний тембров»

(Б. Асафьев) — всё ещё остаётся для отечественного слушателя terra incognita. Но в этой ситуации, весьма типичной для нашего социума, удивляет, скорее, другое: его фортепианные опусы в очередной раз демонстрируют неизбывную щедрость русской музыкальной культуры, бесконечно разнообразную в своих проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёв И., Синайская А. Композиторы русского авангарда. СПб.: Композитор, 2007.
2. Алёшина Л., Стернин Г. Образы и люди Серебряного века. М.: Галарт, 2002.
3. Вишневецкий И. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. Эл. ресурс: <http://coollib.com/b/235397/read#r45> (дата обращения: 24.02.2016).
4. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
5. Холопов Ю. Артур Лурье и его фортепианная музыка // Артур Лурье. Произведения для фортепиано. М.: Композитор, 1993. С. III–XVI.
6. Лурье А. Наш марш. Музыкальная жизнь. 1994. № 7. С. 36–39.
7. Польдяева Е., Старостина Т. Звуковые открытия раннего авангарда // Русская музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX века. М.: ГИИ, 1997. С. 589–622.
8. Мой первый друг, мой друг бесценный. Письма А. Лурье И. Яковицу // Музыкальная академия. 1991. № 1. С. 188–198 / Подготовка к публикации Л. Казанской.
9. Лурье А. Детский рай. Эл. ресурс: <http://www.ka2.ru/hadisy/lurje.html> (дата обращения: 24.04.2016).
10. Гуляницкая Н. Эволюция тональной системы в начале века // Русская и музыка и XX век: Русское музыкальное искусство в истории художественной культуры XX в. М.: ГИИ, 1997.
11. Бобрик О. Артур Лурье: футурист? // Сто лет русского авангарда: Сборник статей / Ред.-сост. М. Катунян. М.: МГК, 2013. С. 92–99.
12. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 50.
13. Рубинчик О. В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье. Эл. ресурс: <http://www.akhmatoва.org/articles/rubinichik12.htm#1> (дата обращения: 01.02.2016).
14. Бобрик О. Вступительное слово и комментарии к программе «Музыкальные современники Сергея Прокофьева: Артур Лурье». Эл. ресурс: <http://levkip.livejournal.com/38580.html> (дата обращения: 02.04.2016).
15. Кралин М. Артур и Анна: Роман в письмах. Л.: Ленинградская панорама, 1990.

ENGLISH

Arthur Lourié: the engrossing spirit of experiment

Govar Natalia Alekseevna is PhD in Art History, assistant professor of the Department of Piano of Gnesin Russian Academy of Music, Head of the project “Russian Piano Culture of the 20th century (as an example of miniature)” (15-04-00228a).

E-mail: nataliagovar@mail.ru

This article is devoted to the piano works of Arthur Lourie, up to now little known in Russia. The style of his piano pieces, varying from opus to opus reflects the experimental spirit inherent to the author. Apart from quarter-tone and atonal compositions, which are truly innovative and in which Lurie appears as a pioneer in the development of many trends in the musical art of the 20th century, he has also romantic, neo-classical and neo-romantic works. Some of his genre findings in piano miniatures, such as sketches are also of interest. The works of the author demonstrating a diverse range of artistic methods are viewed in the article in terms of genre and style approach.

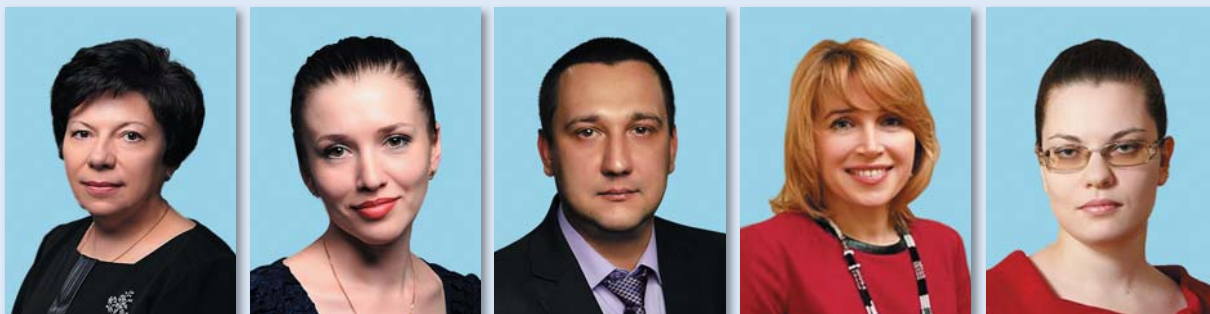
Keywords: Arthur Lourie, piano, pieces, genre, style

REFERENCES

1. Vorob'yov I., Sinayskaya A. Kompozitory russkogo avangarda. SPb.: Kompozitor, 2007 (in Russian).
2. Aleshina L., Sternin G. Obrazy i lyudi Serebryanogo veka. M.: Galart, 2002 (in Russian).
3. Vishnevetskiy I. Evraziyskoe uklonenie v muzyke 1920–1930-kh godov. Elektronnyy resurs: URL: <http://coollib.com/b/235397/read#r45> (data obrashcheniya: 24.02.2016) (in Russian).
4. Livshits B. Polutoraglazyy strelets. L.: Izdatel'stvo pisateley v Leningrade, 1933 (in Russian).
5. Kholopov Yu. Artur Lur'e i ego fortepiannaya muzyka // Artur Lur'e. Proizvedeniya dlya fortepiano. M.: Kompozitor, 1993. S. III–XVI (in Russian).
6. Lur'e A. Nash marsh. Muzykal'naya zhizn'. 1994. № 7. S. 36–39 (in Russian).
7. Pol'dyaeva E., Starostina T. Zvukovye otkrytiya rannego avangarda // Russkaya muzyka i XX vek: Russkoe muzykal'noe iskusstvo v istorii khudozhestvennoy kul'tury XX veka. M.: GII, 1997. S. 589–622 (in Russian).
8. Moy pervyy drug, moy drug bescenny. Pis'ma A.Lur'e I.Yakovitsu // Muzykal'naya akademiya. 1991. № 1. S. 188–198. Podgotovka k publikatsii L. Kazanskoy (in Russian).
9. Lur'e A. Detskiy ray. Elektronny resurs: URL: <http://coollib.com/b/235397/read#r45> (data obrashcheniya: 24.02.2016) (in Russian).
10. Gulyanitskaya N. Evolyutsiya tonal'noy sistemy v nachale veka // Russkaya muzyka i XX vek: Russkoe muzykal'noe iskusstvo v istorii khudozhestvennoy kul'tury XX veka. M.: GII, 1997 (in Russian).
11. Bobrik O. Artur Lur'e: futurist? // Sto let russkogo avangarda: Sbornik statey / Red.-sost. M. Katunyan. M.: MGK, 2013. S. 92–99 (in Russian).
12. Adamovich G. Moi vstrechi s Annoy Akhmatovoy // Zvezda. 1989. № 6. S. 49–55 (in Russian).
13. Rubinchik O. V poiskah poteryannogo Orfeya: kompozitor Artur Lur'e. Elektronny resurs: URL: <http://www.akhmatova.org/articles/rubinchik12.htm#1>. (data obrashcheniya: 01.02.2016) (in Russian).
14. Bobrik O. Vstupitel'noe slovo i kommentarii k programme: «Muzykal'nye sovremenniki Sergeya Prokof'eva: Artur Lur'e». Elektronny resurs: URL: <http://www.levkipplivejournal.com/38580.html>. (data obrashcheniya: 02.04.2016) (in Russian).
15. Kralin M. Artur i Anna. Roman v pis'makh. L.: Leningradskaya panorama, 1990 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 392.3:612.821-053.2
ГРНТИ 15.81.61

Т.Д. ВАСИЛЕНКО, И.Н. ЗЕМЗЮЛИНА, А.В. СЕЛИН, И.А. СИМОНЕНКО, А.В. ШЕВЧЕНКО*

Семья и психосоматическое здоровье ребёнка

В статье представлена концепция психогенеза психосоматических расстройств у детей в контексте различных семейных факторов на основных этапах развития ребёнка — от беременности до подросткового возраста. В цикле эмпирических исследований показаны специфические для каждого этапа факторы сохранения здоровья ребёнка. В период беременности — это готовность к материнству и принятие социальной роли матери. В младенческом возрасте формируется ранний контакт матери и ребёнка на основе эмоциональной связи, обеспечивая удовлетворение базовых потребностей малыша. В раннем детстве связь ребёнка с матерью обеспечивается надёжной привязанностью, обуславливая успешность адаптации ребёнка, при этом надёжная привязанность

* **Василенко Татьяна Дмитриевна** — доктор психологических наук, декан факультетов клинической психологии, социальной работы и экономики и менеджмента, заведующая кафедрой общей и клинической психологии Курского государственного медицинского университета (КГМУ), руководитель проекта «Качество раннего контакта матери и ребёнка в системе психосоциальных факторов как условие сохранения здоровья» (14-06-00085а).

E-mail: tvasilenko@yandex.ru

Земзюлина Ирина Николаевна — кандидат психологических наук, заместитель декана факультета клинической психологии, социальной работы и экономики и менеджмента, доцент кафедры общей и клинической психологии КГМУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: irina-zemnik@yandex.ru

Селин Александр Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии КГМУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: alexspsey@gmail.com

Симоненко Ирина Алексеевна — доктор психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии КГМУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: irinalik2004@mail.ru

Шевченко Анастасия Владимировна — ассистент кафедры общей и клинической психологии КГМУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: sheff3@list.ru

занность даже в старшем возрасте выступает ресурсом сохранения здоровья и защиты от развития психосоматических расстройств. В подростковом возрасте важную роль начинают играть личностные факторы и процессы взаимодействия в семье, которые содержательно отражаются в категориях идентификационного и коммуникативного партнёра ребёнка. На основе результатов исследования предложена модель системно-генетической семейной психотерапии ребёнка с психосоматическим расстройством.

Ключевые слова: психосоматическое расстройство, ранний контакт матери и ребёнка, ранняя детская привязанность, семейная система, идентификационный партнёр, коммуникативный партнёр, готовность к материнству

В современном обществе растёт доля детей с психосоматическими расстройствами (ПСР), снижается возраст их манифестации [1], а число детей с психосоматическими расстройствами достигает 68% от общего количества обратившихся к педиатрам [2]. Мы полагаем, что для ребёнка именно семья и характер взаимоотношений в ней могут выступать и как фактор защиты, и как источник стресса, играя ведущую роль в формировании паттернов его адаптации / дезадаптации.

Большинство современных исследований психосоматического здоровья детей можно разделить на две группы. Во-первых, это исследования индивидуальных и личностных особенностей ребёнка с ПСР, в том числе во взаимосвязи с типом этих расстройств [3, 4]. Во-вторых, исследования нарушений детско-родительских отношений [5, 6], в частности обосновывающие влияние нарушенных взаимоотношений с матерью на возникновение и течение ПСР у ребёнка [7, 8, 9].

Как субъект, обладающий различными потребностями и психологическими особенностями, ребёнок, взаимодействуя и адаптируясь в семье, создаёт свою систему отношений внутри неё на основе своих актуальных потребностей. Анализируя психическое развитие ребёнка как двусторонний процесс адаптации (ребёнка к семье и семьи к ребёнку) посредством выстраивания функциональных систем отношений, мы приходим к идее, что нарушение процесса адаптации, появ-

ление дисфункций в системах отношений формируют высокий стрессогенный фон жизни ребёнка, выступая патогенетическим фактором возникновения ПСР. Описанный механизм можно отразить в виде модели, представленной на рисунке.

С нашей точки зрения, адаптационные перестройки в семейной системе начинаются ещё до рождения ребёнка, на этапе беременности, в виде формирования новой материнской идентичности [10] и «готовности к материнству» [11, 12]. В первый год жизни ребёнка семейная система активно преобразуется, формируется «ранний контакт матери и ребёнка» [13, 14], который выступает основой «ранней детской привязанности» [15, 16]. На этой основе в младшем школьном и особенно в подростковом возрасте формируются собственно семейные отношения, развивается личность ребёнка, большую роль начинают играть другие члены семьи.

Исходя из понимания непрерывности развития ребёнка в семье, мы провели цикл логически взаимосвязанных исследований различных психологических аспектов семейной ситуации от этапа беременности и до подросткового возраста, направленных на изучение условий сохранения и нарушения психосоматического здоровья ребёнка.

Дизайн исследования

В эмпирическом исследовании приняло участие 1498 человек: 212 женщин, находящихся в III триместре беременности,

Рис. Нарушение привязанности как фактор развития психосоматического расстройства у ребёнка

ожидающих первого ребёнка; 40 женщин, участвовавших в лонгитюдном исследовании в течение 6–7 месяцев: на этапе беременности, после родов и до достижения ребёнком возраста 1, 3 и 6 месяцев; 340 детей в возрасте от 1 месяца до 15 лет с психосоматическими расстройствами (младенческая колика, аллергические реакции невыясненного генеза, аэрофагия, хронический гастродуоденит, бронхиальная астма); 225 родителей больных детей, 462 здоровых ребёнка и 219 их родителей.

На различных этапах исследования мы использовали методы, направленные на изучение релевантных возрасту аспектов семейной системы, личности и процессов переживания беременности: тест «Смысло-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, проективную методику «Линия жизни» Т.Д. Василенко, тест

«Готовность к материнству» Г.Г. Филипповой, восьмицветовой тест М. Люшера, копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана, опросник «Уровень рефлексивности» А.В. Карпова, торонтскую алекситимическую шкалу (ТАС-26), опросник «Суверенность психологического пространства личности» С.К. Нартовой-Бочавер, методику «Лесенка» в модификации Т.Д. Марцинковской, методику «Цветовой тест отношений» А.М. Эткинды, методику «Кинетический рисунок семьи» Р. Бэнса, С. Кауфмана, методику Г.М. Махортовой «Расскажи историю», тест школьной тревожности Филиппа, методику Р. Жилия, проективную методику «Несуществующее животное», опросник ADOR («Подростки о родителях»; «Поведение родителей и отношение подростков к ним») в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной, опросник

«Анализ семейной тревоги» Э.Г.Эйдемиллера, В.Юстицкиса.

Для изучения особенностей раннего контакта матери и ребёнка применялось включённое наблюдение с анализом критериев их взаимодействия — «Мангеймская шкала для оценки понимания взаимодействия матери и ребёнка в грудном возрасте». Типы привязанности изучались с использованием включённого наблюдения по методике М.Эйнсворт «Незнакомая ситуация» в модификации М.А.Василенко, И.А.Симоненко с оцениванием взаимодействия матери, ребёнка и «незнакомки» по выделенным критериям; также использовались шкала К.Кернс для определения надёжности привязанности ребёнка к родителям (для детей 8–10 лет) и проективная методика Н.Каплан, направленная на изучение особенностей привязанности ребёнка к матери.

Психосоматическое здоровье ребёнка на этапе беременности

Качество раннего контакта матери и ребёнка выступает условием сохранения здоровья как на этапе беременности, так и после родов, что описано нами в опубликованных работах [17, 18]. Готовность к материнству и ранний контакт матери и ребёнка включают смысловые, ценностные и эмоциональные компоненты, а также взаимосвязи с социальной идентичностью матери, рядом социальных и личностных факторов. Можно утверждать, что женщина, попадая в новую ситуацию (беременность), начинает осваивать и принимать новую социальную роль матери, что сопровождается изменениями в её ценностно-смысловой сфере. На этапе беременности сформировавшийся тип отношения к ней трансформируется в стиль готовности к материнству, который обеспечивает адекватные условия для развития ребёнка и удовлетворения его потребностей.

Таким образом, уже на этапе беременности можно говорить о появлении

раннего взаимодействия между матерью и ребёнком, в котором отражается и раскрывается ценностно-смысловая сфера женщины, ожидающей первенца. Выстраивание ценностных отношений с ребёнком на протяжении всей беременности зависит от сложившегося стиля готовности к материнству, который является условием формирования здоровья ребёнка.

Ранний контакт матери и ребёнка как основа психосоматического здоровья

В первые недели и месяцы после рождения происходит подстройка в реальном невербальном пространстве матери и ребёнка. Через распознавание сигналов, поиск способов реагирования на них, чувство и отождествление с партнёром по коммуникации идёт обучение в пространстве эмоциональной связи и её развитие в диаде мать—ребёнок. Установление их качественного контакта способствует сохранению и укреплению здоровья ребёнка [14, 18, 19].

Мы провели дифференциальную оценку основных типов контакта в диаде мать—ребёнок, названных по аналогии с типом привязанности: надёжный, тревожно-избегающий, амбивалентный. Установлено, что ценностно-смысловой компонент социальной идентичности женщин, принимающих социальную роль матери, характеризуется высоким общим уровнем осмысленности жизни по сравнению с женщинами, не принимающими социальную роль матери.

Личностная зрелость матери, высокий уровень дифференциации «Я», успешность в освоении новой социальной роли — это те особенности её личности, которые влияют на развитие раннего контакта с ребёнком. При этом факторы психоэмоциональной нагрузки матери (нарушенная эмоциональная связь с собственной матерью, тяжёлая личная история, непрожитые утраты, психологические травмы, отсутствие социальной

поддержки, нарушение супружеских отношений) являются препятствием для формирования надёжного контакта с ребёнком.

Надёжный тип контакта характеризуется преобладанием в поведении матери ориентированности на ребёнка, включённости с ним в диалог, искренности, чувствительности, большого количества телесного контакта и малого количества стимуляции. При этом основным способом установления контакта с ребёнком является использование вербальных и невербальных методов общения без привлечения стимулов из внешней среды. Кроме того, матери с надёжным типом контакта отличаются уравновешенным эмоциональным состоянием, что, в свою очередь, отражается на эмоциональном состоянии ребёнка. Он положительно реагирует на поведение матери в виде фиксации взгляда, улыбки, предпринимает попытки «поговорить», чаще смотрит на мать, разделяя при этом с ней свою познавательную активность. В целом, надёжный тип контакта матери и ребёнка представлен образованием «единого мира» между ними и большим количеством сонастроенных реакций на сигналы друг друга.

Тревожно-избегающий тип контакта характеризуется отдельным существованием, отсутствием диалога в любых проявлениях. В поведении матерей преобладает ориентация преимущественно на окружающую среду, отсутствует чувствительность к ребёнку и его реакциям, имеются вербальные ограничения, повышенное количество стимуляции ребёнка для привлечения его внимания. Отношение матери к ребёнку сложно охарактеризовать, так как содержание речи, тон голоса и телесный контакт не согласуются друг с другом. В эмоциональной сфере матерей, образующих тревожно-избегающий контакт с ребёнком, прослеживается нестабильное эмоциональное состояние, которое выражается в раздражении и напряжении,

отражающихся на её поведении, выражении лица, а следовательно, и на отношении к ребёнку и его отношении к ней. В результате этого младенец избегает контакта с матерью, отворачиваясь, крича, хмурясь. В его проявлениях заметны отрицательные эмоциональные переживания, отсутствие проявлений голоса, низкая заинтересованность окружающей средой и отсутствие или негативная реакция на чрезмерную стимуляцию матери.

Амбивалентный тип контакта матери и ребёнка отличается противоречивостью и непостоянством контакта, возникающего между ними. Матери ориентированы, прежде всего, не на ребёнка, а на свои чувства и события, происходящие в окружающей среде. Характерна противоречивость поведенческих реакций матери, проявляющаяся в изменении отношения к ребёнку, в образовании с ним единого целого и внезапном «рассоединении» с ним. Важными особенностями матерей являются изменчивость, цикличность эмоциональных состояний. Их дети меньше вокализируют, складывается впечатление о некой «отрешённости» таких младенцев от взаимодействий с матерью.

Для детей с неблагоприятным контактом в диаде мать—ребёнок характерно низкое эмоциональное научение, трудности приспособления к изменению социальной ситуации (особенно заметные при вхождении отца в диаду мать—ребёнок), что, в свою очередь, приводит к соматовегетативным реакциям в виде психосоматических расстройств, прежде всего системы пищеварения (например, младенческая колика).

При неблагоприятном контакте матери и ребёнка зачастую отмечаются особенности ближайшего социального окружения, в частности отца ребёнка (эмоциональное дистанцирование от семьи, низкая социальная успешность), являющиеся фактором дополнительной нагрузки для семьи с новорождённым ребёнком.

Ранняя детская привязанность и здоровье ребёнка

Нами проведён ряд исследований указанной проблематики, промежуточные результаты которых представлены в некоторых публикациях [13, 14, 20, 21]; в данной статье мы сделали попытку их обобщения.

В ходе анализа результатов исследования качества привязанности ребёнка к матери мы отмечаем нестабильность и изменчивость этого феномена во времени. Существует тенденция к снижению качества привязанности по мере взросления ребёнка: в возрасте 2–3 лет надёжная привязанность диагностируется в 62,5% случаев, в возрасте 4–5 лет – в 25%, а в возрасте 7–8 лет – в 14,5% случаев. Исследование ранней привязанности во взаимосвязи с адаптационными процессами у детей в возрасте от 2 до 8 лет показало, что дети с надёжным типом привязанности в течение первого года пребывания в дошкольном учреждении болели в 1,6 раза реже тех, у которых был ненадёжный тип привязанности.

У здоровых детей младшего школьного возраста обнаружена возрастная тенденция расширения круга значимых взрослых, которые могут выступать партнёрами по общению и идентификации. У детей с ПСР преобладает защитная форма идентификации и идентификация со взрослым, имеющим повышенную стрессогенную историю. Мы можем констатировать, что родители детей с ПСР склонны решать личностные проблемы посредством ребёнка. Среди таких проявлений можно отметить повышение значения по шкалам «расширение сферы родительских чувств», «фобия утраты» и «проекция на ребёнка нежелательных качеств». Надёжная привязанность, сформированная в раннем возрасте, является фактором защиты ребёнка в процессе адаптации в последующие годы. Качество привязанности связано с наличием у детей психосоматических расстройств. Мы можем утверждать, что существует тенденция от-

сутствия надёжной привязанности у младших школьников, страдающих ПСР. Дети, у которых в раннем возрасте сформировалась надёжная привязанность, более расположены к совместной активности, они успешнее проходят процесс социализации, отличаются большей социальной компетентностью и чувствуют себя в безопасности в незнакомой для них ситуации. Дети с надёжным типом привязанности более толерантны к стрессам, что, вероятно, снижает риск возникновения у них психосоматических расстройств.

Поскольку привязанность – феномен, формирующийся между матерью и ребёнком в раннем детстве, т.е. до возникновения заболевания, то можно предположить, что ненадёжная привязанность будет являться неким фактором риска в отношении развития психосоматических расстройств. Мы обнаружили связь ненадёжной привязанности и наличия психосоматического расстройства, что объясняется тем, что высокая тревожность и низкая стрессоустойчивость, которой отличаются дети с такой привязанностью, возможно, способствуют накоплению психического напряжения и его соматизации как защитной формы совладания с хроническим стрессом.

Семейные отношения при наличии психосоматических расстройств

Изучая функциональную триаду в семье (ребёнок, мать и отец), можно говорить о взаимосвязи качества супружеских отношений, присвоении роли отца, а также о взаимосвязи между характером супружеских отношений и наличием ПСР у детей, что отражено в наших публикациях [22–24]. При наличии психосоматических расстройств у ребёнка изучаемые отношения отличаются низкой удовлетворённостью и втянутостью ребёнка в конфликт между родителями. Мы установили, что функциональные триады отношений детей с ПСР отличаются более узким кругом членов семьи, которые являются партнёрами по общению

и идентификационными партнёрами детей. Доминирование матери как партнёра по общению характеризуется формальностью и отсутствием эмоциональной близости в общении. У детей с ПСР преобладают защитные формы идентификации с повышенным уровнем стрессогенности личной истории.

Выявлена особая роль отца ребёнка как члена первичной триады и лица, отношения с которым связаны с возникновением ПСР у ребёнка. Отец как член первичной триады и идентификационный партнёр ребёнка играет особую роль в успешной сепарации ребёнка от матери, установлении им достаточного уровня автономии, что возможно лишь при наличии эмоционально позитивного образа отца, а это особенно важно в период подросткового кризиса. Кроме этого, позиция, занимаемая отцом в семейной системе, определяет модель социального поведения подростка, способствующего или препятствующего успешной адаптации его в социуме и взаимосвязанного с возникновением ПСР.

При изучении факторов семейной системы у подростков с ПСР было выявлено, что в семьях с больными подростками отмечаются более низкий уровень сплочённости, ригидность семейных правил и структур, низкая степень иерархичности семейной организации, депривация стремления к независимости. Больные подростки достоверно чаще отмечают у себя в семье негативный эмоциональный фон, повышенную тревогу и обострённое чувство вины.

При исследовании личностных характеристик подростков с ПСР получены данные о существовании специфических личностных особенностей, сочетающихся с негативными стрессовыми воздействиями дисфункциональной семейной системы. У подростков с ПСР выявлены

низкий уровень рефлексивности, а также более высокий уровень алекситимии. Негативный, вызывающий тревогу образ отца, а также его эмоциональное дистанцирование, низкий авторитет, отсутствие чёткой позиции характерны для семей с больным ребёнком.

Заключение

На основе результатов проведённых исследований мы разработали системно-генетическую концепцию психогенеза психосоматических расстройств у детей, учитывающую такие дисфункции, как нарушение привязанности в первичной диаде, нарушение процессов идентификации с идентификационным партнёром, коммуникации с партнёром по общению, вовлечённость ребёнка в конфликтные отношения, межпоколенная передача травматического опыта.

Разработанная концепция легла в основу системно-генетической модели семейной психотерапии ребёнка с психосоматическим расстройством, в которой выделены фокусы, цели и приёмы работы, сконцентрированные на нарушениях отношений ребёнка в семье. Модель предполагает интеграцию в единый психотерапевтический процесс интрапсихического пространства ребёнка, значимых взрослых, их взаимоотношений в процессе системной работы с семьёй.

В качестве критериев эффективности системно-генетической психотерапии детей с ПСР мы выделили следующие параметры: достижение благоприятного контакта в диаде мать—младенец, надёжной привязанности в диаде мать—дитя, наличие идентификации на основе положительной эмоциональной связи, доверительных отношений с партнёром по общению, благоприятных отношений между идентификационным партнёром и партнёром ребёнка по общению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005.
2. Брызгунов И.П. Психосоматика у детей. М.: Психотерапия, 2009.
3. Сергеев К.М., Успенская Е.П. Бронхиальная астма у детей. Л.: Медицина, 1984.
4. Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. Зависимость типа привязанности ребёнка ко взрослому от особенностей их взаимодействия // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 39–48.
5. Умарова З.С. Клинико-функциональные и психологические нарушения при БА у детей. Пути их коррекции: Автореф. дисс... докт. мед. наук. М., 1992.
6. Даирова Р.А. Междисциплинарный подход при реабилитации детей с психосоматическими расстройствами // Специальная педагогика. София: Октомври, 2001. С. 3–17.
7. Аммон Г. Психосоматическая психотерапия. СПб.: Речь, 2000.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008.
9. Листопад Т.Н., Левин А.Н. Зависимость физического развития новорожденных от психического состояния матерей // Психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. Л., 1990. С. 82–86.
10. Василенко Т.Д., Земзюлина И.Н. Принятие роли матери: клинико-психологический анализ. Курск: Форум, 2015.
11. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М., 2002.
12. Добряков И.В. Перинатальная психология. СПб.: Питер-Юг. 2011. С. 302.
13. Василенко М.А. Привязанность ребенка к матери как фактор ранней социализации: Дис.... канд. псих. наук. Курск, 2011.
14. Симоненко И.А. Привязанность и её влияние на здоровье и развитие ребенка. Психотерапия привязанности в детском возрасте. Курск, 2014.
15. Боулби Дж. Привязанность. М.: Академический проект, 2003. С. 447.
16. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб.: Питер, 2006.
17. Василенко Т.Д., Земзюлина И.Н. Ранние эмоциональные дефициты и психосоматическое здоровье младенца // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2016. № 3. С. 117–124.
18. Василенко Т.Д., Воробьева М.Е. Качество взаимодействия матери и ребенка как фактор формирования здоровья // Педиатр. 2016. Т. 7. № 1. С. 151–155.
19. Симоненко И.А. Взаимосвязь качества контакта матери и младенца 3–4 месяцев с ранними психосоматическими нарушениями // «Здоровье семьи – 21 век» (электронное периодическое издание). 2012. № 4.
20. Симоненко И.А. Изучение привязанности и её влияния на психическое развитие детей раннего возраста // Российский научный журнал. 2011. № 5 (24). С. 177–182.
21. Симоненко И.А. Качество привязанности ребёнка к матери как фактор развития психосоматических расстройств у детей // «Научное мнение». 2013. № 7. С. 129–136.
22. Симоненко И.А. Психологические особенности репрезентации структурного и коммуникативного уровней репрезентации семейной системы у подростков с психосоматическими заболеваниями // Российский научный журнал. 2011. № 5 (25). С. 168–175.
23. Симоненко И.А. Роль личностных особенностей подростка в преодолении стрессовых воздействий дисфункциональной семейной системы в условиях психосоматического заболевания // Вестник Орловского государственного университета. 2012. № 5. С. 145–149.
24. Симоненко И.А. Особенности взаимосвязи системы семейных взаимоотношений и идентичности подростков с психосоматическим расстройством // Глобальный научный потенциал. 2015 № 1 (46). С. 34–39.

ENGLISH

The family and the child's psychosomatic health

Vasilenko Tatyana Dmitrievna is Doctor of Psychological Sciences, dean of clinical psychology, social work, economics and management, head of the General and Clinical Psychology Department of Kursk State Medical University, head of the project "Quality of Early Mother-Child Contact in the System of Psychosocial Factors for Good Health" No. 14-06-00085. (79,155,164,151).

E-mail: tvasilenko@yandex.ru

Zemzyulina Irina Nikolaevna is PhD of Psychological Sciences, associate dean of clinical psychology, social work, economics and management, associate professor of the Department of General and Clinical Psychology, Kursk State Medical University, researcher in the same project.

E-mail: irina-zemnik@yandex.ru

Selin Alexander Vladimirovich is PhD of Psychological Sciences, associate professor, Department of General and Clinical Psychology, Kursk State Medical University, researcher in the same project.

E-mail: alexspsey@gmail.com

Simonenko Irina Alekseevna is Doctor of psychological sciences, associate professor of the General and Clinical Psychology, Department Kursk State Medical University, researcher in the same project.

E-mail: irinalik2004@mail.ru

Shevchenko Anastasia Vladimirovna is assistant of the General and Clinical Psychology Department, Kursk State Medical University, researcher in the same project.

E-mail: sheff3@list.ru

The paper describes psychogenesis of psychosomatic disorders in children in the context of various family factors during main stages of child growth – from pregnancy to adolescence. The series of empirical studies shows specific factors for each phase of preserving child's health. During pregnancy, these are readiness for motherhood and accepting the social mother role. In infancy, early mother-child contact is formed on the basis of emotional link ensuring the satisfaction of basic child's needs. In early childhood, the mother-child relationship is ensured by strong attachment, which in turn determines the success of the child's adaptation, at the same time strong attachment, even at an older age is the resource to preserve and prevent health from psychosomatic disturbances. In adolescence, personal factors and family interaction processes play an important role in health care, which are reflected in the categories of identified and communicative partner of a child. Based on the study findings, the systemic and genetic family therapy model of a child with psychosomatic disorder has been offered.

Keywords: psychosomatic disorder, early mother-child contact, early infant attachment, family system, identified partner, communicative partner, readiness for motherhood

REFERENCES

1. Isaev D.N. Emotsional'nyy stress, psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroystva u detey. SPb.: Rech, 2005 (in Russian).
2. Bryazgunov I.P. Psikhosomatika u detey. M.: Psikhoterapiya, 2009 (in Russian).
3. Sergeev K.M., Uspenskaya E.P. Bronkhial'naya astma u detey. L.: Meditsina, 1984 (in Russian).
4. Avdeeva N.N., Khaymovskaya N.A. Zavisimost' tipa privyazannosti rebyonka ko vzoslomou ot osobennostey ikh vzaimodeystviya // Psikhologicheskii zhurnal. 1999. T. 20. № 1. S. 39–48 (in Russian).

5. Umarova Z.S. Cliniko-funktsional'nye i psikhologicheskie narusheniya pri BA u detey. Puti ikh korrektsii. Avtoref. diss... dokt. med. nauk. M., 1992 (in Russian).
6. Dairova R.A. Mezhdistsiplinarnyy podkhod pri rehabilitatsii detey s psikhosomaticheskimi rasstroystvami // Spetsial'naya pedagogika. Sofiya: Oktomvri, 2001. S. 3–17 (in Russian).
7. Ammon G. Psikhosomaticheskaya psikhoterapiya. SPb.: Rech, 2000 (in Russian).
8. Eydemiller E.G., Yustitskis V. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
9. Listopad T.N., Levin A.N. Zavisimost' fizicheskogo razvitiya novorozhdennykh ot psikhicheskogo sostoyaniya materey // Psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroystva u detey. L., 1990. S. 82–86 (in Russian).
10. Vasilenko T.D., Zemzyulina, I.N. Prinyatie roli materi: kliniko-psikhologicheskiy analiz. Kursk: Forum, 2015 (in Russian).
11. Filippova G.G. Psikhologiya materinstva. M., 2002 (in Russian).
12. Dobryakov I.V. Perinatal'naya psikhologiya. SPb.: Piter-Yug. 2011. S. 302 (in Russian).
13. Vasilenko M.A. Privyazannost' rebyonka k materi kak factor ranney socializatsii: Dis... cand. psh. nauk. Kursk, 2011 (in Russian).
14. Simonenko I.A. Privyazannost' i yeyo vliyanie na zdorov'e i razvitie rebenka. Psikhoterapiya privyazannosti v detskom vozraste. Kursk, 2014 (in Russian).
15. Boulbi Dzh. Privyazannost'. M.: Akademicheskiiy proect, 2003. S. 447 (in Russian).
16. Mukhamedrahimov R.Zh. Mat' i mladenets: psikhologicheskoe vzaimodeistvie. SPb.: Piter, 2006 (in Russian).
17. Vasilenko T.D., Zemzyulina I.N. Rannie emotsional'nye defitsity I psikhosomaticheskoe zdorov'e mladentsa // Kurskiy nauchno-prakticheskiy vestnik «Chelovek i ego zdorov'e». 2016. № 3. S. 117–124 (in Russian).
18. Vasilenko T.D., Vorob'yova M.E. Kachestvo vzaimodeystviya materi i rebyonka kak factor formirovaniya zdorov'ya // Pediatr. 2016. T. 7. № 1. S. 151–155 (in Russian).
19. Simonenko I.A. Vzaimosvyaz' kachestva kontakta materi i mladentsa 3–4 mesyatsev s rannimi psikhosomaticheskimi narusheniyami // «Zdorov'e sem'i – 21 vek» (elektronnoe periodicheskoe izdanie). 2012. № 4 (in Russian).
20. Simonenko I.A. Izuchenie privyazannosti i yeyo vliyaniya na psikhicheskoe razvitie detey rannego vozrasta // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal. 2011. № 5 (24). S. 177–182 (in Russian).
21. Simonenko I.A. Kachestvo privyazannosti rebyonka k materi kak factor razvitiya psikhosomaticheskikh rasstroystv u detey // «Nauchnoe mnenie». 2013. № 7. S. 129–136 (in Russian).
22. Simonenko I.A. Psikhologicheskie osobennosti reprezentatsii strukturnogo i kommunikativnogo urovney reprezentatsii semeynoy sistemy u podrostkov s psikhosomaticheskimi zabolevaniyami // Rossiyskiy nauchnyy zhurnal. 2011. № 5 (25). P. 168–175 (in Russian).
23. Simonenko I.A. Rol' lichnostnykh osobennostey podrostka v preodolenii stressovykh vozdeystviy disfunktsional'noy semeynoy sistemy v usloviyakh psikhosomaticheskogo zabolevaniya // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 5. S. 145–149 (in Russian).
24. Simonenko I.A. // Osobennosti vzaimosvyazi sistemy semeynykh vzaimootnosheniy i identichnosti podrostkov s psikhosomaticheskimi rasstroystvom // Global'nyy nauchnyy potentsial. 2015. № 1 (46). S. 34–39 (in Russian).

УДК 159.929
ГРНТИ 15.31.21

**И.А. ХВАТОВ,
А.Ю. СОКОЛОВ,
А.Н. ХАРИТОНОВ***

Филогенетические основы самоотражения ВЫСШИХ ПОЗВОНОЧНЫХ

В настоящее время в зоопсихологии существуют два крупных направления исследований: изучение способности к самоузнаванию и изучение особенностей схемы тела животных. Однако объектами большинства исследований являются близкие человеку виды (чаще – приматы). В данной статье представлена разрабатываемая авторами концепция самоотражения животных, являющаяся теоретической основой для сравнительных психологических исследований особенностей восприятия ими различных физических характеристик собственного тела. На основе данной концепции мы провели ряд экспериментов по изучению самоотражения у различных видов пресмыкающихся. В результате было установлено, что большинство изученных видов рептилий способно формировать навык учёта как естественных, так и изменённых границ собственного тела и переносить полученный опыт в новые ситуации. Мы полагаем, что именно на уровне психики пресмыкающихся происходит ароморфоз самоотражения у позвоночных – возникновение перцептивного обобщённого образа собственного тела. Эти данные обогащают представление о ходе эволюции психики в целом.

Ключевые слова: самоотражение, схема тела, змеи, сцинки, черепахи, пресмыкающиеся, филогенез психики, самосознание

* **Хватов Иван Александрович** — кандидат психологических наук, заведующий научно-образовательным центром биопсихологических исследований Московского института психоанализа, руководитель проекта «Генезис и разнообразие восприятия характеристик собственного тела: эволюционный и сравнительный аспекты» (14-06-00669а).
E-mail: lttkrot1@gmail.com

Соколов Алексей Юрьевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра биопсихологических исследований Московского института психоанализа, исполнитель того же проекта.
E-mail: arophis-king@mail.ru

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ankhome47@list.ru

В современной философии и психологии существует множество концепций, объясняющих происхождение самосознания человека в ходе эволюции психики. Большая часть этих концепций либо рассматривает развитие данного психического аспекта в ходе антропогенеза [2, 10], осуществляя сравнительный анализ психики человека и приматов, либо трактует сознание максимально широко, приравнивая его всей психике, что наиболее характерно для зарубежной философии сознания [2]. Однако эмпирические факты о глубоких эволюционных корнях человеческого самосознания крайне скудны: в науке отсутствуют специальные исследования, посвящённые их получению и анализу.

Исследования филогенетических предпосылок самосознания человека в рамках сравнительной психологии осуществляются главным образом с помощью выявления способности к самоузнаванию в зеркале — так называемый «mirror test». В классических экспериментах Г.Гэллопа [22] шимпанзе под лёгким наркозом наносили пятнышки краски на одну из бровей и на противоположное ухо. После пробуждения животные не ощущали никаких физических последствий операций, проведённых с ними: они прикасались к этим частям тела не чаще, чем к остальным. Увидев же себя в зеркале, они начинали активно ощупывать окрашенные места. Делался вывод, что шимпанзе помнили свой облик и замечали в нём изменения, а также понимали, что изображение в зеркале эквивалентно их собственному телу. На настоящий момент установлен факт наличия способности к самоузнаванию у понгид [3, 22], дельфинов [29], слонов [31], касаток [20] и сорок [32]. Недавно было высказано предположение о наличии данной способности у беспозвоночных — муравьёв [18].

Отметим, что данный метод подвергается существенной критике: во-первых, его трудно применять по отношению к животным, у которых зрительная мо-

дальность не является ведущей (к большинству млекопитающих) [19]; во-вторых, как животные, так и человек могут не проявлять интереса к отметинам на собственном теле [16, 17]; в-третьих, дискуссионным остаётся вопрос о том, действительно ли самоузнавание в зеркале свидетельствует о самосознании [16].

Помимо теста с зеркалом данные о специфике восприятия самих себя животными приобретаются в ходе исследований по обучению человекообразных обезьян искусственным языкам-посредникам [3], а также изучения «модели психического» (англ. «Theory of mind») у животных [3].

В рамках другого направления исследований изучается «схема тела» человека и животных [26, 28]. Схема тела — это совокупность двигательных навыков и способностей, позволяющих осуществлять различные движения, а также представление о физических характеристиках собственного тела (его границах, весе, взаиморасположении отдельных членов) [25, 21]. Схема тела предполагает соотнесение субъектом характеристик собственного тела с характеристиками окружающих объектов и необходима ему для пространственной ориентации и планирования движений [Там же], т.е. для «принятия себя в расчёт» [8].

В отличие от Я-концепции и образа тела схема тела — это неосознаваемый феномен [21]. Существует точка зрения, что схема тела является филогенетически наиболее ранней ступенью развития всех прочих представлений о себе, включая самосознание [8]. Значительная часть исследований схемы тела и возможностей ее модификации проводится на людях, других приматах и некоторых других видах млекопитающих [26, 27, 28]. Недавние исследования показали, что схема тела обладает высокой пластичностью и способна интегрировать в свою структуру внешние объекты, находящиеся в физическом контакте с индивидом, например орудия, используемые им [33, 30, 23]. Эти факты

согласуются с идеей рассмотрения орудия как зонда [5, 9]. Сообразно изменению схемы тела происходит и модификация субъективного восприятия окружающей реальности [24].

Таким образом, в настоящий момент в науке существуют два направления исследований предпосылок формирования самосознания человека (изучение способности к самоузнаванию и изучение схемы тела у животных), практически никак не связанные друг с другом. Кроме того, в подавляющем большинстве объектами этих исследований являлись теплокровные позвоночные: млекопитающие и птицы. Специфика психического отражения самого себя и учёта собственных характеристик (прежде всего физических характеристик собственного тела) при осуществлении деятельности животными, филогенетически далеко отстоящими от указанных групп, ранее специально не исследовалась. Между тем, изучение этого вопроса крайне важно не только для понимания специфики формирования человеческого сознания и самосознания, но и для понимания процесса эволюции психики в целом. Любой психический процесс, ориентирующий поведенческую активность животного, требует также отражения и учёта им собственных позиций и собственных характеристик, включая физические границы своего тела. В этом смысле практически любые зоопсихологические и этологические исследования (направленные на изучения рассудочной, игровой, ориентировочно-исследовательской деятельности животных, научения и проч.) содержат информацию о специфике психического отражения собственного тела теми животными, на которых они проводились. Однако этот обширный пласт информации ранее не подвергался специальному анализу и обобщению.

Для осуществления подобного анализа и обобщения мы разработали концепцию, в которой психическое отражение животными самих себя рассматривается

как элемент целостной системы «образа мира», взаимосвязанной с отражением внешнего мира этими животными [11]. Для этого нам потребовалось разработать новый термин — «самоотражение», являющийся более широким, нежели сознательная Я-концепция и образ себя или неосознаваемая схема тела (хотя именно она филогенетически является наиболее древним элементом самоотражения). Под самоотражением мы понимаем любое субъективное отражение индивидом характеристик собственного тела (как осознаваемых, так и неосознаваемых) [11].

В своей работе мы опираемся на понимание психики как феномена, возникающего и существующего в процессе взаимодействия организма конкретного индивида с внешней средой его обитания. Иначе говоря, психика есть результат со-бытия субъекта и внешнего мира. В этом смысле психика не является достоянием и продуктом только лишь нашего мозга или даже тела целиком. Данное теоретическое положение разрабатывалось в трудах таких классиков отечественной психологии как С.Л. Рубинштейн [7], А.Н. Леонтьев [5], Б.Ф. Ломов [6] и др. В настоящее время данное положение развивается в рамках онтологического подхода В.А. Барабанщикова [1]. Таким образом, любой психический феномен «рождается» и «живёт» именно в процессе взаимодействия нашего тела с внешним миром.

Соответственно, это же положение применимо и к феномену схемы тела. В рамках нашей концепции самоотражение рассматривается системно, в контексте своей взаимосвязи с отражением внешней среды, как два элемента единого образа мира — два полюса целостного субъективного отражения объективной реальности. Согласно онтологическому подходу основную движущую силу развития образа мира как бинарной системы следует усматривать в диалектическом противоречии, возникающем между двумя его полюсами: самоотражени-

ем и отражением внешнего мира. Иначе можно сформулировать, что движущей силой развития образа является диалектическое противоречие между его содержанием и формой.

Так любое событие (акт взаимодействия живой системы с внешним миром), вносящее изменения в отражение субъектом внешнего мира, неизбежно затрагивает и влияет на его самоотражение. Позже самоотражение, будучи модифицированным, уже само снова изменяет восприятие внешней среды. В ходе такого цикла восприятия перестраивается вся система образа мира. В свою очередь, если в ходе события субъект обнаруживает какие-либо новые собственные характеристики, это ведёт к изменению восприятия внешней среды и специфики отношения к ней. Такие циклы взаимообуславливающего развития самоотражения и отражения внешней среды происходят как в онтогенезе отдельной особи, так и в филогенезе психики целых видов или более крупных таксонов [11].

Последние три года авторский коллектив изучал особенности самоотражения рептилий. Рептилии, птицы и млекопитающие произошли от общего предка, жившего примерно 280 млн лет назад. При этом современные рептилии по особенностям своего поведения и психической организации ближе, чем млекопитающие и птицы, стоят к общим предкам трёх вышеуказанных отрядов позвоночных. Это даёт основание предположить, что наиболее ранние особенности схемы тела наземных позвоночных (включая человека) были заложены именно на этом этапе эволюции.

Мы провели исследования особенностей схемы тела у ряда видов пресмыкающихся: королевских змей (*Lampropeltis triangulum campbelli*) [12], лучистых полозов (*Elaphe radiata*) [15], красноухих черепах (*Trachemys scripta*) [15], гигантских сцинков (*Tiliqua gigas*) [14].

Основным методом получения эмпирических данных являлись лабораторные эксперименты, в ходе которых изучалось

влияние изменения физических параметров тела животного на его поведение в различных экспериментальных установках (в качестве установок применялись лабиринты и проблемные клетки). На начальном этапе животные помещались в экспериментальную установку (лабиринт или проблемную клетку) с целью формирования у них привыкания к данным условиям и навыков осуществления различных форм поведения: кормления и избегания отрицательной стимуляции.

Далее границы тела животных из экспериментальных групп увеличивались. У сцинков и черепах границы тела расширялись путём крепления на них различных объектов таким образом, что они препятствовали проникновению в отверстия в перегородках, отделяющих один отсек лабиринта или проблемной клетки от другого, в результате чего осуществление ранее сформированного навыка оказывалось невозможным (рис.). У змей границы тела увеличивались путём скармливания им крупных кормовых объектов, после чего животные также становились неспособными проникнуть в те отверстия, через которые ранее обучились проползать в различные отсеки лабиринтов и проблемных клеток. В результате этого животным из экспериментальных групп было необходимо формировать новый навык, находя отверстия, достаточно крупные для изменённых размеров их тел.

У животных из контрольных групп, наоборот, изменялись физические параметры среды (при неизменности границ их тел): отверстия, через которые они ранее обучились проникать, делались слишком маленькими. После формирования нового навыка в изменённых условиях (при изменении границ тела или параметров внешней среды) схема расположения отверстий в экспериментальной установке у обеих групп снова менялась для изучения того, способны ли животные переносить ранее приобретённый опыт в новые ситуации.

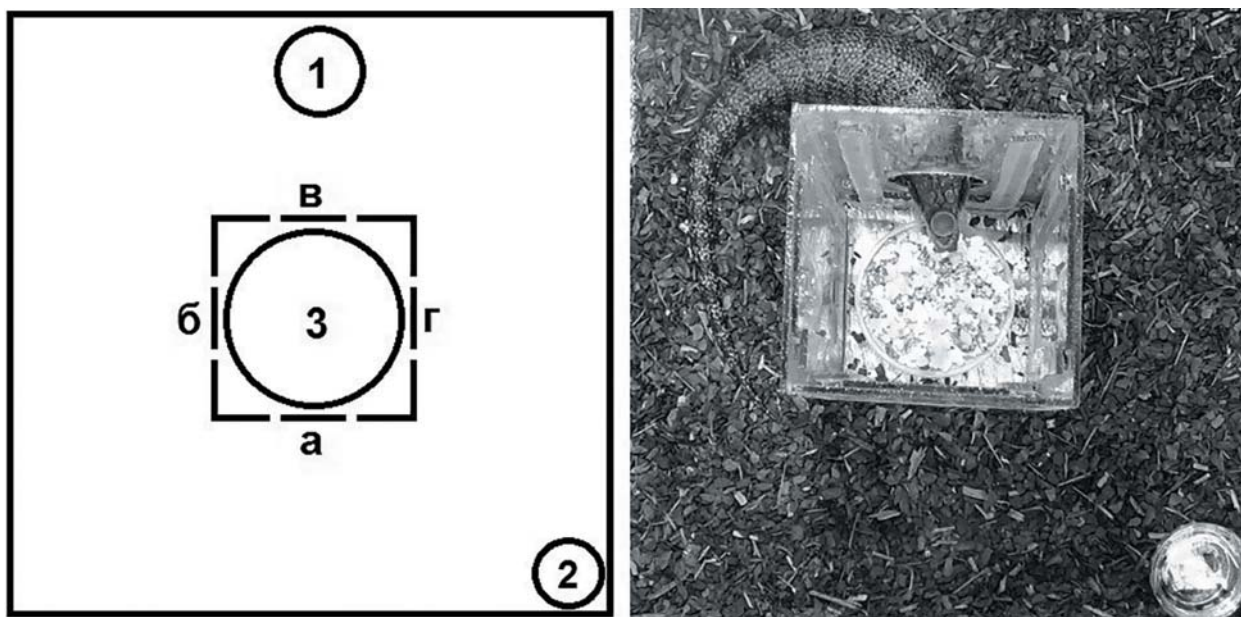

Рис. Схема и фото экспериментальной установки (вид сверху). Условные обозначения: 1 — лампа (над установкой); 2 — поилка; 3 — миска с кормом; а-г — отверстия в проблемном ящике

Вышеописанные эксперименты осуществлялись в установках двух типов. Первый тип экспериментальных установок состоял из двух отсеков: камеры укрытия, куда животные стремились проникнуть, и пусковой камеры, которые были разделены перегородкой с различными типами отверстий. Второй тип экспериментальных установок представлял собой террариум, в центре которого располагался проблемный ящик квадратной формы с отверстиями в каждой из четырёх боковых сторон. Внутри ящика помещалась приманка, которую животные стремились достать, просовывая голову в одно из отверстий.

Полученные данные показывают, что три из четырёх вышеуказанных видов (лучистый полоз, красноухая черепаха и гигантский сцинк) способны формировать навык учёта как естественных, так и изменённых границ собственного тела (т.е. они способны модифицировать схему своего тела) и переносить полученный опыт в новые ситуации. Однако эта способность рептилий качественно отличается от аналогичной способности грызунов и других млекопитающих. В частности,

схема тела рептилий перестраивается постепенно (по классической кривой научения [10]), но не быстро (по типу инсайта [4]), как это происходит у млекопитающих. Об этом свидетельствуют данные экспериментов на приматах и человеке [26, 28], а также наши эксперименты, проведённые с применением аналогичной экспериментальной процедуры на грызунах [13]. С другой стороны, у земноводных мы не выявили способности формировать навыки учёта ни естественных, ни увеличенных границ собственного тела [15]. Соответственно, мы полагаем, что именно на уровне психики пресмыкающихся происходит ароморфоз самоотражения у позвоночных, т.е. возникновение перцептивного обобщённого образа собственного тела, который животное способно экстраполировать в новые ситуации.

Проведённые исследования позволили выявить и изучить эволюционно наиболее древние, до сих пор мало исследованные предпосылки формирования схемы тела. Это обогащает представление об эволюционном процессе формирования психики высших позвоночных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
2. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
3. Зорина З.А., Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. М.: Аспект пресс, 2003.
4. Кёлер В. Исследование интеллекта человекообразных обезьян. М.: Комакадемии, 1930.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. СПб.: Наука, 1999.
7. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
8. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Московского университета, 1983.
9. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
10. Филиппова Г.Г. Зоопсихология и сравнительная психология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2004.
11. Хватов И.А. Эволюция самоотражения животных и человека в контексте дифференционно-интеграционного подхода. Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2. / Сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. М.: Языки славянских культур, 2014. С. 343–360.
12. Хватов И.А., Соколов А.Ю., Харитонов А.Н. Схема собственного тела у змей *Lampropeltis triangulum campbelli* // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 119–138. doi: 10.17759/exppsy.2015080209.
13. Хватов И.А., Соколов А.Ю., Харитонов А.Н., Куличенкова К.Н. Схема собственного тела у грызунов (на примере крыс *Rattus norvegicus*) // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 112–130. doi: 10.17759/exppsy.2016090109.
14. Хватов И.А., Соколов А.Ю., Харитонов А.Н. Учёт границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas* // Там же. № 3. С. 54–71. doi: 10.17759/exppsy.2016090305.
15. Хватов И.А., Харитонов А.Н., Соколов А.Ю. Схема собственного тела у пресмыкающихся: эволюционный и сравнительный аспекты // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 2016. С. 603–604.
16. Asendorpf J.B., Warkentin V., Baudonniere P.-M. Self-Awareness and Other-Awareness II: Mirror Self-Recognition, Social Contingency Awareness, and Synchronic Imitation // Developmental Psychology. 1996. № 32 (2). P. 313–321. doi: 10.1037/0012-1649.32.2.313.
17. Bekoff M. Observations of scent-marking and discriminating self from others by a domestic dog (*Canis familiaris*): tales of displaced yellow snow // Behavioural Processes. 2001. Vol. 55. № 2. P. 75–79.
18. Cammaerts M.-C., Cammaerts R. Are ants (*Hymenoptera, Formicidae*) capable of self-recognition? // Journal of Science. 2015. Vol. 7. P. 521–532.
19. Coren S. How Dogs Think: Understanding the Canine Mind. Free Press, 2004.
20. Delfour F., Marten K. Mirror image processing in three marine mammal species: killer whales (*Orcinus orca*), false killer whales (*Pseudorca crassidens*) and California sea lions (*Zalophus californianus*) // Behavioural processes. № 53 (3). 2001. P. 181–190.
21. Gallagher S., Cole J. Body Schema and Body Image in a Deafferented Subject // Journal of Mind and Behavior. 1995. Vol. 16. P. 369–390. doi: 10.1068/p7027.
22. Gallup G.Jr. Chimpanzees: Self recognition // Science. 1970. Vol. 167. № 3914. P. 86–87.
23. Garbarinia F., Fossataro C., Bertia A., Gindria P., Romanod D., Piai L., Gattaf F. Maravita A. Neppi-Modona M. When your arm becomes mine: Pathological embodiment of alien limbs using tools modulates own body representation // Neuropsychologia. 2015. № 70. P. 402–413. doi: 10.1016/j.neuropsychologia.2014.11.008.
24. Giglia G., Pia L., Folegatti A., Puma P., Fierro B., Cosentino G., Berti A., Brighina F. Far Space Remapping by Tool Use: A rTMS Study Over the Right Posterior Parietal Cortex // Brain Stimulation. 2015. Vol. 8. Is. 4. P. 795–800. doi: 10.1016/j.brs.2015.01.412.

25. Head H., Holmes G. Sensory disturbances from cerebral lesions // *Brain*. 1911. Vol. 34. № 2–3. P. 102. doi: 10.1093/brain/34.2–3.102.
26. Herman L.M., Matus D.S., Herman E.Y.K., Ivancic M., Pack A.A. The bottlenosed dolphin's (*Tursiops truncatus*) understanding of gestures as symbolic representations of its body parts // *Animal Learning & Behavior*. 2001. Vol. 29. № 3. P. 250–264.
27. Johnson–Frey S. The neural bases of complex tool use in humans // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 71–78. doi: 10.1016/j.tics.2003.12.002.
28. Maravita A., Iriki A. Tools for the body (schema) // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 79–86.
29. Marten K., Psarakos S. Evidence of self-awareness in the bottlenose dolphin (*Tursiops truncatus*) // Parker S. T., Mitchell R., Boccia M. *Self-awareness in Animals and Humans: Developmental Perspectives*. Cambridge University Press, 2008. P. 361–379.
30. Moeller B., Zoppke H., Frings C. What a car does to your perception: Distance evaluations differ from within and outside of a car // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2015. doi: 10.3758/c13423-015-0954-9.
31. Plotnik J. M., De Waal F. B. M., Reiss D. Self-recognition in an Asian elephant // *PNAS*. Vol. 103. № 45. 2006. P. 17053–17057. doi: 10.1073/pnas.0608062103.
32. Prior H., Schwarz A., Güntürkün O. Mirror-induced behavior in the magpie (*Pica pica*): evidence of self-recognition // *PLoS Biology*. Vol. 6. 2008. e202.
33. Ritchie J.B., Carlson T.A. Tool Integration and Dynamic Touch // *Psychological Science*. 2013. doi: 10.1177/0956797612459768.

ENGLISH

Phylogenetic fundamentals of self-reflection of the superior vertebrates

Khvatov Ivan Aleksandrovich is Ph.D. in Psychology, leader of the research and learning center of bio psychological research, Moscow Institute of Psychoanalysis, head of the project “Genesis and Diverse Perception of Own Body: Evolutionary and Comparative Aspects” (14-06-00669a).

E-mail: ittkrot@mail.ru

Sokolov Alexey Yuryevich is Ph.D. in Biology, senior fellow of the center of bio psychological research, Moscow Institute of Psychoanalysis.

E-mail: apophis-king@mail.ru

Kharitonov Alexander Nikolaevich is Ph.D. in Psychology, fellow of the Psychology Institute of the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: ankhome47@list.ru

Currently, zoopsychology features two major research areas: the study of self-recognition in animals and the study of animal body scheme. However, most study subjects are species close to man (mostly, primates). This article presents the concept of self-reflection in animals and humans, which is the theoretical basis for the comparative study of psychological aspects of perceiving physical properties of own body by animals. Based on this concept, we conducted a series of experiments to study self-reflection in different species of reptiles. As a result, it was found that most researched species of reptiles were able to develop a skill of taking into account both natural and modified shapes of their own body and to transfer the experience to new situations. We assume that exactly at this level of mental evolution there occurs the aromorphosis of self-reflection in vertebrates, – a generalized perceptual image of own body. These data enrich the understanding of the psyche evolution as a whole, and the idea of the evolutionary background of forming human self-identity.

Keywords: self-reflection, body scheme, snakes, skinks, turtles, reptiles, phylogeny of the psyche, self-identity

REFERENCES

1. Barabanshchikov V.A. *Vospriyatie i sobytie*. SPb.: Aleteyya, 2002 (in Russian).
2. Vasil'ev V.V. *Trudnaya problema soznaniya*. M.: Progress-Traditsiya, 2009 (in Russian).
3. Zorina Z.A., Poletaeva I.I. *Zoopsikhologiya. Elementarnoe myshlenie zhivotnykh*. M.: Aspekt press. 2003 (in Russian).
4. Kyoler V. *Issledovanie intellekta chelovekoobraznykh obez'yan*. M.: Komakademii, 1930 (in Russian).
5. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost'*. M.: Politizdat, 1975 (in Russian).
6. Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii*. SPb.: Nauka, 1999 (in Russian).
7. Rubinshteyn S.L. *Chelovek i mir*. SPb.: Piter, 2012 (in Russian).
8. Stolin V.V. *Samosoznanie lichnosti*. M.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 1983 (in Russian).
9. Tkhostov A.Sh. *Psikhologiya telesnosti*. M.: Smysl, 2002 (in Russian).
10. Filippova G.G. *Zoopsikhologiya i sravnitel'naya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy*. M.: Akademiya, 2004 (in Russian).
11. Khvatov I.A. *Evolutsiya samootrazheniya zhivotnykh i cheloveka v kontekste differentsionno-integratsionnogo podkhoda. Differentsionno-integratsionnaya teoriya razvitiya*. Kn. 2. / Sost. i red. N.I. Chuprikova, E.V. Volkova. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014. S. 343–360 (in Russian).
12. Khvatov I.A., Sokolov A.Yu., Kharitonov A.N. *Skhema sobstvennogo tela u zmey Lampropeltis triangulum campbelli // Eksperimental'naya psikhologiya*. 2015. T 8. № 2. S. 119–138. doi: 10.17759/exppsy.2015080209 (in Russian).
13. Khvatov I.A., Sokolov A.Yu., Kharitonov A.N., Kulichenkova K.N. *Skhema sobstvennogo tela u gryzunov (na primere krysa Rattus norvegicus) // Eksperimental'naya psikhologiya*. 2016. T. 9. № 1. S. 112–130. doi: 10.17759/exppsy.2016090109 (in Russian).
14. Hvatov I.A., Sokolov A.Yu., Kharitonov A.N. *Uchyot granits sobstvennogo tela stsinkami Tiliqua gigas // Tam zhe*. № 3. S. 54–71. doi: 10.17759/exppsy.2016090305 (in Russian).
15. Khvatov I.A., Sokolov A.Yu., Kharitonov A.N. *Shema sobstvennogo tela u presmykayushchikhsya: evolyutsionnyy i sravnitel'nyy aspekty // Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke. Tezisy dokladov*. Svetlogorsk, 2016. S. 603–604 (in Russian).
16. Asendorpf J.B.; Warkentin V., Baudonniere P.-M. *Self-Awareness and Other-Awareness II: Mirror Self-Recognition, Social Contingency Awareness, and Synchronic Imitation // Developmental Psychology*. 1996. № 32 (2). P. 313–321. doi:10.1037/0012-1649.32.2.313.
17. Bekoff M. *Observations of scent-marking and discriminating self from others by a domestic dog (Canis familiaris): tales of displaced yellow snow // Behavioural Processes*. 2001. Vol. 55. № 2. P. 75–79.
18. Cammaerts M.-C., Cammaerts R. *Are ants (Hymenoptera, Formicidae) capable of self-recognition? // Journal of Science*. 2015. Vol. 7. P. 521–532.
19. Coren S. *How Dogs Think: Understanding the Canine Mind*. Free Press, 2004.
20. Delfour F., Marten K. *Mirror image processing in three marine mammal species: killer whales (Orcinus orca), false killer whales (Pseudorca crassidens) and California sea lions (Zalophus californianus) // Behavioural processes*. № 53 (3). 2001. P. 181–190.
21. Gallagher S., Cole J. *Body Schema and Body Image in a Deafferented Subject // Journal of Mind and Behavior*. 1995. Vol. 16. P. 369–390. doi: 10.1068/p7027.
22. Gallup G.Jr. *Chimpanzees: Self recognition // Science*. 1970. Vol. 167. № 3914. P. 86–87.

23. Garbarinia F., Fossataroa C., Bertia A., Gindria P., Romanod D., Piao L., Gattaf F. Maravita A. Neppi-Modona M. When your arm becomes mine: Pathological embodiment of alien limbs using tools modulates own body representation // *Neuropsychologia*. 2015. № 70. P. 402–413. doi:10.1016/j.neuropsychologia.2014.11.008.
24. Giglia G., Pia L., Folegatti A., Puma P., Fierro B., Cosentino G., Berti A., Brighina F. Far Space Remapping by Tool Use: A rTMS Study Over the Right Posterior Parietal Cortex // *Brain Stimulation*. 2015. Vol. 8. Is. 4. P. 795–800. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.brs.2015.01.412>.
25. Head H., Holmes G. Sensory disturbances from cerebral lesions // *Brain*. 1911. Vol. 34. № 2–3. P. 102. doi:10.1093/brain/34.2-3.102.
26. Herman L.M., Matus D.S., Herman E.Y.K., Ivancic M., Pack A.A. The bottlenosed dolphin's (*Tursiops truncatus*) understanding of gestures as symbolic representations of its body parts // *Animal Learning & Behavior*. 2001. Vol. 29. № 3. P. 250–264.
27. Johnson-Frey S. The neural bases of complex tool use in humans // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 71–78. doi:10.1016/j.tics.2003.12.002.
28. Maravita A., Iriki A. Tools for the body (schema) // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 8. № 2. P. 79–86.
29. Marten K., Psarakos S. Evidence of self-awareness in the bottlenose dolphin (*Tursiops truncatus*) // Parker S.T., Mitchell R., Boccia M. *Self-awareness in Animals and Humans: Developmental Perspectives*. Cambridge University Press, 2008. P. 361–379.
30. Moeller B., Zoppke H., Frings C. What a car does to your perception: Distance evaluations differ from within and outside of a car // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2015. doi: 10.3758/c13423-015-0954-9.
31. Plotnik J. M., De Waal F. B. M., Reiss D. Self-recognition in an Asian elephant // *PNAS*. Vol. 103. № 45. 2006. P. 17053–17057. doi:10.1073/pnas.0608062103.
32. Prior H., Schwarz A., Güntürkün O. Mirror-induced behavior in the magpie (*Pica pica*): evidence of self-recognition // *PLoS Biology*. Vol. 6. 2008. e202.
33. Ritchie J.B., Carlson T.A. Tool Integration and Dynamic Touch // *Psychological Science*. 2013. doi: 10.1177/0956797612459768.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.С. КУПРИЯНОВ*

Полевые исследования Русской этнографической экспедиции в 2014–2015 годах: краткий обзор

Проект «Русская этнографическая экспедиция» предусматривал проведение полевых исследований, а также работу в архивах и музеях с целью формирования источниковой базы для дальнейшей научной работы. Тематика исследований включала как традиционные, так и новые направления, среди которых духовная и материальная народная культура, различные формы самосознания (этнического, конфессионального, локального и др.), локальные и региональные особенности культуры русских и др. Сбор полевого материала проводился с помощью традиционных методов — включённого наблюдения, интервью и анкетирования, с использованием фото- и видеофиксации как в городах, так и в сельской местности в Архангельской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Калужской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Ярославской областях, Пермском крае, в Йошкар-Оле, Казани, Чебоксарах, а также в республиках Беларусь и Грузия. Участники проекта работали по индивидуальным темам. Особое внимание уделялось современному состоянию традиции и трансформационным процессам в культуре и языке. В статье представлены лишь некоторые предварительные результаты проведённых экспедиций.

В ходе исследования, проводившегося С.С.Крюковой в Краснинском и Руднянском районах Смоленской области, был собран материал об изменениях, происходящих в сельской экономике, и их отражении в сознании и повседневной хозяйственной практике жителей села. Он показывает, что, несмотря на резкое сокращение посевных площадей, сельский образ жизни по-прежнему связан с обработкой земли и ведением сельского хозяйства. Самой распространённой формой современного сельскохозяйственного производства является личное подсобное хозяйство (в Краснинском районе — более 2/3 всех предприятий), основу которого составляет приусадебный земельный участок размером от 20 соток до 2 га и которое для большинства населения является фактически не *подсобным*, а *основным* и важнейшим источником средств существования.

При этом частная собственность на землю не является средством приумножения благосостояния сельчан и не способствует развитию у них каких-либо инициатив, связанных с сельскохозяйственным трудом. Открывшейся возможностью расширения личного подсобного хозяйства (ЛПХ) воспользовались лишь единицы, а регистрация права частной собственности на землю осуществляется

* Куприянов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, руководитель проектов «Русская этнографическая экспедиция» (14-01-18043е, 15-01-18114е).

E-mail: kuprianov-ps@yandex.ru

главным образом применительно к приусадебным участкам и мотивируется чаще всего необходимостью продажи дома или прописки в нём новых членов семьи.

На общем депрессивном фоне выделяются лишь единичные фермерские или индивидуальные хозяйства, организованные предпринимателями со стороны (как правило, из Смоленска или Москвы). Однако они мало влияют на социально-экономическую инфраструктуру села, поскольку механизированный труд не требует значительного числа наёмных работников. Сегментация сельского производства, его организация в разных формах с преобладанием ЛПХ сигнализируют о разрушении прежней монолитности коллективных предприятий и способствуют дальнейшей индивидуализации сельского труда, а следовательно, и образа жизни. Взаимосвязь между сельскохозяйственным производством и деревней как некой социокультурной целостностью со специфическими свойствами и традиционными элементами исчезает, а вслед за ней — и огромный пласт традиций, прямо или косвенно связанных с аграрной экономикой.

В ходе исследования установлено, что некоторые местные особенности экономики обусловлены приграничным положением обследованных районов. Разнообразные (в том числе неформальные) контакты с белорусами влияют не только на торговые и хозяйственные коммуникации местного населения, конфигурацию местных рынков и миграционные процессы в регионе, но сказываются и на самосознании: провоцируют сравнение, способствуют выработке определённых самооценок на фоне соседа, формируют представления о роли этничности в стратегии экономического поведения.

Специфическая этнокультурная ситуация стала объектом исследования Т.А. Листовой в зоне другого, русско-украинского, пограничья — в Кантемировском, Лискинском, Россошанском, Верхнемамон-

ском и Острогожском районах Воронежской области. Здесь с XVII в. проживают русские («москальи») и потомки украинцев (малороссов). Вплоть до середины XX в. для этого региона характерна устойчивость этнической специфики и самосознания местных жителей двух указанных групп. Между тем, статистические данные последних переписей свидетельствуют об абсолютном преобладании русского населения. Полевые материалы позволяют судить о причинах смены самоидентификации и специфике этнического самосознания, а также степени их значимости для потомков украинских переселенцев.

В течение трёх веков этническое своеобразие региона поддерживалось благодаря преобладанию внутриэтнических браков. Это было характерно для дореволюционного времени и до некоторой степени сохранялось и после войны. Сегодня же, как показывают собранные материалы, этнокультурный фактор, как правило, не имеет значения при выборе брачной пары и не влияет на внутрисемейные отношения.

Идентичность жителей так называемых украинских сёл (это выделение продолжает сохраняться) носит двойственный характер: самоназванию «хохол» сопутствует и самоопределение «русский» (в значении *житель, гражданин России*), что подтверждают как материалы опросов, так и данные переписей последних лет («мы русские, но мы хохлы»). Термин «хохлы» используется в настоящее время для обозначения данной группы не только её членами, но и их русскими соседями. Он несёт в себе не этнический, а скорее этнокультурный смысл. Характеризуя себя подобным образом, потомки украинцев имеют в виду не только свои исторические корни, но и культурно-языковые особенности. Специфическим групповым маркером для «хохлов» считается язык — *суржик*, в котором исходная украинская речь дополняется русской лексикой и на котором они «не разговаривают, а балакают», сами таким обра-

зом подчёркивая отличие от украинцев. По мнению и местных жителей, и школьных учителей, преподавание на русском языке постепенно сглаживает характерные диалектные особенности в разговорной речи школьников в «украинских» сёлах. Размыванию этнокультурной и языковой специфики в последние 20 лет способствует также рост числа русскоязычных переселенцев из других районов России. Применительно к материальной и обрядово-праздничной культуре также можно говорить лишь о частичном сохранении некоторых особенностей «хохлацкой» и «москальской» традиций — их повсеместно и активно вытесняет унифицированная городская культура (фото 1).

Схожие процессы эрозии традиционной культуры, размывания этнических и религиозных барьеров зафиксированы и в другой специфической группе, исследуемой С.А.Иниковой, — у русских духоборцев в Грузии, живущих в армянском и грузинском окружении. В наибольшей

степени эти тенденции свойственны нерелигиозному молодому и среднему поколению духоборцев, тогда как старшее поколение, напротив, акцентирует отличительность своей традиции, стремится выстроить новые культурные барьеры, отделяющие духоборцев от ближайших соседей, поднять самооценку группы.

Трансформационные процессы в разных сферах и с разной степенью активности идут не только на периферии, но и в центре исторического ареала расселения русских, например в Костромской, Орловской, Рязанской областях. Исследование, проведённое И.А.Морозовым в Сосковском районе Орловской области, показало, что на настоящий момент общая сохранность традиции в сфере семейной и календарной обрядности довольно высока. В то же время на фоне сохранившихся обрядовых практик заметно плохое состояние традиционных жанров местного фольклора. Колядки и заклички, например, фиксируются

Фото Т.А.Листовой

Фото 1. Школьный стенд в с. Хохол-Тростянка Острогожского р-на Воронежской обл. 2015 г.

в основном фрагментарно. При этом достаточно разнообразны былички о ведьмах и колдунах.

П.А.Серин, исследовавший эти процессы на примере традиционной одежды и жилища в Милославском и Кадомском районах Рязанской области, установил, что уже в конце 1930-х гг., а особенно в послевоенный период, родители нынешних старожилов перестали обучать своих дочерей ткачеству понёв, поясов и традиционному вязанию чулок на одной игле. Но именно эти элементы одежды приобрели повышенную знаковую нагрузку в ритуальном костюме второй половины XX в. В настоящее время народный костюм изредка используется для проведения второго дня свадьбы в «народном стиле», а также в выступлениях фольклорных коллективов.

Полевые материалы, касающиеся изменений сельского жилища — его структуры, техники строительства, связанных с ним практик, — с одной стороны, подтверждают тенденции, замеченные исследователями ещё в середине XX в.: сокращение количества хозяйственных построек, их концентрация внутри усадьбы вокруг жилого дома, увеличение площади жилых помещений, стремление к разделению некогда единого пространства избы на несколько комнат. С другой стороны, новейшие данные показывают, что в течение XX в. сельские жители выделяли лишь спальные места для разных членов семьи и кухню, которая часто совмещалась с сенями, но никогда не следовали «городским» представлениям о разделении помещений в доме в соответствии с их функцией. Последнее имело место только в домах «колхозной» постройки, планировавшихся в городских бюро и возводившихся специализированными строительными бригадами. Лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг. сельские жители при самостоятельном строительстве стали ориентироваться на «коттеджные модели» планирования пространства.

В ходе изучения региональных и локальных особенностей культурных и языковых процессов в Костромском крае (работа проходила в Кологривском и Мантуровском районах) особое внимание уделялось не только выделению маркеров локальных традиций, но и описанию трансформационных процессов в культуре. Собранные материалы охватывают период с 1930-х гг. по настоящее время, что позволяет рассматривать культурные процессы в динамике и выявлять механизмы трансформации традиции. По наблюдению И.С.Кызласовой, значимым фактором в этом процессе становится деятельность администрации. В частности, в последнее время административные органы стали уделять больше внимания организации местных праздников, что связано с развитием туристического бизнеса и брендингом территорий.

Праздник — вполне традиционное явление, которое в силу своего ритуального характера воспроизводит значимые для сообщества культурные символы, образы и в то же время представляет собой живую и динамичную форму, довольно оперативно отражающую актуальные изменения. Данное обстоятельство объясняет особое внимание исследователей к этому феномену. Объектом изучения М.В.Васехи стало празднование дня Ивана Купалы в Новосибирске. Было установлено, что современный городской праздник, наследующий сельской традиции, заметно от неё отличается как по структуре, так и по функциям. Из всех традиционных элементов в наибольшей мере сохранилась лишь практика обливания; поиск папоротника, сбор лекарственных трав, прыгание через костры в городской среде не практикуются — лишь в сельских районах и на окраинах Новосибирска воспроизводится ритуальное хулиганское поведение молодёжи в обрядах «Расташихи» или «Ночи творила». Трансформировавшаяся в городских условиях традиция в последние десятилетия приобрела черты стихийной обрядности и несколько

девиантный оттенок. Внимание к празднику со стороны властей и оживлённая общественная дискуссия о его запрете или, наоборот, коммерциализации в туристических целях могут повлиять на дальнейшие трансформации данной традиции.

Другим кейсом, показательным с точки зрения изучения современной праздничной культуры, может служить День военно-морского флота России. Наблюдение празднования этого дня в двух разных городах — Архангельске и Переславле-Залесском — показало, что при некоторых общих моментах в структуре и семантике праздника есть существенные различия.

В обоих случаях особое внимание к дню ВМФ не случайно: Архангельск — город-порт, для которого морская тематика исторически имеет особое значение, а Переславль также традиционно позиционируется как «колыбель русского флота»,

поскольку именно на Плещеевом озере Пётр I основал первую военно-морскую флотилию, и с начала XIX в. здесь существует музей-усадьба «Ботик», пользующийся популярностью у переславцев и являющийся одним из символов города. Именно он становится центром праздника. Здесь идёт торговля сувенирами с флотской тематикой (в том числе закрепляющими связь Переславля с флотом, например, фуражками с надписью «Переславль-Залесский» на тулове). Среди участников-переславцев выделяются группы бывших военных моряков в бескозырках и тельняшках. Программа праздника включает выступление ветеранов ВМФ, концерт профессиональных и самодеятельных коллективов и артистов в исторических костюмах на основной эстраде (в оформлении которой активно используется морская символика) и в камерных залах мемориального комплекса (фото 2).

Фото 2. Исторические персонажи на праздничной сцене усадьбы «Ботик» в День ВМФ. Переславль-Залесский. 2015 г.

Фото С. С. Савоскула

Программа архангельского праздника также насыщена разнообразными концертами и музыкальными шоу на городских площадках, однако они чаще всего происходят вечером, тогда как официальные торжественные мероприятия, проходящие днём, носят несколько иной характер и представляют собой своеобразный симбиоз из возрождаемых православных и советских праздничных традиций: скажем, параду курсантов Архангельского мореходного училища предшествуют молебен и крестный ход. Кроме того, здесь праздник носит более милитаризованный характер, чем в Переславле. В этот день в порт прибывают военные корабли, и зрители имеют возможность подняться на их палубы.

В 2015 г., когда День ВМФ совпал с 80-летием Краснознамённого Северного флота и отмечался в Архангельске особенно широко, зрителям было представлено театрализованное представление «У истоков морских побед» с участием морского десанта. С корабля «Георгий Победоносец» на берег высадились БТР с морскими пехотинцами, демонстрировавшими публике показательный рукопашный бой. Характерно, что в Переславле также имеют место театрализованные выступления, однако они чаще посвящены историческим сюжетам — от Средневековья до Великой Отечественной войны.

По наблюдению А.В. Фроловой, в праздновании Дня ВМФ, как и в других современных праздниках Архангельского Севера, сильны процессы этнокультурной консолидации, которые способствуют формированию общерусских праздничных символов. Для переславцев же, судя по материалам и заключениям С.С. Савоскула, этот праздник носит скорее локальный, чем общенациональный характер и представляет не столько морскую славу России, сколько значимость Переславля как особого места. Впрочем, значимость эта заключается именно в его причастности к ключевым персонажам

и событиям российской истории: Петру I и созданию морского флота.

Важно отметить, что такая интерпретация местного исторического материала является довольно типичной. Как показывают исследования автора статьи, в городах разных регионов (Кострома, Калуга, Мещовск, Белозёрск, Чердынь, Йошкар-Ола и др.) при отборе исторических сюжетов и персонажей для локального «пантеона» парадоксальным образом акцентируется не столько собственно местное прошлое, сколько географическая или историческая связь данного места с культурными центрами (главным образом, Москвой), с «большой» историей. Важную роль в разработке исторической тематики играет уже упоминавшийся туризм. В настоящий момент эти факторы влияют и на развитие символического пространства города, и на формирование локальной идентичности, и на конструирование локальной мифологии.

Вопреки распространённому убеждению, туризм не использует уже существующую мифологию, а конструирует её для своих нужд, будучи неременным условием для её возникновения, а в дальнейшем — благодатной почвой для развития. Диапазон конструирования колеблется от незначительного дополнения реально существующих (чаще — существовавших) преданий или практик до изобретения абсолютно нового сюжета. Реанимация традиции может быть представлена как возрождение, но фактически является лишь стилизацией, в лучшем случае соответствующей оригиналу лишь по форме, и то — частично. Потребителями же этой новой традиции являются не только приезжие туристы, но и местные жители, которые по разным причинам активно воспроизводят новую практику, способствуя её распространению и утверждению именно в качестве *подлинной местной* традиции (фото 3).

Даже краткий обзор проведённых исследований показывает, что в сфере тра-

Фото П.С. Куприянова

Фото 3. Туристы у нового ритуального объекта — камня и копья богатыря Полюда.
Чердынь. 2015 г.

диционной культуры в настоящий момент происходят разнонаправленные и разные по масштабу трансформационные процессы: меняются конфигурация и структура традиционных комплексов, старые формы разрушаются, а если сохраняются, то при более или менее радикальной смене значений и функций. Наконец, в новых условиях появляются новые фор-

мы, часто носящие характер очевидных конструкторов, но «маскирующиеся» под «подлинную» традицию. Исходя из наших наблюдений, можно предположить, что реальные перспективы как «исчезающих» традиций, так и «искусственных» новаций в конечном счёте зависят от того, насколько они будут соответствовать актуальным запросам их пользователей.

**В.С. БАТЧЕНКО, С.С. ГОРЛАНОВ,
А.С. КЛЕМШОВ, В.Л. ЛЫСАНОВ***

Исследования на хоре античной Горгииппии

Античный центр Горгииппия сыграл заметную роль в истории Боспорского государства и Северного Причерноморья в целом. Основой его экономического и политического могущества были удобное географическое положение (пересечение водных и сухопутных транспортных магистралей) и природные ресурсы, прежде всего плодородные земли Синдики. Градообразующим фактором этого античного центра в классическое и эллинистическое время была посредническая торговля хлебом, лесом и рабами.

По-видимому, это обстоятельство было использовано при основании античного центра Синдская Гавань — Горгииппия, возле которой довольно быстро сформировалась сельскохозяйственная периферия — хора. Она, по мнению Е.М. Алексеевой, охватывала 25-километровую зону [1].

Границы плодородных земель античной Синдики (ныне Анапская равнина) можно очертить по ареалу наиболее плодородных почв региона: от самых западных отрогов Главного

Кавказского хребта на юге до старицы (старого русла) реки Кубани на севере. Равнину прорезает дельта реки Анапки. Анапские плавни появились сравнительно недавно, они образовались в результате заиливания конусом выноса горных рек (Куматьрь, Анапка) существовавшего здесь ранее морского залива. По наблюдениям путешественников, преимуществами залива пользовались до конца XVII в. К началу XIX в. этот район становится лиманом, ныне заболоченная территория составляет около 1200 га.

Река имеет очень разветвлённую систему, образованную притоками — долинами рек Котлама и Маскага. Территория её водосбора — Анапская долина — простирается на восток. Таким образом, владения античной Горгииппии раскинулись как в широтном, так и в меридиональном направлении.

Ввиду крайней скудости письменных источников об Анапской долине её история может быть написана прежде всего по археологическим данным, благодаря комплексным исследованиям бытовых и погребальных памятников.

* **Батченко Виктория Сергеевна** — младший научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Хора Горгииппии по данным археологии: система расселения, инфраструктура, ресурсы» (16-01-18118е).

E-mail: vik-batchenko@yandex.ru

Горланов Сергей Сергеевич — младший научный сотрудник Института общественной мысли, исполнитель того же проекта.

E-mail: gsstraur@mail.ru

Клемшов Алексей Станиславович — доцент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: klemeshovas@mail.ru

Лысанов Виктор Леонидович — студент исторического факультета Псковского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: viktor.lysanov@yandex.ru

Весомый вклад в пополнение источниковой базы внесли комплексные систематические исследования Новороссийской археологической экспедиции Института археологии (ИА) РАН, которые ведутся в Анапской долине при финансовой поддержке РГНФ.

Появление греков-боспорян способствовало распространению в регионе нового — античного — хозяйственного уклада. В IV в. до н.э. здесь возникли многочисленные античные усадьбы с бытовыми постройками пастадного и перистильного типа, сооружённые из сырцового (необожжённого) кирпича на каменных фундаментах. Об установлении тесных экономических и политических связей как внутри региона, так и с европейским Боспором говорят данные о развитии коммуникаций на территории Анапской долины. Системообразующим элементом здесь выступила трасса, которая существовала задолго до античной эпохи, проходя по левому берегу Масаги через всю Анапскую долину. Вдоль неё в широтном направлении группируется цепочка античных поселений. Из конно-пешеходной в тот период она превращается в колесную. Значительным подспорьем для организации сообщения и транспортировки грузов явилась речная система региона, по которой, в частности на Раевское городище, доставлялась черепица для перекрытия и осуществлялся сплав строевого леса в Анапскую бухту.

Особое значение имеют исследования сооружений двух городищ — Верхнегостагаевского и Раевского, последнее из которых было важным военно-политическим центром региона. Крепости расположены на мысообразных выступах, цитадели имели внешний оборонительный контур с проездными сооружениями.

Благодаря сохранности элементов фортификационной системы раннеримского времени на Раевском городище, расположенном на высоком берегу р. Масага возле ст. Раевская, она имеет первостепенное значение для изучения военного дела

Северного Причерноморья. Ключевую роль в обороне крепости общей площадью почти 9 га играли башни прямоугольной в плане формы, соединённые высокой сырцовой стеной на каменном основании, ширина которой достигает 1,5 м.

Экспедиция ИА РАН на протяжении ряда лет изучает один из важных элементов оборонительной системы этого античного центра, сооружённый на мысообразной площадке в северо-восточной части Раевского городища, на высоком берегу реки Масаги — монументальное многоуровневое здание, своего рода цитатель. Работы ведутся на неисследованных, судя по материалам В.И. Сизова [2], участках цитадели, общая площадь которой составляет не менее 700 кв. м. Сооружение было изолировано от остальной части городища каменной стеной, кладка которой частично оказалась просевшей в хозяйственные ямы более раннего строительного горизонта. В ходе исследований были выявлены и расчищены остатки фундамента дозорной башни (два угла внешнего контура, дверной проём со ступенями лестницы) размером 4,5 × 6 м. Прослежена траншея выборки внешней стены городища на длину 17 м и ширину около одного метра, усиленной в месте соединения с башенным сооружением внешним контрфорсом (фото 1).

Внешний оборонительный рубеж Раевского городища — валообразная земляная насыпь по его границе, которая очерчивает неправильный четырёхугольник, вытянутый с севера на юг. На насыпи, высота которой местами достигала 5 м, в раннеримское время возвышались оборонительные стены, усиленные девятью оборонительными башнями. Все сооружения были возведены в одних строительных традициях: стены и башни имели каменный цоколь высотой 1,2–1,5 м и шириной до 2 м, на котором были надстроены сырцовые кладки.

Наиболее интенсивные работы в последние годы ведутся на двух башенных

Фото 1. Цитадель Раевского городища. Основание дозорной башни и развал внешней оборонительной стены

сооружениях, расположенных в южной и восточной части оборонительной системы крепости. При исследовании остатков Южной башни раскопками выявлена кладка стены и ЮЗ угол каменного основания прямоугольной постройки высотой 1–1,5 м. Судя по сползшим вниз каменным блокам, высота стены была значительно большей. Наличие курганообразной насыпи из расплывшегося сырца с прослойками мелкой щебенки над руинами сооружения, а также наличие внутри постройки двух, различающихся по уровням на 2,3 м, горизонтов (верхний – вымостка из ребристых плит, нижний – горизонт пожара) свидетельствуют о сырцово-каменной многоуровневой конструкции башни. Предварительная датировка – позднеэллинистическое время.

В самой высокой точке Раевского городища, на Восточной башне, прослежены остатки трёх сохранившихся стен сооружения на высоту до двух метров, которые образуют два угла: юго-восточный и юго-западный (северная часть оказалась

полностью уничтоженной) (фото 2). Стены башенного сооружения были впущены в материковый суглинок до материковой скалы на метровую глубину. Расчищенный у южной стороны башни завал из крупных блоков, вероятно, был устроен для укрепления склона от деформации.

Внутри помещения башни выявлены два горизонта использования сооружения: в нижнем зафиксированы две кольцевые каменные кладки, возле которых прослежен горизонт обожжённой глины со скоплениями ошлакованной породы. Камни кладки имеют естественную расцветку, что не позволяет интерпретировать их как печи. Аналогичные объекты известны в башеннообразном сооружении в здании на поселении Джемете-1 [3]. Выше выявлен слой с обожжёнными плахами и раздавленными сосудами, по-видимому, связанный с рухнувшим верхним уровнем сооружения. Полученные в ходе раскопок материалы, в том числе и нумизматический материал, позволяют датировать сооружение эпохой позднего

эллинизма – раннеримским временем (II–I вв. до н.э.).

С южной стороны башенного сооружения обнаружены остатки оборонительной стены. Небольшое, высотой менее метра, основание было сложено из крупных каменных блоков без внутренней забутовки впереплёт с кладкой башенного сооружения. Кладка верхней части стены, видимо, была комбинированной, сооружена из рядов каменных и сырцовых блоков. Прослеженный участок оборонительной стены с внутренней, западной, стороны был усилен каменными кладками двух контрфорсов.

Полученные при изучении укреплений Раевского городища данные свидетельствуют о высоком уровне фортификационного искусства строителей крепости и о значимости данного центра для освоения восточной окраины Боспорского государства.

Другой значительный памятник, исследуемый Новороссийской экспедицией, хронологически отличается от Раев-

ского городища. В верховьях р. Гостагайка, на границе земель Новороссийска и Анапы, в 2013 г. было открыто городище, получившее соответствующее название «Верхнегостагаевское». Возведение и бытование памятника синхронно ранней хронологической группе могильника в верховьях реки Дюрсо – IV–VI вв. н.э. [4].

На верхней площадке городища – цитадели – усилиями Новороссийской экспедиции ИА РАН с 2014 г. ведётся исследование обнаруженных при осмотре городища руин большого здания. О своеобразии назначения этого монументального сооружения свидетельствуют его размеры – 10 × 20 м, черепичное перекрытие кровли и наличие расположенных попарно шести дверных проёмов двухметровой ширины. Выявлены три стены шириной не менее 1,3 м и высотой до 0,5 м, сложенные из блоков отёсанного ракушечника, реже – известняка или песчаника. Разнообразная форма использованных для кладки блоков, в том числе весьма массивных, свидетельствует

Фото 2. Руины сырцово-каменных конструкций Восточной башни Раевского городища

об их вторичном использовании. Здание погибло в пожаре — внутренние фасы кладок стен на ряде участков испытали значительное термическое воздействие. В горизонте разрушения здания встречаются крупные фрагменты обгоревших деревянных плах перекрытия.

В северо-восточной части внешнего оборонительного кольца Верхнегостагаевского городища исследовался комплекс проездных ворот. Были оконтурены основные составляющие конструкции проездных ворот, шириной проёма около 3 м. На внутренних фасах проёма метровой высоты прослежены отчётливые следы сильного пожара. Они имеют сильный крен вовнутрь, пространство проезда заполнено строительным камнем обвалившихся кладок. Предположительная датировка памятника: поздняя античность — раннее средневековье. Масштаб фортификационных работ, в ходе которых были сооружены два контура обороны крепости, позволяет судить о её значении.

Динамика расширения горгиппийской хоры изучается на материалах комплексов бытовых памятников. В частности, экспедиция провела исследования «куста» поселений у северо-восточного подножия возвышенности, вытянутой с северо-запада на юго-восток на 10 км, в центральной части Анапской долины, в междуречье рек Маскага и Котлама Черноморского бассейна, получившего название «гора Маскага» (земли г. Новороссийска Краснодарского края). Эту возвышенность прорезает широкая балка, обращённая к долине р. Котлама.

Е.М.Алексеева, исследовавшая Горгиппию в последние десятилетия XX в., отметила наличие десятка «пятен», расположенных в шахматном порядке на пространстве между автодорогами в станицу Раевская и на станцию Тоннельная. В настоящее время природный ландшафт

Фото 3. «Сервиз» мисок в слое поселения Помидоры

подвергся серьёзному изменению: поверхность поселения сильно распахана, в меридиональном направлении её прорезают лесополосы. На аэрофотоматериалах 1940-х гг. на северо-западном обрывистом склоне балки выявлена цепочка курганных насыпей, на противоположном пологом склоне отчётливо читается только одна крупная насыпь, обозначенная и на картах Генштаба.

Благодаря многолетним исследованиям, которые были начаты ещё Н.А.Онайко в 1965 г., здесь выявлена целая сеть поселений, расположенных по обе стороны балки. В частности, на её северо-западном склоне исследованы остатки поселений, бытующих с эпохи раннего железа до позднеантичного времени (Натухаевское 1, 3, 6).

В нижней части юго-восточного склона, на поле, используемом для выращивания овощных культур, было выявлено четыре «пятна» сосредоточения античной керамики (поселения Помидоры 1–4). «Куст» поселений Помидоры был подвергнут комплексным исследованиям: собран подъёмный материал, в местах, где отмечено значительное скопление керамики, проведена шурфовка.

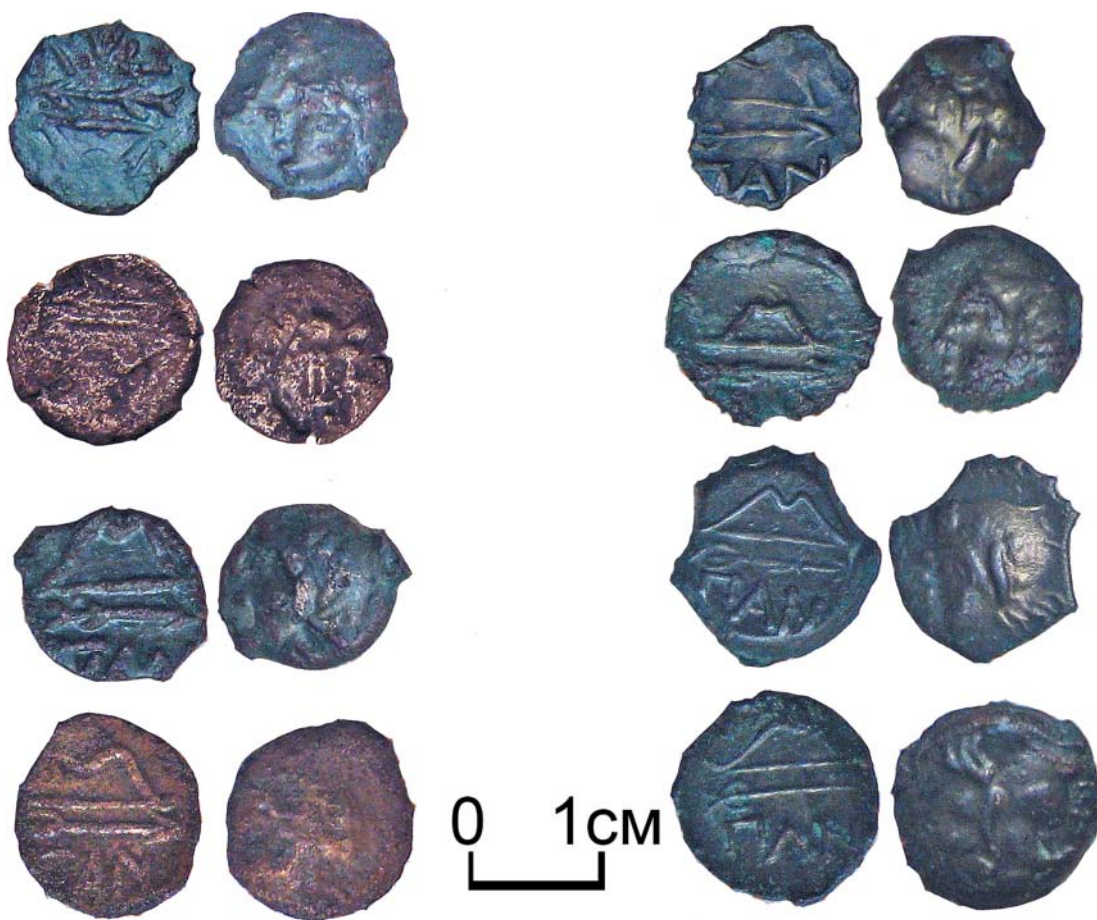

Фото 4. Бронзовые боспорские монеты в слое поселения Помидоры

Особый интерес вызвала курганообразная возвышенность размерами 58 × 50 м и высотой до 1,5 м. Шурф был заложен в центральной части возвышенности и исследован на глубину 1,5 м. В связи с насыщенностью интересными находками (комплекс эллинистической посуды — установленные вертикально тарелки (4 экз.) и рыбные блюда (8 экз.) с лакообразным покрытием (фото 3), а также восемь бронзовых боспорских монет второй половины III в. до н.э. (фото 4) и керамическое грузило для ткацкого станка) он был расширен вдвое — до 8 кв. м.

Несмотря на насыщенность раскопа артефактами (амфорный материал, столовая керамика, монеты), визуально отмечается его однородность на полтораметровую глубину. Содержание соединений фосфора в слое позволяет

охарактеризовать заполнение как типичную минеральную массу без признаков почвообразования — продукт разрушения комплекса сырцовых построек боспорского поселения эллинистического времени. Об отсутствии сооружений из камня свидетельствуют результаты магниторазведки. Изучение данного памятника подтверждает предположения о высокой интенсивности хозяйственного освоения Анапской долины в период эллинизма.

Благодаря существенному расширению ареала изученных погребальных памятников аборигенного керкетоторетского населения предгорий (VI–V вв. до н.э.) и склепов античного типа (конца V–II в. до н.э.) получены новые данные об этнополитической ситуации в регионе (распространение, особенности погребального обряда и погребальных со-

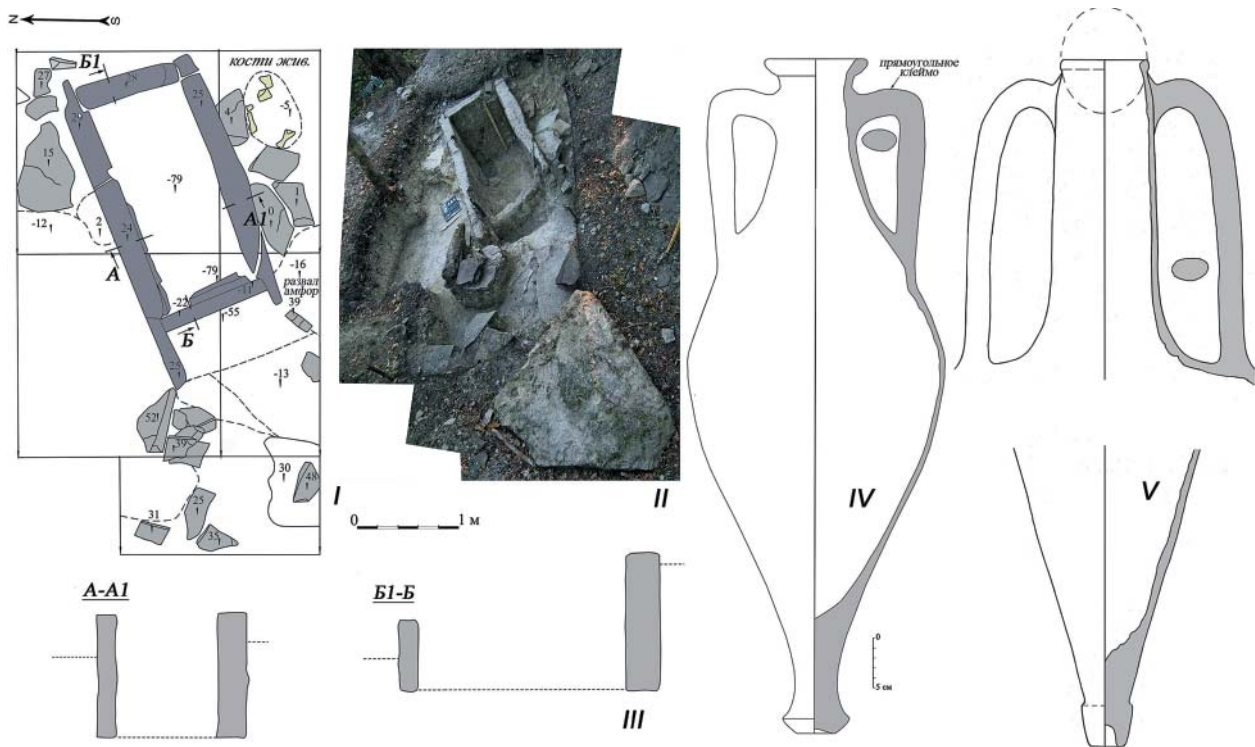

Фото 5. Склеп из плит ракушечника на могильнике Родники

оружий). Особенно отметим результаты исследований некрополя Родники, расположенного на перевале к северу от ст. Натухаевская, где были раскопаны остатки четырёх монументальных погребальных сооружений, предназначенных для многократных захоронений. Для этого

с запада в каждом из них был предусмотрен вход со ступенькой-порогом. Судя по всему, они сооружались на дневной поверхности, возможно, на естественных возвышениях (следы насыпи не прослежены). Каждый из них сложен в разной технике: второй — из относительно не-

Фото 6. Захоронение воина-всадника с мечом метровой длины на некрополе Раевского городища

больших грубо обработанных плит песчаника, третий — из плит разного размера. Одна из них вполне могла быть изначально использована в дольменном сооружении. Особый интерес представляет изготовленный из ракушечника, по-видимому, античными мастерами где-то на побережье, привезённый и собранный в предгорьях склеп погребения 6 (начала IV в. до н.э.). Незначительные остатки погребального инвентаря (амфоры, столовая посуда, украшения) позволяют датировать некрополь IV–II вв. до н.э. (фото 5).

Поблизости от монументального комплекса (№ 2) обнаружена небольшая грунтовая могила, в которой было совершено коллективное, возможно ритуальное, захоронение: не менее четырёх костяков без какого-либо инвентаря уложены друг на друга, на дне ямы — самый крупный (мужской?). Поблизости от захоронений античной эпохи выявлены и начаты исследования остатков аборигенного могильника VI–V вв. до н.э.

Не менее важны результаты раскопок некрополя римского времени западнее Раевского городища, предоставившие новые данные о населении этого центра и прилегающей к нему территории. К сожалению, значительная площадь памятника была уничтожена устроенным без согла-

сований карьером. Выявлены остатки погребальных комплексов в грунтовых ямах (ориентировка в юго-восточном, южном и западном секторах): человеческие захоронения, захоронение лошадей и захоронение всадника с лошадей. Два захоронения были совершены в нестандартной позе (на животе с полусогнутыми верхними и нижними конечностями) (фото 6).

Одним из промежуточных итогов исследований памятников, расположенных на территории хоры античной Горгиипии, является уточнение датировки как хорошо известных, имеющих уже более чем вековую историю изучения, античных центров (Раевское городище), так и недавно открытых памятников (Верхнегостагаевское городище, некрополь Родники и др.). Получены новые данные о расположении и устройстве системы оборонительных сооружений на восточной периферии азиатских владений Боспорского государства, связанных с древними транспортными артериями, как сухопутными, так и речными. Наконец, сведения о хозяйственном укладе, военном деле, этническом составе и антропологическом облике населения античной Синдикии позволяют расширить представления об истории этого региона в античный и раннесредневековый периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.М. Античный город Горгиипия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 151.
2. Сизов В.И. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии. Материалы по археологии Кавказа. 1889. II. Табл. XIII.
3. Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиипии // Горгиипия (Материалы Анапской археологической экспедиции). 1980. II. Рис. 6.
4. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо — эталонный памятник древностей V–IX вв. // Раннесредневековые древности побережья IV–IX веков. Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 2003. Табл. 81.

**Е.В. АКИМОВА, В.М. ХАРЕВИЧ,
И.В. СТАСЮК, А.А. ВАШКОВ***

Археологическое изучение памятников рубежа плейстоцена–голоцена в зоне береговой абразии северной части Красноярского водохранилища

В 2016 г. отряд ИАЭТ СО РАН и КГПУ им. В.П. Астафьева в северной части Красноярского водохранилища (Средний Енисей) провёл археологические исследования стоянок Бюза II и Черёмушки II. На стоянке Черёмушки II собрана представительная коллекция подъёмного материала и впервые обнаружен культурный слой, стратиграфическое положение которого подтверждает финально-сартанский возраст памятника. При раскопках стоянки Бюза II получено более 2,5 тысяч артефактов, включая показательные серии нуклеусов и орудий (скребков, резцов). В культурном слое выявлены искусственные выкладки из обломков порфира. На сегодняшний день стоянка Бюза II является наиболее значимым стратифицированным объектом раннеголоценового возраста на Красноярском водохранилище.

Оба памятника демонстрируют развитие позднепалеолитической кокоревской культуры на этапах финального плейстоцена и начала раннего голоцена. Впервые получены основания связывать истоки енисейского эппалеолита (мезолита) с пластинчатой традицией позднего палеолита.

Современная археология крупных сибирских водохранилищ, стремясь на всё более тающей источниковой базе решать собственные научные задачи, неизбежно обречена оставаться археологией спасательной.

Пик в истории изучения позднего палеолита Среднего Енисея пришёлся на десятилетия, когда строилась Красноярская ГЭС и формировалось ложе водохранилища. Самые значительные материалы раскопок палеолитических памятников были получены в условиях «уходящей природы», буквально на гла-

* **Акимова Елена Васильевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета (КГПУ) им. В.П. Астафьева, руководитель проекта «Археологическое изучение памятников рубежа плейстоцена–голоцена в зоне береговой абразии северной части Красноярского водохранилища» (16-11-24601e(p)).
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Харевич Владимир Михайлович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: mihalich84@mail.ru

Стасюк Иван Владимирович — директор ИМРЦ исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, исполнитель того же проекта.
E-mail: jester@kspu.ru

Вашков Андрей Александрович — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник филиала «Институт геологии» государственного предприятия «НПЦ по геологии» (Республика Беларусь).
E-mail: avashkov@mail.ru

зах меняющегося ландшафта. Пятьдесят лет функционирования Красноярского водохранилища изменили долину Енисея до неузнаваемости: ушли под воду стоянки каменного века и палеометалла на низких террасах, обнажились многометровые толщи лёссов, содержащие культурные горизонты разрушающихся памятников палеолита (фото 1). Вдоль берегов водохранилища скапливаются развалы костей плейстоценовых животных и археологический материал, потерявший своё изначальное положение, будучи вырванным из исторического контекста.

Обнажая и делая доступными для археологов культурные слои стоянок, залегавшие на большой глубине, водохранилище вместе с тем превращает многие тысячи артефактов в подъёмный материал, что резко снижает их информативность для науки (фото 2).

Благодаря трудам ленинградских (санкт-петербургских) археологов второй половины XX в. — З.А.Абрамовой, Н.Ф.Лисицына, С.Н.Астахова, С.А.Васильева —

сложилось устойчивое представление о позднем палеолите Среднего Енисея [3]. На протяжении 5–6 тысячелетий — с 16–15 тыс. л.н. до конца плейстоцена — здесь параллельно развивались две археологические культуры — афонтовская (Афонтова гора II, Кокорево II и др.) и кокоревская (Кокорево I и др.), различающиеся по свойствам основной заготовки каменных изделий, формам каменных и костяных орудий, главным объектам охоты и особенностям поселений [1, 2, 4]. Им предшествовали так называемые культуры мелких пластин (Афанасьева Гора, Тарачиха и др.) с датами около 20–16 тыс. л.н. и «культуры крупных пластин» (Сабаниха и др.) — около 30–22 тыс. л.н. [9].

Работы красноярских археологов конца XX — начала XXI в. позволили увидеть, что картина енисейского позднего палеолита значительно более сложная и можно говорить о многовариантности путей его развития: в частности, к концу последнего оледенения в Сибири, обозначенного сартанским похолоданием, пришли много-

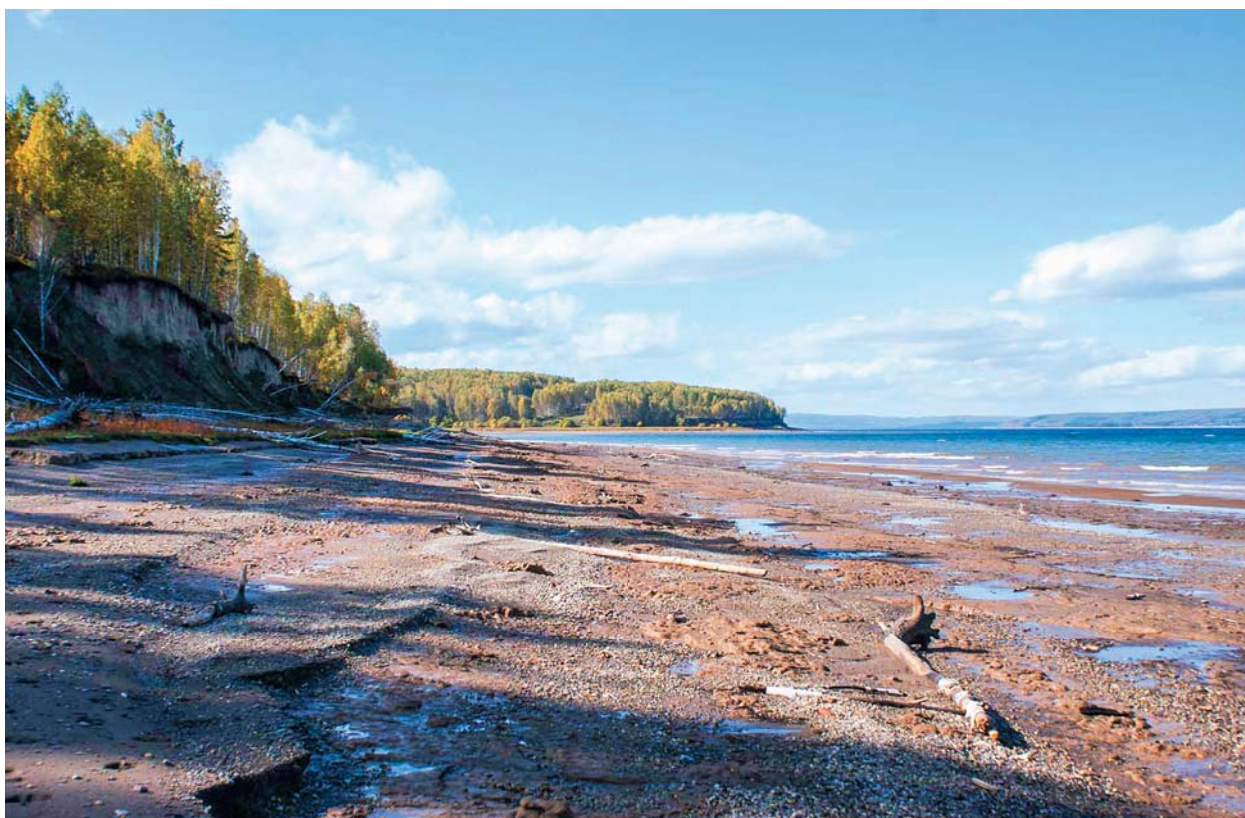

Фото 1. Берег Красноярского водохранилища в зоне Чулымо-Енисейской котловины

Фото 2. Разрушающийся памятник археологии с подъёмным материалом, спроецированным на береговую отмель

численные группы охотников, использовавшие различные технологические особенности обработки камня и кости [4]. Однако нет ответа на вопрос, как именно шёл процесс адаптации палеолитических охотников к условиям раннего голоцена. Завершение ледникового периода с мамонтовой фауной и открытыми лесостепными просторами, как и начало эпохи голоцена с современными ландшафтами и фауной, должны были найти отражение как в археологическом материале, так и в облике поселений.

В современной археологии период, хронологически связанный с началом голоцена и отражающий процесс адаптации человека к изменившимся природным условиям, принято называть мезолитом. Однако «классический» мезолит в континентальном климате Евразии предполагает развитие микролитической техники обработки камня. Для территорий, где климатические изменения не были выражены так остро, употребляется термин

«эпипалеолит». Именно такая ситуация была в Сибири, где стоянки, стратиграфически залегающие в финальноплейстоценовых и раннеголоценовых отложениях, обладали явными чертами позднего палеолита (Верхоленская гора, Бирюсинская стоянка). Признание сибирского мезолита произошло в 1950–1970-е гг. благодаря работам иркутских археологов (Г.И. Медведев, М.П. Аксёнов) на основе памятников верхней Ангары (Усть-Белая), содержащих ярко выраженную микропластинчатую индустрию [13, 14].

На Красноярском водохранилище Н.Ф. Лисицын выделил две группы памятников переходного времени: ранняя (архаичная) (средний слой Бирюсы, Большая Ирджа, Улазы) и поздняя (микролитическая) (Куртак II, Беллык, Ярки, Бузунова и др.). По мнению исследователя, это разные направления развития позднепалеолитических культур Енисея: афонтовской и кокоревской [8]. Позже он выдвинул гипотезу о том, что отщеповые индустрии Енисея вытесняют пластинчатые и становятся доминирующими на стадии раннего голоцена [9, 10].

Прочно утвердилось представление об исключительно «афонтовских» корнях енисейского мезолита, предполагающих индустрию, основанную на отщеповой заготовке с определённым набором каменного инвентаря и его постепенной микролитизацией. Эта позиция аргументировалась материалами мезолитических слоёв памятников окрестностей Красноярска (Большая Слизнева, Караульный Бык) и легендарной Бирюсинской стоянкой, материалы которой полностью так и не были опубликованы [11, 12]. Таким образом, решению проблемы переходных археологических культур стало препятствовать отсутствие полноценных археологических объектов с чёткой стратиграфической позицией, количественно представительным и информативным инвентарём.

В последние годы в северной части Красноярского водохранилища нами открыты памятники, стратиграфически за-

нимающие рубежное положение финала сартанского похолодания (Троицкая, Черёмушки II) — начала голоцена (Бюза II) [6]. Это позволило приступить к накоплению материала для разработки темы развития археологических культур позднего палеолита в условиях новой геологической эпохи.

Разведочные раскопки стоянки Черёмушки II

Залив Черёмушки расположен по правому берегу Красноярского водохранилища в зоне примыкания равнинной подтаёжной зоны Чулымо-Енисейской котловины к отрогам Восточного Саяна. Многометровые толщи рыхлых отложений, простирающиеся по обоим берегам, широкие открытые пространства привели к тому, что волноприбойная деятельность водохранилища не встречала препятствий. В результате в этом районе прослеживается наибольшее разрушение берегов, образование линии высоких абразионных уступов.

До затопления Енисей в районе устья р. Черёмушки делал крутую излучину к северу, образуя по правому берегу широкую долину с низкими террасами, расчленёнными логами с постоянными или временными водотоками. Сегодня водохранилище уничтожило все уровни террас, за исключением наиболее древних.

В 1987 г. в приустьевой части левого берега залива Н.Ф.Лисицын открыл позднепалеолитическое местонахождение, получившее название Черёмушки. В береговом уступе он обнаружил культурный слой в виде угольков и расколотых костей, залегающий в светло-серой пылевидной супеси на глубине менее 1 м от дневной поверхности. Подъёмная коллекция насчитывала более 700 предметов с абсолютным преобладанием мелких отщепов. В небольшом количестве были найдены крупные одноплощадочные нуклеусы, торцовые нуклеусы и типичные клиновидные микронуклеусы. Среди орудий Н.Ф.Лисицын выделял концевые скребки на отщепках и рез-

цы [9]. После 1990 г. памятник не посещался, и предполагалось, что он полностью уничтожен водохранилищем.

В 2014 г. мы открыли небольшую группу памятников в приустьевой части и выше залива Черёмушки [6]. Местонахождение Черёмушки II по своему расположению соответствовало памятнику Н.Ф.Лисицына. Археологический материал был обнаружен в промоинах коричневого суглинка ниже кромки вторичного берегового уступа, а также в проплешинах и размывах на его поверхности. Всего собрано около 300 каменных изделий.

Основной целью работ 2016 г. было выявление участков с ненарушенным культурным слоем, получение *in situ* артефактов и образцов для датирования.

В береговом уступе была выполнена врезка глубиной 3,6 м, вскрывающая пачку супесей — от серой палевой до бурой. Археологический материал непосредственно в разрезе не обнаружен.

На береговой отмели было выполнено три шурфа, в одном из которых, заложенном с уровня средней абразионной ступени, был выявлен культурный слой (фото 3). Стратиграфический разрез демонстрирует непо тревоженное залегание геологических слоёв, начиная с гумусового горизонта современного почвенного комплекса. Нижележащая супесь — буроватая светлая с неравномерной окраской — соотносится с нижней частью слоя 4 в разрезе берегового обнажения. В нижней части слоя найдены косоретушный боковой резец на первичной пластине (рис. 1 — 1), 17 мелких отщепов и фрагментов микропластин, небольшие осколки трубчатых костей и пластинка из бивня мамонта очень плохой сохранности.

Подъёмный материал неравномерно распределён на береговой отмели на участке площадью около 1 тыс. кв. м. Общее количество артефактов составляет около 3,5 тыс. экземпляров с абсолютным преобладанием отщепов, сколов и коло-тых галек.

Фото 3. Раскопки палеолитической стоянки Черёмушки II

Группа нуклеусов, включая заготовки и обломки, насчитывает 50 экз. Преобладают клиновидные нуклеусы (рис. 1 – 3, 7, 9). Крупные нуклеусы для пластин единичны (рис. 1 – 14), но многочисленны заготовки в виде оббитых галек, в том числе и с элементами параллельного расщепления.

Коллекция орудий включает скребки (17 экз.) на отщепках и пластинах (рис. 1 – 2, 4, 8, 10, 13), крупные скрёбла (10 экз.) (рис. 1 – 6, 11, 12), небольшие долотовидные орудия на случайных заготовках (рис. 1 – 5), ножевидные орудия на крупных пластинах, резцевидные изделия. Многочисленна группа галечных орудий, включающая чопперы, отбойники, крупные колотые гальки со следами забитостей. На некоторых изделиях присутствуют остатки окатанной поверхности более ранних сколов (рис. 1 – 1, 14), возможно свидетельствующих о вторичном использовании более древних предметов.

Таким образом, позднепалеолитическая стоянка Черёмушки II, открытая почти 30 лет назад, сохранилась частично, благодаря расположению в заливе под прикрытием приустьевых мысов. Отнесение памятника к кокоревской культуре не вызывает сомнений, однако, в отличие от классических памятников (Кокорево I), описанных З.А.Абрамовой [1], на Черёмушках II нет остроконечников, многочисленны резцевидные орудия без определённой функциональной принадлежности и прослеживается большая «свобода» в оформлении клиновидных нуклеусов.

Подобная ситуация наблюдается и на стоянке Троицкая, где культурный слой также фиксирует собой финал сартанского времени. Сегодняшней задачей является полноценное типологическое и технологическое изучение коллекций, выявление черт заключительного этапа кокоревской культуры с перспективой дальнейшего выявления их в раннеголоценовых комплексах.

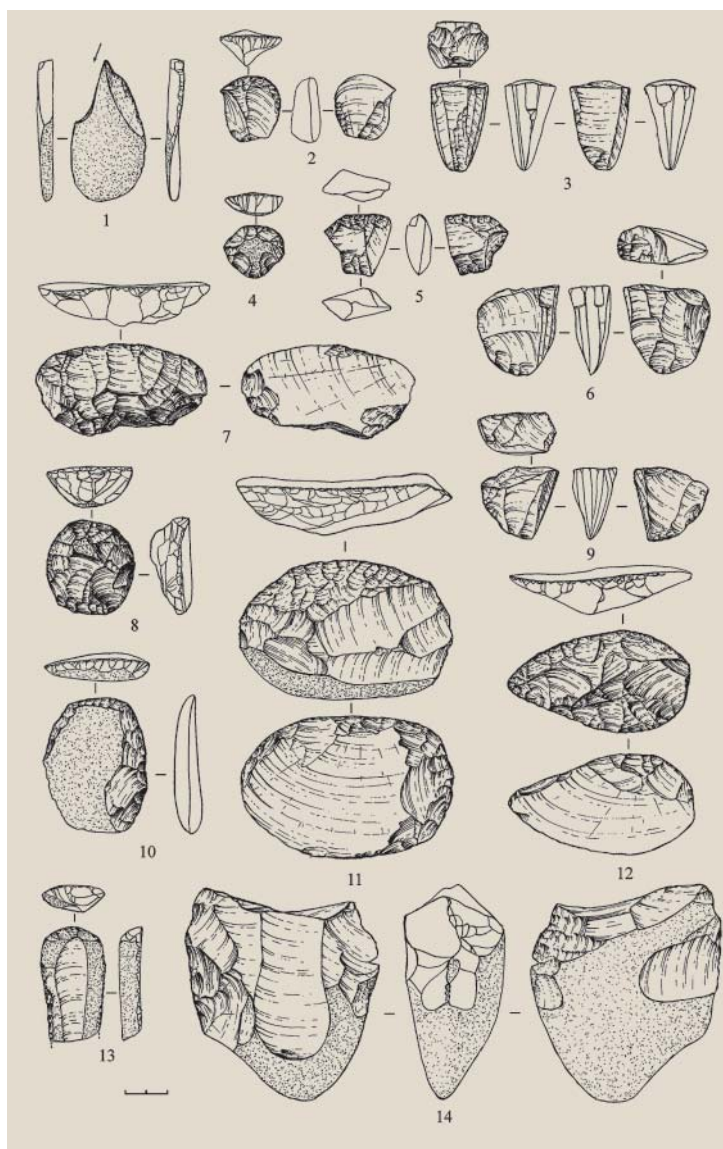

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Черёмушки II (1 — культурный слой, 2–14 — подъемные сборы): 1 — резец; 2, 7, 9, 10, 13 — скребки; 6, 11, 12 — скрёбла; 3–5, 14 — нуклеусы; 8 — долотовидное орудие

Раскопки стоянки Бюза II

Стоянка расположена в 50 км выше плотины Красноярской ГЭС по левому берегу залива Бюза, в 600 м выше его современного устья и, соответственно, около 1 км выше затопленного устья самой Бюзы. Здесь Енисей прорезает Красноярский кряж Восточного Саяна, образуя узкий, проработанный водохранилищем каньон (фото 4). В таких же скальных руслах зажаты и малые притоки Енисея (Бирюса, Бюза, Езагаш и др.).

Стоянка была открыта в 2014 г. во время разведки в северной зоне водохранилища (фото 5). В 2014–2015 гг. были проведены рекогносцировочные работы, позволившие определить границы памятника и выявить культурный слой в отложениях раннего голоцена [6]. Специфика подъёмных сборов (всего более 700 экз.) позволяла предполагать комплексный характер поселения с участком-мастерской по изготовлению и расщеплению нуклеусов [5].

В 2016 г. были проведены раскопки на площади 45 кв. м. В шурфе глубиной 2,9 м описан стратиграфический разрез, представляющий чередование серых, тёмно- и пёстроокрашенных супесей разной плотности.

Культурный слой располагается на поверхности пологого склола юго-западной экспозиции. Подошва слоя приурочена к плотной ярко-коричневой прослойке коры выветривания на глубине 60 см (верх 3 геологического слоя — пёстрых рыхлых супесей). Археологический материал залегал как в ней, так и выше — в серой плотной супеси со следами слабого плоскостного течения влажного грунта. О смещении материала в процессе накопления осадков свидетельствует залегание в верхней части склона (северная часть раскопа) большинства предметов на ребре или с сильным уклоном к юго-западу. Горизонтальное положение преобладает у предметов в нижней части склона. Наибольшая плотность находок отмечена в подошве культурного слоя, достигая нескольких десятков предметов на один квадратный метр, в то время как в кровле найдены немногочисленные мелкие отщепы. Отмечено компактное расположение снятий с одного нуклеуса, предметов из одного и того же сырья.

Фото 4. Водохранилище в зоне Красноярского края Восточного Саяна

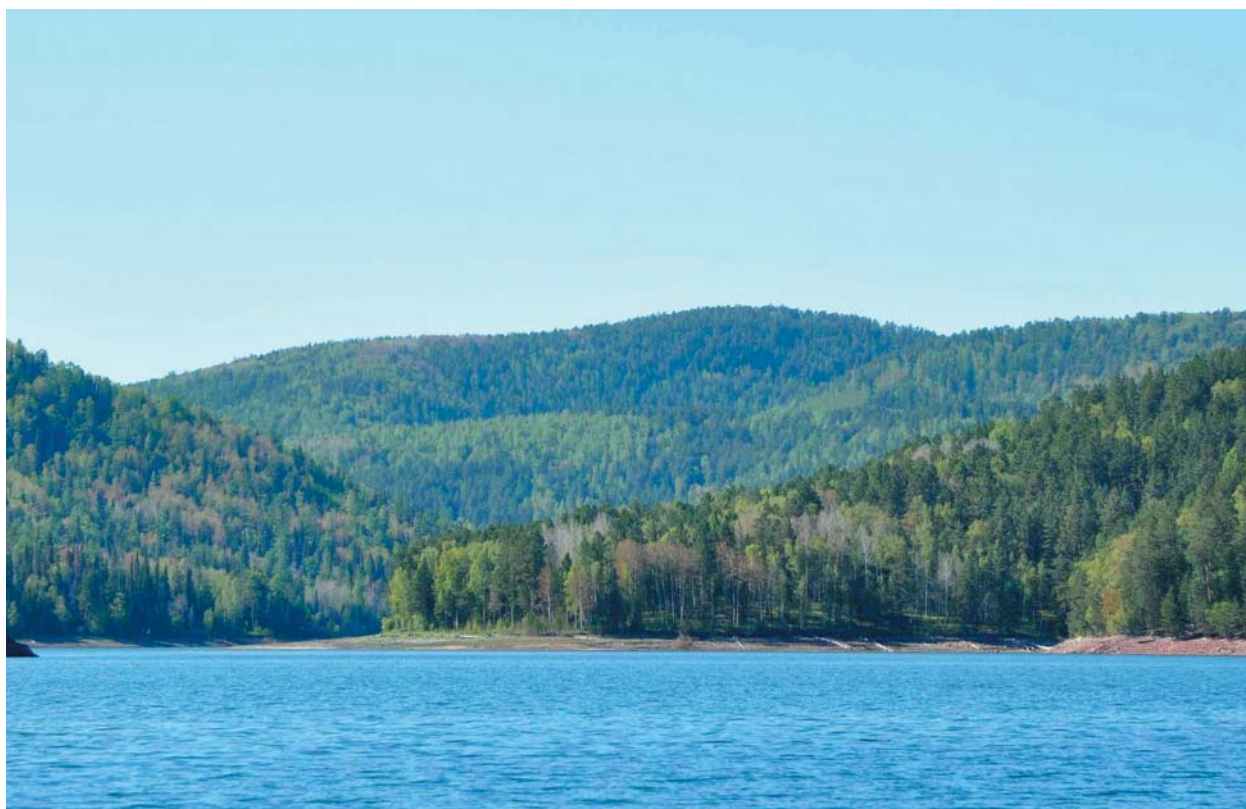

Фото 5. Общий вид на стоянку Бюза II

В западной части раскопа прослеживается цепочка разноразмерных обломков порфира розовато-серого цвета, установленных плашмя в соответствии с направлением уклона поверхности, или реже — углом с продавливанием грунта. Камни расположены непосредственно на прослое коры выветривания, маркируя тем самым низ культурного слоя; соответственно артефакты располагаются как на уровне камней, так и выше них. Камни оконтуривают северную и восточную границы условного участка, внутри которого плотность археологического материала значительно ниже, чем за его пределами. Основная часть каменного инвентаря (нуклеусы и орудия) найдена между самими камнями, а также севернее и восточнее них. В границах условного участка обнаружены единичные предметы, включая скребок и пластину с ретушью.

В восточной части раскопа выявлено искусственное скопление разноразмерных обломков порфира (фото 6). Учитыва-

вая небольшое сползание по склону, первоначальный диаметр конструкции должен был составлять около 0,8–0,9 м. В северной части кладки камни установлены вертикально с наклоном к центру, очерчивая полуокружность, в южной — смещены и залегают в горизонтальном положении. В центральной части выделяется крупный плоский камень, установленный наклонно; менее крупные обломки, как правило, уложены плашмя. Возможно, в центре кладки было небольшое свободное место, способствовавшее в дальнейшем сдавливанию и деформации конструкции. По контуру кладки расположены нуклеусы на начальной стадии сработанности и концевой скребок на крупной пластине (рис. 2 – 8, 13, 16). При разборке конструкции найдены фрагменты костей очень плохой сохранности. Следов искусственного углубления ниже уровня камней не обнаружено.

Общее количество археологического материала, полученного в раскопе, с учётом промывки, насчитывает более 2,5 ты-

Фото 6. Каменная кладка в раскопе стоянки Бюза II

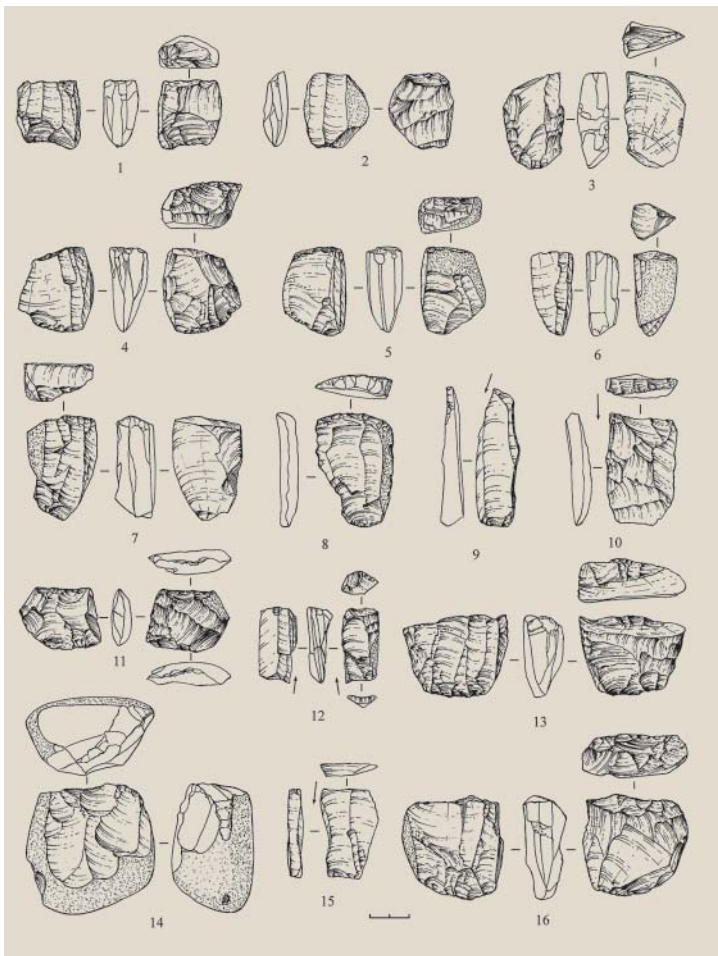

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Бюзе II (культурный слой): 1–7, 13, 14, 16 — нуклеусы; 8 — скребок; 9, 10, 12, 15 — резцы; 11 — долотовидное орудие

сяч предметов с абсолютным преобладанием мелких отщепов. Количество орудий составляет 24 экз. (скребки, резцы, долотовидные орудия, режущие орудия на пластинах и отщепах) (рис. 2 — 8–12, 15), нуклеусов — 17 экз. (рис. 2 — 1–7, 13, 14, 16).

Каменный инвентарь Бюзы II содержит предметы, характерные именно для памятников кокоревской культуры: крупные нуклеусы для пластин, резцы, крупные скребки и долотовидные орудия подпрямоугольной формы. «Афонтовские» скребла с ретушью по одному или обоим фасам, полученные из размывов культурного слоя в 2014 г., не имеют культурной привязки и распространены как на афонтовских, так и на кокоревских памятни-

ках. Столь же универсальны и галечные чопперы, являющиеся традиционными для енисейского палеолита с его специфическим каменным сырьём. Вместе с тем на Бюзе II нет остроконечников, минимальное количество которых было найдено на Черёмушках II и Троицкой. Однако на Бюзе II мы видим многообразие нуклеусов — от крупных двухплощадочных до «мелкопластинчатых» и клиновидных, что также несвойственно кокоревским памятникам. Диссонируют с кокоревскими традициями и приёмы оформления элементов нуклеусов, в том числе использование в качестве заготовки сегмента крупной пластины.

Таким образом, в результате исследований 2016 г. получена представительная коллекция каменных артефактов из культурного слоя памятников рубежа плейстоцена–голоцена, в первую очередь Бюзы II, которая является сегодня наиболее значимым и перспективным объектом раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище. Из культурных слоёв обоих памятников получены образцы костных остатков для датирования, из раскопа и шурфов на Бюзе II — образцы микротериофауны и малакофауны. Каменный инвентарь как Черёмушек II, так и Бюзы II относится к кокоревской археологической культуре, при этом материалы Бюзы II впервые позволяют рассматривать данную культуру в условиях раннего голоцена.

Работы 2016 г. ещё раз показывают, что угроза окончательной гибели археологического наследия на Красноярском водохранилище реальна. Уже сегодня древнейшая история Приенисейской Сибири изобилует «белыми пятнами», которые нет возможности заполнить. Важным представляется продолжение исследований

по ключевым направлениям, таким как многовариантность развития позднего палеолита и, соответственно, адаптация человеческих групп к изменяющимся природным условиям, в том числе – на рубеже плейстоцена–голоцена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.
2. Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.
3. Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991.
4. Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ, серия: история, филология, Т. 10. Вып. 7. 2011. С. 111–118.
5. Акимова Е.В., Харевич В.М., Попова Н.Н. Стоянка Бюза 2 – новый памятник раннеголоценового времени на Красноярском водохранилище // Stratum plus «Археология и культурная антропология». 2016. № 1. С. 315–324.
6. Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Орешников И.А., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые стоянки каменного века в северной части Красноярского водохранилища // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 7. Красноярск, 2015. С. 36–51.
7. Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. Петербург: Европейский дом, 1999.
8. Лисицын Н.Ф. Мезолитическая стоянка Куртак 2 на Енисее // КСИА. № 173. М., 1983. С. 97–102.
9. Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. Труды ИИМК РАН. Т. II. СПб., 2000.
10. Лисицын Н.Ф. Финальная пора позднего палеолита на юге Средней Сибири // Археологические вести. № 10. СПб., 2003. С. 203–216.
11. Макаров Н.П., Мандрыка П.В., Ямских А.Ф., Зубарева Г.Ю. Археологический материал и палеогеография многослойной стоянки Шалуниин Бык // Палеогеография Средней Сибири. Вып. 2. Красноярск, 1995. С. 113–135.
12. Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – Многослойный голоценовый памятник на среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Красноярск, 2009. С. 81–105.
13. Мезолит Верхнего Приангарья: Сборник научных трудов / Отв. ред. М.П.Аксёнов. Иркутск: Иркут. ун-т, 1980. Ч. 2: Памятники Иркутского района.
14. Палеолит и мезолит юга Сибири: Сборник научных трудов / Отв. ред. М.П.Аксёнов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982.

А.Б. ЛИДЖИЕВ*

Шира югуры Китая: современное состояние

Поленое исследование проведено в Китайской Народной Республике, объектом исследования являлся малочисленный этнос — шира югуры, сведения о котором крайне скудны и недостоверны.

Шира югуры — народ бесписьменный, что значительно затрудняет изучение прошлого данного этноса, поскольку исторических сведений об этом народе практически не сохранилось. Выдвигаются различные версии его происхождения: одни считают, что это часть тюркского народа, перешедшая на монгольский язык, другие утверждают, что это осколок монголоязычных племён, ушедших на территорию Китая и соединившихся с такими же остатками тюркских народов [1, с. 346; 2, с. 216].

Территория, на которой они проживают в настоящее время, не является их исконной землей, прежнее место жительства достоверно не известно. Опираясь на устные данные, можно сказать, что ранее шира югуры проживали в местности, называемой Хіжі-Нажі (Сичжи-Хачжи), которую они считают своей родиной (название сохранилось в фольклоре шира югуров). Местонахождение данной местности до сих пор является предметом дискуссии: некоторые полагают, что в провинции Цинхай, другие — в районе Турфана и Хами.

Первые достоверные упоминания о шира югурах относятся к концу XIX в.,

о них писал известный путешественник Г.Н.Потанин [1, с. 345–347]. Бывший русский офицер и исследователь К.Г.Маннергейм, побывавший в 1906–1908 гг. в Китае, в своих отчётах также упоминает шира югуров [3]; по его мнению, они прибыли «с востока Сиджо-хаджо или Чамбудунь во времена императора Канси» [2, с. 216]. О шира югурах писал В.Котвич, основываясь на материалах С.Е.Малова [4]. Этим и ограничены сведения о языке, быте и истории древнего малочисленного народа.

В широкий научный оборот сведения о шира югурах немногим более 60 лет назад ввела Б.Х.Тодаева [5]. Именно благодаря её работам мировое и отечественное востоковедение пополнилось данными о так называемых монгольских изолированных языках (их также называют маргинальными или островными), распространённых в основном на территории Китая. Исключительная заслуга Б.Х.Тодаевой в том, что она ввела в научный оборот монгольские языки: дуньсянский, монгорский, баоаньский и шира-югурский, а также описала и исследовала прежде уже известный дагурский язык, благодаря чему была значительно расширена монгольская семья языков [6, с. 239]. Островные монгольские языки сохранили много архаичных элементов, будучи в своеобразной консервации. Сегодня языки этих монголоязычных этносов значительно отличаются от остальных языков монгольской

* **Лиджиев Александр Борлаевич** — кандидат филологических наук, доцент Калмыцкого государственного университета, руководитель проекта «Язык шира югуров Китая: поленое исследование» (16-04-18012е).

E-mail: juwali@mail.ru

группы, а также друг от друга. Во второй половине XX в. были проведены исследования языка шира югуров, однако в настоящее время работы учёных из Китая практически недоступны [7–11].

Ши́ра югуры, или югуры, проживают в провинции Ганьсу недалеко от города Чжань в Сунань-Югурском автономном уезде (фото 1). Его центром является Сунань — небольшой посёлок городского типа, где обосновалась основная часть югуров (более 8000 человек), малочисленные группы расселены в других местностях провинции Ганьсу [12, с. 353].

Фото 1. Въезд в Сунань-Югурский автономный уезд

Сунань-Югурский автономный уезд многонационален: здесь проживают китайцы, тибетцы, хуэй, монголы; есть небольшое число монголов и, конечно, югуры. Последние делятся на два субэтноса, одних называют шира югуры (жёлтые уйгуры), а других — хара югуры (чёрные уйгуры), о подобном делении писал ещё Г.Н. Потанин [1, с. 345]. Разница заключается в том, что жёлтые уйгуры говорят на одном из монгольских языков, а чёрные — на одном из тюркских. Чёрные уйгуры не согласны с тем, что их так называют, они считают это искусственно

придуманным названием, а они — такие же шира югуры, или как их ещё называют сарыг уйгуры, т.е. жёлтые, говорящие на тюркском языке [13, с. 155].

Оба народа исповедуют буддизм, а языком субэтнической коммуникации является китайский. У них нет собственной письменности, по необходимости используют китайское письмо. В количественном отношении тюркоговорящих шира югуров на 2–3 тысячи больше, чем монгологоворящих. Согласно официальной переписи населения, проведённой в 2010 г. в Китае, шира югуров насчитыва-

ется 14 378 человек [14]. По мнению же самих шира югуров, носителей языка, говорящих на монгольском языке около 4–5 тысяч, столько же — на тюркском, оставшаяся часть относит себя к югурам, но не говорит [15, с. 203].

Другая группа, территориально оторванная от большинства, но административно относящаяся также к Сунань-Югурскому автономному уезду, проживает в посёлке Хуанчэн, который находится на территории национального заповедника, остальные небольшие группы расселены в других местностях провин-

ции Ганьсу. Это объясняется тем, что Сунань-Югурский автономный уезд был образован в 1954 г., а в 1959 г. был проведён обмен между Сунань-Югурским автономным уездом и провинцией Цинхай. Часть шира югуров, проживавших в Цинхае, переехала в Хуанчэн в 1958 г.

Поскольку шира югуры появились здесь недавно, шира-югурские топонимы отсутствуют. Тем не менее имеются монгольские названия. Так, множество мелких речушек, которые сливаются в одну, именуются Ордны-гол, где ордны — ‘дворец’, а гол — ‘река’. Это связано, вероятно, с тем, что на данной территории в районе Хуанчэн (монгольское название Шар-тала, у Г.Н.Потанина — Шира-тала [1, с. 347]) имеется исторический объект, представляющий значительный интерес. Братья Хубилая Дорда и Годань (т.е. внуки Чингисхана) по приказу матери переехали в эту местность со своими подданными и построили крепость Шар-хото (шар — ‘жёлтый’, хото — ‘город’), от которой в настоящее время сохранился крепостной вал [Там же].

Существует также деление шира югуров на западных и восточных, где под западными, или чёрными, подразумевают

тюркоговорящих, а под восточными, или жёлтыми, — монгологоворящих. В литературе и официальных источниках чаще используются названия «западные» и «восточные», это связано с тем, что югуры проживали по берегам реки Луанчанхэ, которая и служила границей размещения шира и хара югуров [15, с. 203]. Шира-югурское название реки — Нэйман-гол.

Китайские власти, учитывая малочисленность и исключительность шира югуров, всячески поддерживают их. Тем, кто ведёт традиционный образ жизни, т.е. занимается скотоводством, выделяют различные субсидии, по более высокой цене закупают продукты их хозяйственной деятельности: мясо, шерсть, пух и пр. Деньги вкладываются и в развитие туризма, поэтому уездный административный центр Сунань выглядит как современный комфортабельный и уютный посёлок. В нём имеется несколько гостиниц разной ценовой категории. Внутренний туризм в настоящее время очень развит в Китае, на выходные сюда приезжает много туристов. Шира югуры бережно хранят свою самобытность, всё пропитано и наполнено югурскими мотивами. Здания отделаны в национальном стиле, так, например,

Фото 2. Центр Сунаня. Здание украшено стилизованными женскими головными уборами

верх высоких зданий украшен стилизованными женскими головными уборами (фото 2).

Имеется множество скульптур и скульптурных композиций, в которых используется югурская тематика. Светильники и фонари выполнены в форме предметов утвари кочевого хозяйства, например, иг – ‘веретено, прялка’, билүүр – ‘мутовка для взбивания масла’ и пр. Важным символом для шира югуров является буг-марал – ‘олень’, который служит их тотемом. Скульптуры и различные изображения оленя в большом количестве встречаются на всей территории уезда (фото 3).

В Сунане находится самый большой в мире молитвенный барабан – кюрд – высотой чуть более 24 метров. Он был построен в 2011 г. на территории комплекса «Zhuan Jing Long» (фото 4).

Ши́ра югуры исповедуют буддизм традиции гелукпа. В окрестностях Сунаня расположен буддийский храм, которому уже более 280 лет, он был основан в период правления императора Цяньлуна (1736–1790). Китайское название храма – Hinghom, югуры называют его Yugur neiman kit – храм восьми югурских родов. В центральном здании храма находится статуя Zunka-ba, т.е. Дзонкавы, рядом – небольшое помещение, отделённое занавеской, где лежит старое ружьё с подставкой и ножом. Данным предметам шира югуры поклоняются с особым почтением. Это, очевидно, связано с тем, что охота занимала важное место в их жизни.

В настоящее время существует угроза исчезновения или ассимиляции не только языка, но и самой этнической группы. В быту каждая из подгрупп говорит на родном языке, однако в повседневной жизни монголо- и тюркоговорящие югу-

Фото 3. Тотем шира югуров — олень; светильники в виде фигуры шира-югурской девушки, прялки и сосуд для взбивания масла

ры чаще пользуются китайским языком, на котором ведётся преподавание в учреждениях образования и который является основным для СМИ. Таким образом, югуры являются билингвами, что, безусловно, влияет на процессы языкового сдвига, переход с родного языка на китайский. В прежние годы малочисленным этническим группам Китая удавалось сохраняться благодаря определённой степени изоляции, а некоторым этносам — за счёт большой численности населения и удалённости от центра. В настоящее время ситуация как с языками, так и с этносами изменилась, поскольку невозможно

Фото 4. Самый большой в мире молитвенный барабан

избежать глобальных интеграционных процессов, которые влияют и на языковую ситуацию.

Это осознают и сами шира, и хара югуры, поэтому периодически проводятся региональные конференции, посвящённые проблемам истории, языка, литературы и культуры югуров. В них принимают участие в основном специалисты по югурской проблематике, а также югурская интеллигенция и активисты. Учёные, писавшие о югурах, пользуются особым уважением. Среди них известные востоковеды-тюркологи – чл.-корр. АН СССР С.Е.Малов, который выпустил книги «Язык жёлтых уйгуров» [16, 17], и чл.-корр. РАН Э.Р.Тенишев, совместно с Б.Х.Тодаевой опубликовавший монографию «Язык жёлтых уйгуров» [5].

В последнее время активно обсуждаются вопросы шира-югурской письменности, поскольку народ бесписьменный и для него это особенно важно. Обсуждаются проблемы алфавита и способы передачи некоторых звуков, принято решение за основу взять латиницу. Активисты из числа шира югуров также осознают угрозу ассимиляции, поэтому энтузиасты

собирают лексику, сказки, пословицы, поговорки, песни и создают словники, а также изучают историческое прошлое народа. Трудность сбора фольклорного и этнографического материала состоит в том, что носителей фольклора, знатоков традиций и обычаев, традиционного уклада и прежнего образа жизни осталось очень мало (фото 5).

Тем не менее, удалось записать несколько сказок: о девушках из рода Кэйман и Бийан; о зайце и чёрном волке; о том, как сарлык ходил молиться в Тибет; о том, как девочка подавилась колокольчиком; о сером сарлаке и др. Среди шира югуров очень популярна «Песня о двенадцати годах», т.е. песня о 12 животных традиционного календарного цикла.

Удалось записать более десятка пословиц, поговорок и загадок.

В ходе исследования была предпринята попытка установить родовую структуру шира югуров. У югуров существует десять отоков: семь отоков шира югуров (монгологоворящих), и три – хара югуров (тюркоязычных). В каждом отоке проживает несколько родов, которые распределяются неравномерно. Существуют сле-

дующие шира-югурские рода (принадлежность к роду определяется по фамилии, которая сокращается на китайский манер): уаңге уасп, кит. аң; аңзап уасп, кит. аң; һоңрат уасп, кит. го.

В шира-югурском языке отмечено интересное явление: в некоторых словах в первом слоге гласные выпадают, причина, вероятно, связана с акцентологией языка. Так, в шира-югурском языке в некоторых случаях ударение падает на второй или третий слог, тогда как в монгольских языках гласный первого слога базового корня обычно играет смысловозначительную роль и определяет соответственно рядность слова и наращение аффиксов к односложным словам. Этим обусловлено и различное фонетическое соотношение гласных в первых слогах и гласных в непервых слогах. Для гласных непервых слогов характерна некоторая неустойчивость и синтагматическая предопределённость, являющаяся следствием существования такого явления, как гармония гласных. Тогда как в шира-югурском языке данное правило нарушено, и в некоторых словах гласные

Фото 5. Знаток обычаев и фольклора шира югурка Намче из рода bayat, 63 года, приехала на своем электромопед

первого слога выпадают. Данное явление, очевидно, связано с тюркским влиянием, поскольку в тюркских языках ударение, как правило, падает на конечный слог [18].

В местности Хуанчэн, которая по-монгольски называется Шар-тала, удалось побывать на большом сельском религиозном празднике Овоо — поклонение духам местности. Религиозный обряд проходил на горе, где и приносились жертвы духам овоо. На праздник приехали шира югуры из других районов, все принесли огромное количество благовоний из можжевельника и воскурляли их. Большинство людей было одето в нарядные национальные костюмы (фото 6), собралось много туристов из соседних регионов. Участники торжества сначала обошли несколько раз вокруг овоо, совершая поклонения (фото 7). Пеший обход продолжили скотоводы на лошадях. Они пронеслись на огромной скорости с криками, призывая духов и подбрасывая вверх листки бумаги с молитвами и изображением религиозных

Фото 6. Ши́ра югуры в традиционной одежде

Фото 7. Поклонение духам местности

символов (фото 8). У подножия горы состоялся самодеятельный концерт, на котором исполнялись шира-югурские и китайские песни.

В заключение важно отметить, что шира югуры, находясь на протяжении многих веков в изоляции, в иноязычном окружении, сохранили свой язык, который активно используется в бытовой

сфере, а также свои фольклор, родовые и территориальные этнонимы. Хотя число носителей сокращается, тем не менее, молодое поколение в быту ещё говорит на шира-югурском языке, хотя и меньше, чем старшее.

Интересно, как такой малочисленной популяции удаётся сохранять этническое самосознание и единство, ведь монголо-

Фото 8. На празднике Овоо

и тюркоговорящие не знают языка друг друга, а языком субэтнического общения служит китайский. Исключительность этой ситуации заключается в том, что два субэтнуса, объединённые общей историей и религией, будучи разными этническими группами, тем не менее, являются одним народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина 1884–1886. СПб., 1893. Т. I.
2. Малов С., Mannerheim C.G. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs // Живая старина: Период. изд. Отделения этнографии Импер. рус. геогр. Общества. Год 21. 1912. № 1–4. С. 214–220.
3. Mannerheim C.G. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1911. Т. XXVII.
4. Kotwicz W.L. La langue mongole, parlée par les Ouigours Jaunes près de Kan-tcheou. D'après les matériaux recueillis par S.E. Malov et autres voyageurs. Wilno, 1939.
5. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык жёлтых уйгуров. М., 1966.
6. Янхунен Ю.А. Этапы изучения монгольских языков Куку-нора // Исследователь монгольских языков. Элиста: Джангар, 2005. (Серия «Калмыцкая интеллигенция»).
7. Bulchuluu. Jegün Yogur kelen-ü üges [Vocabularies of Jegün Yogur language]. Huhhot: Inner Mongolian People's Press. 1985.
8. Bulchuluu, Jalsan. Jegün Yogur kelen-ü üge keelge-yin materiyal [Language Materials for Jegün Yogur]. Huhhot: Inner Mongolian People's Press, 1988.
9. Bulchuluu. Jegün Yogur kele ba Mongγol kele [Jegün Yogur and Mongolian languages], Huhhot: Inner Mongolian People's Press, 1992.
10. Ujyiediin Chuluu (Chaolu Wu) Introduction, Grammar, and Sample Sentences for Jegün Yogur // Sino-Platonic Papers, 54 (November, 1994). Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1994.
11. Zhang Juan, Kevin Stuart, et al. Blue Cloth and Pearl Deer: Yogur Folklore // Sino-Platonic Papers, 73 (June, 1996). Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations University of Pennsylvania, 1996.
12. Лиджиев А.Б. К вопросу о языке шира югуров Китая // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность: Материалы российской научной конференции с международным участием (Элиста, 16–19 марта 2016 г.). Элиста, 2016. С. 352–355.
13. Лиджиев А.Б., Бембеев Е.В. Губные гласные языка шира югуров // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию Б.Х. Тодаевой (Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Ч. 1. С. 155–160.
14. <http://baike.baidu.com/view/5131.htm>. 10.10.2016.
15. Лиджиев А.Б., Бембеев Е.В. Краткое сообщение о современном состоянии шира югуров // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие: Материалы II Международной научной конференции (Элиста, 14–15 сентября 2016). Элиста, 2016. С. 203–204.
16. Малов С.Е. Язык жёлтых уйгуров: Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
17. Малов С.Е. Язык жёлтых уйгуров: Тексты и пер. М., 1967.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1984.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

М.Ю. ДРОНОВ, Г.В. РОКИНА*

Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 г.)**

Конференция продолжила серию научных мероприятий, проводимых параллельно с заседаниями Комиссии историков России и Словакии (КИРС). В качестве организаторов форума выступили Институт славяноведения (ИСл) РАН, Марийский госуниверситет (МарГУ) и Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ). МарГУ, ряд учёных которого в течение многих лет уже ведёт совместные научные исследования по истории Словакии и русско-словацких контактов с Институтом славяноведения РАН и Институтом истории Словацкой академии наук (САН), явился научной площадкой для очередной встречи историков России и Словакии и проведения международного научного форума. Этот факт демонстрирует сотрудничество академической и вузовской науки.

Задачами научного мероприятия были консолидация научных ресурсов учёных двух стран для правдивого описания истории контактов народов

России и Словакии с учётом ведущих направлений современной историографии, координация приоритетных тем последующих научных изысканий, анализ ведущих направлений современной словакистики и смежных дисциплин.

На торжественном открытии конференции с приветственным словом к её участникам обратились ректор МарГУ, д.э.н. М.Н. Шевцов, представитель МИД РФ в Йошкар-Оле Л.В. Полушина, председатель российской части КИРС, чл.-корр. РАН Л.П. Репина и представитель председателя словацкой части КИРС проф. М. Даниш (Университет им. Коменского, Братислава).

Доклады на конференции группировались по проблемно-хронологическому принципу. В блоке докладов, представленных на первой панели «На рубеже столетий», рассматривались сюжеты из истории российского славяноведения, в том числе и словакистики, взаимного узнавания двух славянских народов в светской и церковной практи-

* **Дронов Михаил Юрьевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН, член Оргкомитета конференции.
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

Рокина Галина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, член Оргкомитета конференции.
E-mail: galina@rokina.ru

** Проект 16-01-14040г.

ке. Определённым «камертоном» не только для этой секции, но и для всей конференции стал доклад Л.П.Репиной «Память о событиях в контекстах национальной, перекрёстной и глобальной истории», в котором на словацком материале был проанализирован феномен исторической памяти. Профессор из Словакии М.Даниш в докладе «Словаки и Россия в XVIII веке» провёл подробный обзор контактов двух стран почти за целое столетие. Его выступление было построено на анализе огромного числа как опубликованных, так и архивных материалов. В 2014 г. Президент РФ В.В.Путин наградил М.Даниша медалью А.С.Пушкина за вклад в укрепление дружбы и сотрудничества с Россией.

В работе секции приняли участие представители одного из ведущих российских научных центров при Северо-Кавказском федеральном университете по изучению истории империи австрийских Габсбургов при Северо-Кавказском федеральном университете. В эту империю входили и словацкие земли; российско-австрийские отношения XIX в. во многом зависели от позиции правящих кругов по славянскому (в том числе и словацкому) вопросу. В докладе д.и.н. И.В.Крючкова, являющегося руководителем указанного центра и ответственным редактором издания «Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели», было представлено восприятие российским поляком Л.Василевским национального вопроса в Венгерском королевстве на рубеже XIX и XX вв. Одновременно ставропольский учёный раскрыл тему об австрийско-русской торговле по воспоминаниям генерального консула в Будапеште князя А.Львова. Коллега И.В.Крючкова к.и.н. А.Н.Птицын остановился на деятельности словацких преподавателей в российских гимназиях и университетах в конце XIX – начале XX в. Университетскую проблематику, которая для реалий XIX в. была весьма актуальной в плане разви-

тия российско-словацких контактов, продолжил проф. Казанского федерального университета, д.и.н. Г.П.Мягков. В его докладе, подготовленном совместно с доц. Н.И.Недашковской, были рассмотрены словацкие сюжеты в трудах казанских славистов XIX–XX вв. Современная славистика, в том числе и словакистика, стала предметом научных изысканий представителя ещё одного поволжского вуза – Чувашского госуниверситета – д.и.н. Т.Н.Ивановой. В её докладе, посвящённом изучению истории славян в Чувашской республике, были обозначены основные трудности, с которыми сталкивается университетский преподаватель при изложении истории Словакии в рамках курса истории южных и западных славян.

Завершилась первая секция докладом научного сотрудника ИСл РАН, к.и.н. М.Ю.Дронова «Угорские русины и словаки в восприятии патриарха Тихона». Исследователь сосредоточил внимание на встречах выдающегося церковного деятеля в период его служения в Северной Америке со словацкими и русинскими иммигрантами. Примечательно, что большинство угорских русинов на Американском континенте являлись уроженцами районов, ныне входящих в состав Словакии.

В ходе дискуссии, преимущественно касавшейся вопросов пребывания словаков в Российской империи, коллективными усилиями были выявлены сюжеты, ещё нуждающиеся в дополнительном изучении. Участники конференции получили возможность ознакомиться со стендовым докладом председателя словацкой части КИРС, сотрудницы Института истории САН к.н. Т.Ивантышиновой (Братислава) «Роль символов в словацком национальном движении XIX в. и стихотворение А.С.Хомякова “Славянский орёл”».

Вторая панель конференции была посвящена обсуждению общей научной проблемы «Первая мировая война и её последствия». По существу, эта тематика явилась продолжением предыдущего

заседания КИРС и сопутствовавшей ей конференции «Социальные последствия войн и конфликтов XX в.», которые проходили в 2014 г. в г. Банска-Бистрица.

Заседание открылось выступлением признанного специалиста по проблемам Первой мировой войны, д.и.н. Е.П.Серапионовой (Исл РАН), которая осветила проблему чехословацких легионов и участия в них словаков. Тема была продолжена в докладе словацкого участника конференции д-ра М.Кшиняна (Институт истории САН) «Использование социального капитала М.Р.Штефаника в борьбе за ориентацию чехословацкого движения сопротивления в России (1916–1917 гг.)». Опираясь методом персональной биографии, М.Кшинян показал роль французского генерала и одновременно словацкого национального героя М.Р.Штефаника, имевшего опыт создания чехословацких легионов, в формировании идеологии легионеров в России. Последовавший за докладом ряд выступлений учёных и аспирантов МарГУ продолжил легионерскую тему. В докладе д.и.н. Г.В.Рокиной, построенном на анализе дневника словацкого легионера Й.Клемпы, было показано восприятие легионерами российского Поволжья в годы войны. Д.и.н. С.В.Стариков на уникальном краеведческом материале привёл пример отношения к чехословацким легионерам уроженца Царёвококшайска (ныне Йошкар-Ола) А.Е.Котомкина, в будущем почётного гражданина Праги.

Особое внимание на этом заседании привлекли доклады, выполненные в русле военной антропологии и посвящённые проблемам плена. Выступление н.с. А.Н.Кудрявцева (Марийский НИИ им. В.М.Васильева) раскрыло малоизвестные страницы австро-венгерского плена, в котором оказались уроженцы Марийского края. А в докладе аспиранта МарГУ Г.П.Морозова, наоборот, была представлена картина пребывания австро-венгерских пленников, в том числе и словацких, в уездных городах Поволжья — Царёво-

кокшайске и Козьмодемьянске. Указанная тематика показала значение региональных и локальных исследований, в том числе и с привлечением методик краеведения, в контексте глобальной истории, став очередным подтверждением основных положений программного доклада Л.П.Репиной.

На третьей панели конференции, «Межвоенный период и Вторая мировая война», в основном была продолжена военная проблематика. Межвоенному периоду посвятила свой стендовый доклад директор Института истории Прешовского университета к.н. Л.Гарбулёва. На обширных материалах архивов и периодической печати словацкая исследовательница реконструировала процесс формирования образа России в Словакии в 1918–1939 гг. Яркое и выразительно тема участия русских в Словацком национальном восстании 1944 г. была представлена в докладе директора Музея Словацкого национального восстания (Банска-Бистрица) д-ра С.Мичева. Своё выступление он сопровождал современной 3D-презентацией наиболее редких экспонатов возглавляемого им музея. Сотрудница музея В.Ковачова дополнила эту тему, осветив в своей презентации печально известные страницы истории еврейского народа в Словакии в 1939–1945 гг. Словацкий фактор в отношениях США с правительством Э.Бенеша в годы Второй мировой войны на материалах американских архивов был представлен в докладе преподавателя Вятского государственного университета, к.и.н. А.В.Зорина (Киров). Прекрасным дополнением к живому обсуждению военной проблематики стал стендовый доклад научного сотрудника Института военной истории САН, полковника, к.н. Й.Бистрицкого (Братислава), в котором на основе архивных материалов были проанализированы исторические обстоятельства вступления Словакии в войну против СССР в 1941 г.

В рамках завершающего, четвёртого, заседания «Русско-словацкие взаимосвя-

зи в послевоенный период» прозвучали пять докладов. На этой панели особенно ярко проявился междисциплинарный характер конференции. Литературовед, к.ф.н. Л.Ф.Широкова (ИСл РАН) выступила с докладом «1968 год в отражении словацкой прозы XXI века». Словацкая исследовательница М.Завацка (Институт истории САН) осветила тему послевоенных посещений Словакии выдающимся российским и американским лингвистом Р.Якобсоном. Новые документы российских архивов о венгерском нацменьшинстве в Словакии в 1944–1951 гг. представил в своём докладе м.н.с. ИСл РАН С.М.Слоистов.

Источниковедческая проблематика была дополнена историографической темой доклада специалиста Института истории САН Ю.Бенко, показавшего эволюцию образа К.Готвальда в словацкой историографии после 1948 г. Российская исследовательница д.и.н. Э.Г.Задорожнюк (ИСл РАН) представила доклад «Модификация идеи социализма. К 95-летию со дня рождения А.Дубчека». Стендовый доклад данной панели, подготовленный д.и.н. Г.П.Мурашко (ИСл РАН), был посвящён анализу чешско-словацких отношений на рубеже 1950–1960-х гг. сквозь оптику советских дипломатов.

В рамках конференции состоялся круглый стол «Изучение истории и культуры славянских народов на исторических факультетах российских университетов», участниками которого стали председатели и члены региональных отделений РОИИ.

Во время конференции состоялось VI заседание КИРС. По сложившейся традиции председатель российской части комиссии Л.П.Репина и представитель председателя словацкой части М.Даниш по итогам форума подписали специальный документ на русском и словацком языках, который будет представлен в Посольство РФ в Братиславе и Посольство СР в Москве.

Важными пунктами программы стали посещение участниками конференции ректората МарГУ и подписание договора о сотрудничестве между музеем поискового отряда «Воскресение» (МарГУ) и банска-бистрицким Музеем Словацкого национального восстания.

Рабочими языками конференции были русский и словацкий. Материалы состоявшегося форума будут изданы на русском языке в десятом выпуске научно-практического ежегодника «Запад — Восток» в 2017 г.

Конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» и очередное заседание КИРС показали, что совместное научное сотрудничество и междисциплинарное изучение истории и культуры народов обеих стран приносят реальные научные результаты. На форуме были профессионально представлены акценты в сложных «зигзагах» истории российско-словацких отношений, обобщён и проанализирован опыт узнавания, сотрудничества, признания, отрицания, искренней дружбы, толерантности двух славянских народов.

Н.Л. ПУШКАРЁВА, Н.А. МИЦЮК, М.В. КАИЛЬ*

Девятая Международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур» (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.)**

Очередную (Девятую) Международную научную встречу провели Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), Российский национальный комитет «Международной федерации исследователей женской истории», Отдел этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, Смоленский госуниверситет, Смоленский государственный медицинский университет. Темой конференции были избраны проблемы родительства в самом широком контексте. Форум способствовал институционализации изучения родительства в России в качестве самостоятельного научного направления и наладил научный диалог между представителями различных научных специальностей.

Оргкомитет конференции возглавили Н.Л.Пушкарёва — д.и.н., председатель Российской ассоциации исследователей женской истории и глава

Российского Национального комитета в Международной Федерации исследователей женской истории, а также Е.В.Кодин — д.и.н., ректор Смоленского госуниверситета (фото 1).

В мероприятиях конференции приняли участие более 220 человек из 10 научных учреждений РАН, представители 73 российских вузов. В Смоленске собрались представители отечественных учёных от Калининграда до Владивостока, а также девяти стран ближнего и дальнего зарубежья (Беларуси, Молдовы, Литвы, США, Японии, Польши, Италии, Германии, Финляндии). Конференция привлекла внимание ведущих специалистов в области исторических, социологических, педагогических, психологических, медицинских наук. Около 30% собравшихся составляли доктора наук и более 50% — кандидаты наук.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась Н.Л.Пушкарёва, обозначив актуальность междисциплинарного изучения материн-

* **Пушкарёва Наталья Львовна** — доктор исторических наук, заведующая Сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, председатель Российской ассоциации исследователей женской истории и глава (РАИЖИ) Российского Национального комитета в Международной Федерации исследователей женской истории, член Оргкомитета конференции.

E-mail: pushkarev@mail.ru

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, старший преподаватель Смоленского государственного медицинского университета, член исполнительного комитета РАИЖИ, член Оргкомитета конференции.

E-mail: ochlokratia@yandex.ru

Каиль Максим Владимирович — кандидат исторических наук, начальник отдела СмолГУ, член исполнительного комитета РАИЖИ, член Оргкомитета конференции.

E-mail: mvkail@mail.ru

** Проект 16-01-14012г.

Фото 1. Ректор СГУ д.и.н. Е.В.Кодин, председатель РАИЖИ д.и.н. Н.Л.Пушкарёва

ства и отцовства. Е.В.Кодин подчеркнул особую значимость проведения крупных научных форумов для региональных вузов. В докладах на пленарном заседании звучали темы, связанные с традиционными практиками родительства в среде русского крестьянства начала XX в. (С.Б.Адоньева, проф., СПбГУ). В.Шаповалова (проф. Университета штата Калифорния, Сан-Диего, США) затронула спорную тему, связанную с реализацией материнских функций в ГУЛАГе. Д.м.н. Н.К.Никифоровский остановился на проблемах репродуктивных стратегий современных женщин.

Дальнейшая работа конференции была связана с проведением секционных заседаний и круглых столов. Особенностью конференции стало практическое сближение социальной истории и гендерных исследований прошлого и настоящего с естественными науками, прежде всего медициной, междисциплинарный охват хронологического, историко-генетического, политико-идеологического и социально-антропологического, психоаналитического, историко-медицинского и социально-стратификационного аспектов проблемы. Рассмотрение социальной истории и антропологии деторождения и родовспоможения позволило показать иной взгляд на эти традиционные для эт-

нологии сюжеты, поскольку репродуктивное поведение и культура предстали не как биологическая данность, а как результат социального конструирования.

В ходе научной встречи на секциях и круглых столах обсуждался широкий круг вопросов. Среди них трансформация материнского и отцовского поведения в истории и современности; история семьи и детства, культуры деторождения; развитие социальной политики в области материнства и детства в прошлом и настоящем; медиализация материнства и её значение в жизни отдельных женщин и общества в целом; от-

ношение к семье и родительству в традиционных и современных культурах; репрезентация материнства и отцовства в искусстве и литературе, современные биосоциальные проблемы родительства.

Несмотря на междисциплинарность секционных заседаний, все секции условно разделились на три блока: наиболее мощным оказался блок с доминированием исторических и этнографических (среди участников – историки, этнографы), социологических (социологи, демографы, экономисты, врачи) и литературоведческих (филологи) тем.

На исторических, историко-антропологических и этнографических проблемах родительства концентрировались участники секций «Социальное конструирование “идеального родительства” в различные исторические эпохи», «Традиционная семейная культура, брачное поведение, родительские практики, родильная обрядность», «Социальная и культурная история родов, история трансформации родильных практик, история акушерства в России и за рубежом; репродуктивная политика в прошлом и настоящем», «Социальная политика в области семьи, родительства. Охрана материнства, младенчества и детства в России и за её пределами»,

«Проблемы родительства в концепциях российского и зарубежного феминизма. Материнство/отцовство в маргинальных контекстах. “Плохие” родители в прошлом и настоящем», «Исторические изменения сексуальности. Проблемы аборт, инфантицида (детоубийства. — *Прим. ред.*), контроля над рождаемостью в прошлом и настоящем. Феномен чайлдфри», «Материнская/отцовская повседневность и идентичность в истории. Мать и дитя: история взаимоотношений», «Этноконфессиональные различия

Участники секции «История семьи, брачного поведения, гендерных ролей в обществе. История детства в контексте истории родительства» под руководством Г.Н.Ульянова раскрыли богатую историю родительских практик в истории России, опираясь на широкий источниковый материал. Докладчики секции «Социальная и культурная история родов, история трансформации родильных практик, история акушерства в России и за рубежом; репродуктивная политика в прошлом и настоящем» с междис-

Фото 2. Заслуженный врач РФ, член Президиума Российского общества акушеров-гинекологов, проф., д.м.н. Н.К. Никифоровский; член Исполкома РАИЖИ, директор конференции в Смоленске, д.и.н. Н.А. Мицюк; д.м.н., проф. В.В. Покусаева

в практиках родительства в прошлом и настоящем; отношение к материнству и отцовству в религиях мира. Гендерный взгляд на проблему исчезновения культурных традиций», «Материнские/отцовские роли в контексте социальных катаклизмов (революции, войны, социальные бедствия)», «История семьи, брачного поведения, гендерных ролей в обществе. История детства в контексте истории родительства».

циплинарных позиций обсудили проблемы, связанные с изучением культуры деторождения в России. Основная часть докладов была посвящена исследованию традиционных родов в России (Н.Л. Пушкарёва, А.В. Белова, З.З. Мухина, С.Б. Адоньевна, Л.Н. Пивоварова), раскрыты особенности методологии изучения деторождения в зарубежной историографии (Н.А. Мицюк) (фото 2). Участники подчеркнули специфику отечественной тра-

диции деторождения (привлечение на роды мужа, отсутствие противостояния «повитух» и акушерок, характерное для западноевропейских стран и США).

На заседаниях секции «Проблемы родительства в концепциях российского и зарубежного феминизма. Материнство/отцовство в маргинальных контекстах. «Плохие» родители в прошлом и настоящем» обсуждались сложные вопросы, связанные с прошлым и настоящим родительства. Резонансными явились доклады М.Г. Муравьёвой, которая раскрыла проблемы насилия в отношении родителей и «семейной власти» в истории России, и доклад И.В. Ломакина о добровольной бездетности в современной России. Оживлённое обсуждение вызвали темы, связанные с историей практик ограничения рождаемости в различные исторические периоды (И.И. Юкина, Т.Ю. Новинская).

Этноконфессиональные проблемы родительства (секция «Этноконфессиональные различия в практиках родительства в прошлом и настоящем; отношение к материнству и отцовству в религиях мира. Гендерный взгляд на проблему исчезновения культурных традиций») привлекли значительное число слушателей. Звучали доклады как о традициях и обычаях древних обществ (Э.А. Синецкая, Д. Кикнадзе, Э.Г. Александренков, Ф.А. Ахмедова), так и о современной национальной специфике социальной политики в отношении семьи и детства (Е.А. Сорокина, А.В. Мильто, Л.В. Дерябкина).

В рамках конференции удалось обсудить широкий спектр вопросов, связанных с социологией родительства. Чрезвычайно интересной оказалась секция под руководством А.А. Тёмкиной и В.Н. Покусаевой, посвящённая проблемам медиализации родительства и деторождения в России. Данная секция проходила на базе Смоленского государственного медицинского университета. Организаторам удалось сформировать междисциплинарную площадку (социологи из Европейского университета в Санкт-

Петербурге А.А. Тёмкина, А.А. Новкунская, Е. Бороздина, антропологи из ИЭА РАН А.С. Курленкова, А.А. Ожиганова, а также врачи акушеры-гинекологи и педиатры) для обсуждения вопросов, связанных с влиянием медицины на современное родительство и репродуктивные практики. Дискуссия была продуктивной, её участники подчеркнули важность преодоления междисциплинарных барьеров, обмена методологическими подходами в исследованиях.

Остро актуальные вопросы современного родительства обсуждались на секции под руководством О.Г. Исуповой и Е.Э. Носенко-Штейн: оборотная сторона «ответственного родительства» (Л.Ф. Борусяк), проблемы «интенсивного материнства» (Т.В. Разина, Е.В. Сивак, Ю.Е. Островская), перспективы «естественного родительства» в России (А.В. Авдеева).

В рамках форума были организованы три круглых стола, посвящённых методологическим проблемам изучения истории семьи и родительства, социологии материнства и междисциплинарного изучения репродуктивной культуры. В многочасовых вечерних дискуссиях, развёрнутых после работы секций, участвовали ведущие российские учёные из ИРИ РАН, ИЭА РАН, ИМЛИ РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры), Института археологии и этнографии СО РАН, Института востоковедения, МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского, Ленинградского им. А.С. Пушкина и Казанского госуниверситетов, Высшей школы экономики. Жаркие споры были обусловлены и тем, что на конференции оказались представлены взгляды исследователей разных конфессий, так что сама цель конференции — создать площадку для консолидации научных усилий в определении и оценке фундаментальных понятий материнства, отцовства, родительства, семьи, детства, пола, гендера, возраста с учётом вызовов времени и глобализации — была достигнута, и участники приблизились к готов-

Фото 3. Слева направо: д.и.н. З.З. Мухина и участницы конференции из Японии – доктор философии Сихо Маэда (Киото), заслуженный профессор университета Осаки Митико Икута (Осака), доктор истории Китаи Сатоко (Токио)

ности выработать согласованное мнение в отношении как позитивных, так и негативных перемен, а также возможностей противостояния последним.

Главной темой конференции стала проблема материнской повседневности, материнских ролей в истории России. Авторы многих докладов пытались выявить факторы, влияющие на смену социальных запросов в отношении материнского поведения, на трансформации содержания материнских ролей, на этноконфессиональные различия в реализации материнских прав и обязанностей. 15-я секция конференции, «Мальчик — отец мужчины», была посвящена памяти выдающегося исследователя, впервые поставившего в нашей гуманитаристике проблему этнологии и социологии родительства, академика Игоря Семёновича Кона. В центре обсуждения на секции оказались проблемы, связанные с отцовскими ролями.

Отдельная секция конференции (руководитель — профессор ГУ ВШЭ М.Г. Муравьёва) объединила тех, кто специально

и скрупулезно исследует болезненную тему семейного неблагополучия в прошлом и настоящем, тему домашнего насилия в отношении супругов, детей, родителей. Само явление нарушения речевых табу женщинами (от избитых жён до школьниц, соблазнённых учителем в самой известной московской школе) стало откровением для российского массового сознания и потребовало экстренного экспертного осмысления.

Обсуждение перспектив и препятствий усыновления и удочерения, суррогатного материнства (правовым аспектам которого была посвящена секция, в работе

которой приняли участие юристы), новых трендов в современной консумеризации материнства (донорство спермы, яйцеклеток) — всё это дало новые основания для институционализации исследований родительства как особой темы в контексте охватившего нашу страну демографического кризиса. Обмен мнениями между представителями широкого круга научных направлений (как отечественными, так и зарубежными (фото 3)) способствовал интеграции научных знаний в разных областях и дисциплинах, обмену эмпирическим материалом, актуализации современных научных подходов и методов, вовлечению в научный оборот новых источников.

Достойным итогом обмена мнениями стала публикация материалов, присланных на конференцию, в двухтомном сборнике «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы IX Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Смоленск, 13–16 октября 2016 г.): В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, Н.А. Мицюк. М.: ИЭА РАН, 2016).

П.М. НЕРЛЕР (ПОЛЯН), Д.В. ЗУЕВ, Л.М. ВИДГОФ*

Симпозиум «Осип Мандельштам и XXI век» (Москва, 1–3 ноября 2016 г.)**

Традиция академических симпозиумов, посвящённых жизни и творчеству О.Э.Мандельштама, восходит к январю 1988 г., когда в Москве, в Институте мировой литературы АН СССР, прошли Первые Мандельштамовские чтения, инициированные Комиссией по литературному наследию О.Э.Мандельштама при Союзе писателей СССР. Зал был переполнен, а на трибуну один за другим выходили такие корифеи, как С.Аверинцев, М.Гаспаров, А.Морозов, Л.Гинзбург, Г.Померанц и др. В том же году первый мандельштамовский коллоквиум состоялся и за рубежом — в итальянском Бари, а в следующем, 1989-м — в швейцарском Цюрихе.

В январе 1991 г. отмечался первый большой мандельштамовский юбилей — 100-летие со дня рождения. Одной из кульминаций чествования поэта, наряду с открытием мемориальных досок, мандельштамовскими выставками и экскурсиями в Москве, Ленинграде и Воронеже, торжественным вечером в Колонном зале Дома Союзов и созданием Мандельштамовского общества, стали Вторые Ман-

дельштамовские чтения, растянувшиеся почти на неделю: начались в Москве, завершились в Ленинграде. В том же юбилейном году состоялись ещё две конференции за рубежом: в Лондоне (с участием Иосифа Бродского) и Нью-Йорке. В последующем крупные мандельштамовские конференции, инициированные, как правило, Мандельштамовским обществом с партнёрами, проходили ещё не раз: в Москве (чаще всего), Воронеже, Санкт-Петербурге, Перми и Чердыни, Владивостоке, Ереване и Варшаве.

Нынешний юбилей носит совершенно иной характер, нежели предыдущий 100-летний. Поэт широчайшего диапазона, Мандельштам раскрывается не на гражданственном пафосе, а на философской лирике, ищущей глубину не в повседневности, а в вечности, в бесконечном культурном космосе. Собрание наследия поэта практически завершилось, и наступило время подводить итоги: готовить и издавать «Мандельштамовскую энциклопедию», новое — академическое — собрание сочинений, создавать Мандельштамовский музей (он един-

* **Нерлер (Полян) Павел Маркович** — доктор географических наук, председатель Мандельштамовского общества, директор Мандельштамовского центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), член Оргкомитета симпозиума.
E-mail: pavel.polian@gmail.com

Зуев Дмитрий Владимирович — кандидат филологических наук, ученый секретарь Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ, член Оргкомитета симпозиума.
E-mail: d_zuev@mail.ru

Видгоф Леонид Михайлович — заместитель председателя Мандельштамовского общества, эксперт Мандельштамовского центра Школы филологии НИУ ВШЭ, член Оргкомитета симпозиума.
E-mail: vidgof@mail.ru

** Проект 16-04-14106г.

ственный из поэтов первого ряда, у кого до сих пор нет «своего» музея!).

Потому и жанровый спектр этого юбилея столь широк: памятник Осипу и Надежде Мандельштамам («Памятник любви») в Амстердаме, памятные знаки в Москве, Твери и Чердыни; выставки-монографии Гослитмузея и Мандельштамовского общества «Я скажу тебе с последней прямой...» в Москве, Гейдельберге и Гранаде; тематические выставки в Москве (в частности, в «Мемориале» и в Библиотеке иностранной литературы), Санкт-Петербурге и Воронеже; песенный и театральные фестивали, художественный фильм Р.Либерова и документальный — Е. Якович; книги О.Лекманова, П.Нерлера, М.Сеславинского и др.; десятки посвящённых Мандельштаму номеров различных СМИ («Новый мир» даже выдвинул идею конкурса эссе о поэте), теле- и радиопередачи, вечера, в том числе центральный — 15 января 2016 г. — в ЦДЛ.

Эстафета, начатая 27 декабря 2015 г. ежегодной Мандельштамовской лекцией, была подхвачена тематическими мини-конференциями в Пизе в феврале («Ман-

дельштам и Италия») и в «Доме А.Ф.Лосева» в Москве в июне («Поэт-филолог»), Мандельштамовскими чтениями в Ереване и конференцией «Поэты и власть: Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Пастернак, Цветаева» в шотландском Моффате в октябре и завершена тремя самыми крупными конференциями в конце 2016 г.

Одна из них — «Мандельштамовские чтения» в Воронеже (7–9 ноября), вторая — блок из пяти заседаний под общей шапкой «К 125-летию Осипа Мандельштама: переосмысливая биографию и поэтику» на ежегодном Конгрессе Ассоциации славистических, восточно-европейских и евразийских исследований, состоявшемся в Вашингтоне 18–20 декабря 2016 г. И, наконец, третья и самая масштабная — международный симпозиум «Осип Мандельштам и XXI век», организованный и проведённый Мандельштамовским Центром Школы филологии НИУ ВШЭ, Институтом мировой литературы им. А.М.Горького РАН, Государственным литературным музеем (ГЛМ) и Мандельштамовским обществом (МО) (фото 1).

Фото 1. В президиуме В.В. Полонский, В.Б. Микушевич и П.М. Нерлер

Первый день симпозиума начался с записанного на валик голоса поэта: «Нет, никогда, ничей я не был современник...» — Мандельштам как бы предупредил собравшихся о тщете его привязки ко времени, хотя бы и к XXI в. Прозвучали приветствия (от ВШЭ — Е.Н. Пенская, от ИМЛИ — В.В. Полонский и от РГНФ — Н.Г. Денисов) и два заглавных доклада. В.Б. Микушевич в докладе «Современность Мандельштама. Осип Мандельштам — антимодернист» говорил о модернизме как об ипостаси позитивистского прогресса и о его глубинной чуждости мировоззрению и поэзии Мандельштама. П.М. Нерлер в докладе «Мандельштамовский юбилей: предварительные итоги» говорил о писательском юбилее как об особом жанре и обрисовал общую картину юбилейного контекста и событий 2016 г.

Первую секцию («Классики и предшественники») открыл доклад Г. Гусейнова «Мандельштам и античность». Блестательный анализ другого, помимо античности, пласта классики — итальянского — предприняла О. Седакова, раскрывшая итальянские мотивы «поэтического завещания» Мандельштама — диптиха «К пустой земле неволью припадая...», посвящённого Н. Штемпель. И строфически, и тематически эти два 11-стишия являются собой классическую канцону, причём именно тосканскую, воскрешающую мотивы Данте и Петрарки. Этот доклад вызвал самую оживлённую дискуссию. Тематически к нему прямо примыкали интересные доклады Л. Пановой ««И сладок нам лишь узнаванья миг...»: о мандельштамовском переводе 164-го сонета Петрарки» и А. Пенкиной — «Обращение к Данте в «Путешествии в Армению»».

Вторая секция первого дня («Современники») была представлена двумя докладами — Г.А. Загянской о Мандельштаме и В. Фаворском (вызванная им дискуссия на перекрестье искусствоведения и филологии была едва ли не самой острой на симпозиуме) и А. Петровой — о Мандельштаме и Аполлинере.

Завершением дня стал круглый стол «Акмеизм и акмеисты». Модераторы Н. Богомолов и О. Лекманов поставили вопросы: что же считать акмеизмом и кого — акмеистами? Е. Степанов добавил вопрос: когда же впервые возник самый термин: «акмеизм»? Разброс прозвучавших вынесенных на обсуждение дат варьировал широко — между осенью 1911 (О. Лекманов) и осенью 1912 г. (А. Чабан). П. Нерлер предложил, по крайней мере применительно к Мандельштаму, динамическое понимание акмеизма: в разное время поэт вкладывал в это понятие разные смыслы: от общегруппового во времена Цеха Поэтов до отрицания и отмежевания от неоакмеистов в середине 1920-х гг. и до нового переосмысления в Воронеже («тоска по мировой культуре»).

Первый день симпозиума завершился прогулкой к памятнику Осипу Мандельштаму в Москве, у которого по традиции прозвучали стихи поэта (фото 2).

Во второй день форум продолжил свою работу в ИМЛИ. Все три заседания были посвящены творчеству поэта — анализу его поэзии и прозы. Г.А. Левинтон и Е.Н. Пенская проанализировали стихотворение «Домби и сын». Доклад Д.Г. Лахути был посвящён известным «ошибкам» Мандельштама, в частности, в стихотворениях «Домби и сын», «Золотистого мёда струя из бутылки текла...», в статье «Vulgata (Заметки о поэзии)» и других произведениях.

В совместном докладе А. Фэвр-Дюпэгр и Ю.Л. Фрейдина на материале стихотворения «Рояль» было показано, что поэт хорошо представлял себе то, как устроен и функционирует такой сложный музыкальный инструмент, как рояль. Эти стихи, по мнению авторов, содержат отклик и на гибель Маяковского. В своём индивидуальном докладе «Стихи о стихах» Фрейдин проанализировал произведения поэта, посвящённые самой поэзии.

Рассматривая просоветские и антисоветские мотивы в поэзии Мандельштама, В.М. Есипов полемизировал с теми,

Фото 2. Памятник О.Э. Мандельштаму в Старосадском переулке

кто усматривает в воронежских антисталинских стихах раскаяние и дрейф на просоветские позиции. П.Ф. Успенский, опираясь исключительно на внутритекстовые параметры, выявил структурные особенности стихотворения «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...». Доклад Л.В. Савинич был посвящён просодии стихов Мандельштама. В частности, она изучила соотношение размера и ритма в стихах Мандельштама, темпа и паузации в его поэтической речи, а также мелодику стиха. Согласно Ю.Б. Орлицкому, в поэзии Мандельштама имеется нарастающая тенденция к гетероморфности, т.е. к осознанному стремлению уйти от однообразия силлаботоники.

Из четырёх докладов, посвящённых прозе Мандельштама, в трёх анализировалась «Египетская марка». Доклад В. Калмыковой был посвящён сравнению «Египетской марки» Мандельштама и «Распада

атома» Г. Иванова. Её вывод: нарративные стратегии в бессюжетной прозе «без фанбулы и героя» возможны, но при этом внешний сюжет заменяется «биографией сознания» рассказчика. Наблюдения Л.М. Видгофа — своего рода вклад в известный комментарий к этой прозе О.А. Лекманова с коллегами: он указал на новые или альтернативные подтексты (в частности, из Библии, «Арабесок» Гоголя и др.).

В докладе В. Мерлина речь шла о лингвистическом подтексте повести, о её соотнесённости с теориями Ф. де Соссюра, Н. Марра и Р. Якобсона. И. Сураг в докладе «Ворованный воздух» указала на связь темы воровства у Мандельштама с историей о якобы плагиате «Тилия Уленшпигеля». По её предположению, сам образ «ворованного воздуха» восходит к знаменитому стихотворению Верлена «Искусство поэзии».

Круглый стол, посвящённый Мандельштамовской энциклопедии (его модерировали П. Нерлер и Д. Зуев), открыли П.М. Нерлер и А.В. Наумов, рассказавшие о структуре издания и его иллюстративной составляющей. Оживлённое обсуждение вызвал, в частности, вопрос о конкордансе, т.е. алфавитном перечне всех слов мандельштамовских сочинений с указанием контекстов их употребления.

Третий, завершающий, день симпозиума проходил в Государственном литературном музее. Участников симпозиума приветствовал директор музея Д.П. Бак, рассказавший о «мандельштамовской программе» ГЛМ, венцом которой станет создание отдела О. Мандельштама в комплексе так называемых открытых хранения в новом здании на Зубовском бульваре, который мог бы стать прообразом музея поэта.

Программа этого дня и секции «Биография» открывалась докладом Н.А. Петровой «Если: варианты судьбы в поэзии Мандельштама», посвящённым семантическому ореолу слов «если» и «когда» и их связи с темой судьбы в поэзии Мандельштама. В.Н. Драницин в докладе «Ещё раз

о знакомстве Мандельштама и Гумилёва» коснулся истории встреч двух поэтов в 1909–1912 гг., высказав предположение, что их знакомство состоялось в доме А.Н.Толстого в Санкт-Петербурге в конце февраля – марте 1909 г. Д.С.Дьяков в докладе «Испытание Мандельштамом» реконструировал историю создания и деятельности областной организации Союза писателей Центрально-Черноземной области в годы воронежской ссылки О.Мандельштама и предшествовавшие им. Е.Л.Куранда на основании архивных документов представила два неизвестных эпизода из биографии художницы А.М.Зельмановой – возможного адресата стихотворений Мандельштама и автора его портрета. Завершил секцию доклад А.Г.Меца (оглашённый Г.А.Левинтоном) о С.И.Белявском, репетиторе О.Мандельштама и герое главы «Сергей Иванович» в «Шуме времени».

Секцию «Рецепция» открыл доклад М.А.Кронгауза и А.Ч.Пиперского, ознакомивших с некоторыми итогами сравнительного анализа творческого наследия Пастернака и Мандельштама на фоне других поэтов XX в. Н.М.Малыгина поделилась своими наблюдения о тематических и мировоззренческих пересечениях Мандельштама и Платонова. Е.Н.Пенская рассказала о роли Мандельштама в поэтическом мире Всеволода Некрасова. Э.Рейнольдс посвятил своё выступление особенностям восприятия Мандельштама в англоязычном мире, а также представил различные подходы к переводу произведений поэта, предложив в конце и собственный опыт (стихотворение «Есть женщины, сырой земле родные...»). С.Моранта охарактеризовал традицию переводов Осипа Мандельштама на испанский язык.

Третью секцию – «Надежда Яковлевна» – открыл Д.М.Нечипорук, обрисовавший картину восприятия произведений

жены поэта на Западе, в англоязычном мире, как одних из лучших нехудожественных текстов о сталинской эпохе. Н.А.Громова в докладе «Н.Я.Мандельштам в Ташкенте» подробно воссоздала период жизни вдовы поэта в эвакуации, где её соседями были А.А.Ахматова, Е.С.Булгакова, Л.К.Чуковская и др. С.В.Василенко сформулировал главные сложности, возникающие у текстолога при подготовке к изданию текстов Н.Я.Мандельштам, а также коснулся истории подготовки двухтомного собрания её сочинений. М.Ю.Михеев завершил заседание рассказом о Мандельштаме в восприятии драматурга А.К.Гладкова, близкого знакомого Н.Я.Мандельштам, одного из первых читателей её воспоминаний и, в свою очередь, автора увлекательного дневника, охватывающего период в 48 лет.

Обсуждение на финальном круглом столе «Мандельштам и XXI век – парадигмы и векторы изучения» (модератор П.М.Нерлер и Ю.Л.Фрейдин) показало, что одной из наиболее волнующих проблем в изучении Мандельштама по-прежнему остаётся реконструкция отношения поэта к советской власти. По окончании круглого стола был показан фильм о памятнике Мандельштаму работы скульптора А.Красулина.

Участники симпозиума приняли резолюцию, в которой выразили беспокойство по поводу реконструкции сквера с памятником О.Мандельштаму в Старосадском переулке и предложили переименовать прилегающий к памятнику сквер в «Сквер Осипа Мандельштама», а также установить мемориальную доску на доме по Б.Академической улице, где жила Н.Я.Мандельштам. Был признан насущным выпуск нового академического собрания сочинений О.Мандельштама. По результатам симпозиума готовится сборник его материалов.

Д.В. ТРУБОЧКИН*

Международная конференция «Театр и театроведение в начале XXI века: поиски, проблемы, тенденции» (Москва, 15–16 ноября 2016 г.)**

Международная научная конференция «Театр и театроведение в начале XXI века: поиски, проблемы, тенденции» была организована в связи с необходимостью создать постоянно действующий научный форум, посвящённый разнообразным проблемам современного театра и собирающий на одной площадке ведущих российских театроведов, режиссёров, актёров, художников и всех, кто причастен к театральному процессу.

Потребность в общей системе координат для различных суждений о театре сегодня очень велика; только театроведение как наука (а не театральная публицистика и не газетная критика) способно сегодня создать такую систему для всех, кто мыслит и пишет о театре, в том числе для газетных критиков и просто заинтересованных зрителей.

Конференция преследовала две цели: обсудить состояние и пути развития современного театра; консолидировать театроведческое сообщество для обсуждения состояния и перспектив современной театральной науки и критики.

В оргкомитет конференции вошли ведущие театроведы и театральные

практики России: председатель оргкомитета — автор этой статьи; члены оргкомитета: К.А.Райкин, А.Е.Полянкин, А.В.Бартошевич, В.Ю.Силюнас, В.И.Максимов, П.В.Абрамов.

Форум прошёл в конференц-зале комплекса «Райкин-плаза» и в помещениях Театральной школы Константина Райкина. Это первая конференция, посвящённая театру и театроведению, организованная при поддержке РФФИ (фото 1).

В рамках конференции работали четыре секции: «Тенденции современного театра», «Греческий театр: традиции и современность», посвящённая Году Греции в России и России в Греции (2016), «Реконструкция исторического спектакля», «Классический театр Востока в современной культуре». Последняя из названных секций была организована в связи с растущим в XXI в. интересом к практике восточных зрелищных искусств и усилением влияния восточного театра на мировой театральный процесс.

Были проведены пять круглых столов и организована одна дискуссионная площадка: «Театральная критика сегодня», «Древнегреческая классика

* **Трубочкин Дмитрий Владимирович** — доктор искусствоведения, заведующий сектором античного и средневекового искусства Государственного института искусствознания, проректор по научной работе и заведующий кафедрой искусствознания и гуманитарных наук Высшей школы сценических искусств — Театральной школы Константина Райкина; профессор кафедры истории зарубежного театра ГИТИСа, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: trubotchkin@gmail.com

** Проект 16-04-14029г.

Фото 1. Открытие конференции. С микрофоном Д.В. Трубочкин, организатор Конференции; за столом А.В. Бартошевич, заведующий кафедрой истории зарубежного театра ГИТИСа (Москва) и М. Шевцова, заведующая кафедрой театра и сценических искусств Колледжа Голдсмит (Лондон)

в современном театре», «Современная театральная периодика: нужны ли новые журналы о театре», «Практика индийского классического танца в современном театре», «Современная театральная критика глазами практиков театра», «Современная театральная режиссура в зеркале театроведения». Каждое из этих событий предусматривало основной доклад, выступление содокладчика и последующее обсуждение предложенной темы.

В рамках форума был также опробован формат лекции («Жанровые процессы в современном театре» В.И. Максимова) и мастер-класса в рамках круглого стола по классическому индийскому танцу (фото 2). Организаторы сочли существенным разнообразить структуру конференции за счёт различных по формату событий: секция, круглый стол, дискуссия, лекция, выступление, мастер-класс. Опыт показал, что структура с неоднородными составляющими лучше всего позволяет

удерживать внимание современной аудитории, в составе которой довольно большой процент молодёжи, и привлекать к обсуждению театра людей с различными интересами в этой области – теоретическими и практическими.

Первую группу проблем, поднятых на конференции, можно обозначить как «Тенденции современного мирового театра». Основным сообщением на эту тему стал доклад, прочитанный М. Шевцовой (Колледж Голдсмит, Лондон). Она выделила три направления современной режиссуры: «кросскультурность» (cross-cultural), проявляющаяся в соединении разных языков и разных культурных традиций в одном спектакле; «медиа», предполагающая активное использование современных медийных средств (видеотрансляций, голографии, видеопроекций и пр.) в комбинации с игрой живых актёров; и «режиссура/дизайн», проявляющиеся в повышенном внимании к сценографии, свету, бутафории, костюмам и

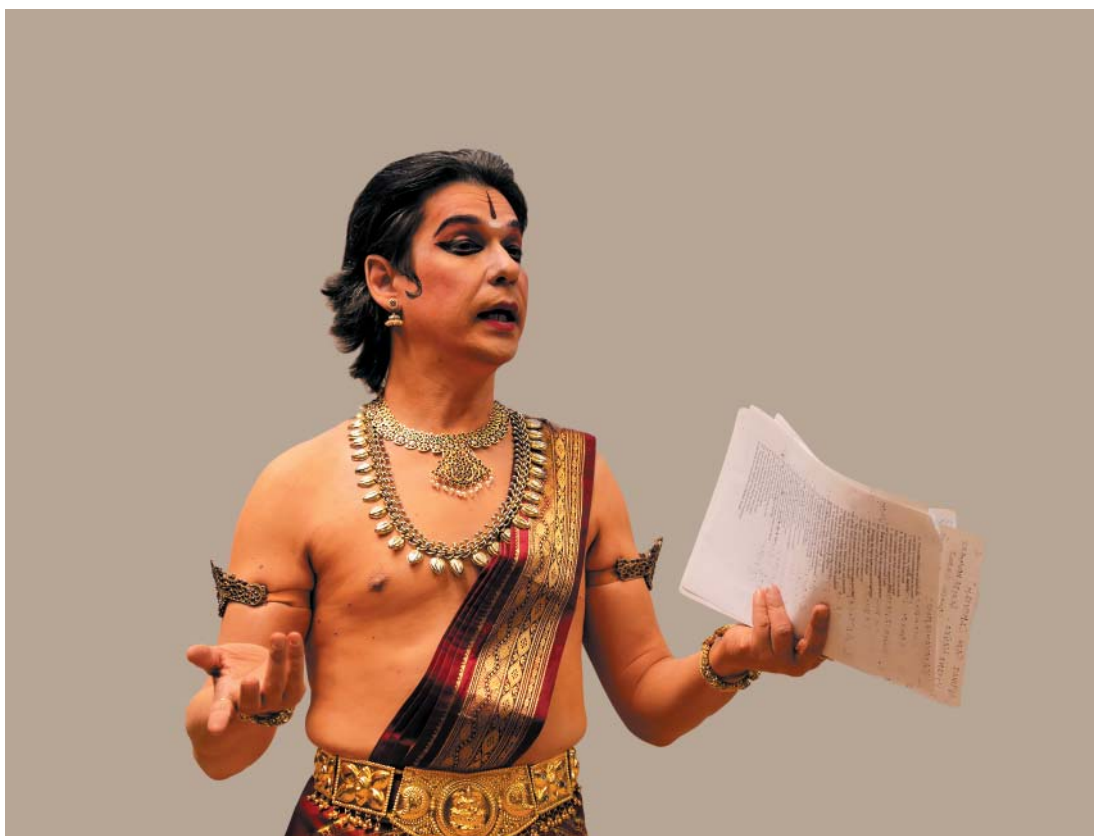

Фото 2. Круглый стол по индийскому классическому танцу. Доклад Д.В. Змеева, танцовщика и хореографа, ведущего в России специалиста по индийскому классическому танцу (Москва)

к использованию в спектакле вещей — всё это трактуется как элементы спектакля, не менее важные, чем игра живых артистов.

Другие выступавшие (А.В. Бартошевич, В.Ю. Силюнас, В.И. Максимов и др.) сосредоточили внимание на проблеме современных жанров; на том, какие спектакли можно считать определяющими путь для современного театра («Эдип царь» Р. Туминаса в Театре им. Вахтангова и «Сон в летнюю ночь» И. Поповски в Мастерской Фоменко) и какие драматические тексты являются показателями творческих способностей современной эпохи («Гамлет» В. Шекспира).

Ещё одна группа проблем относится к истории театра и может быть обозначена как «Реконструкция исторического спектакля». Ей была специально посвящена секция, которую координировал автор этой статьи и в которой звучали доклады по широкой проблематике европейской

зрелищной культуры — от античных масок до праздничных зрелищ Вены и Праги при дворе Габсбургов. К этой же теме примыкал мастер-класс по индийскому классическому танцу (Д. Змеев), основанному на древнеиндийских трактатах IV в. до н.э. и IV в. н.э., а также доклад-демонстрация А. Толшина, показавшего, как маска — древнейший инструмент создания образа — помогает современному актёру расширить свой технический диапазон.

Этот раздел научной проблематики конференции ясно продемонстрировал, во-первых, что история как наука по-прежнему является хранителем важнейшей методологии театроведения — реконструкции; во-вторых, что история как историческая память театра — это неисчерпаемая питательная среда для современного театра. Традиционные театры Востока, античный театр, старинный итальянский театр по-прежнему вдохновляют практиков на создание новых произведений.

Третья группа проблем, затронутых на конференции, может быть названа «Место критики в современном театральном процессе». Важнейшим в этом разделе был доклад К.А.Райкина «Современная театральная критика глазами практика театра» (фото 3). Вероятно, впервые за всю историю конференций по театру и театроведению последних десятилетий по отношению к критике была включена обратная «оптика»: теперь не критик судил о спектакле и его создателях, а создатель спектакля судил о критике, его разбирающем и интерпретирующем. К.А.Райкин подчеркнул чрезвычайную важность критики для театрального процесса: критика учит понимать театр, место спектакля в современной культуре, а создателям спектакля показывает то, что неизбежно ускользает от внимания в их работе. Однако современному критику необходимо понимать процесс создания спектакля, и его разбор должен быть не деструктивным, а созидательным (что не исключает порицания), с тем чтобы служить строительству и улучшению театра.

Другие сообщения по этой проблематике (А.Бартошевич, О.Егошина и др.) развивали идею критики как зеркала современного театрального процесса и констатировали как трудности, так и преимущества современного момента для критики. С одной стороны, положение газетного критика требует немедленного отзыва после премьеры, когда спектакль ещё не окреп, а времени на его осмысление перед написанием статьи почти нет; с другой стороны, насыщенность современной информационной среды вокруг спектаклей, благодаря Интернету, даёт возможность погружать каждый спектакль в атмосферу, способ-

Фото 3. Доклад К.А. Райкина, художественного руководителя Театра «Сатирикон», художественного руководителя Высшей школы сценических искусств (Москва)

ствующую внимательно к нему отношению.

Два доклада зарубежных участников – художественного руководителя Национального театра Греции С.Ливафиноса (фото 4) и заведующего кафедрой театроведения Афинского университета П.Мавромустакоса – были посвящены проблеме традиции и современности в театре и строились в основном на материале античной драматургии. Исследователи не только познакомили слушателей с интереснейшей творческой жизнью современного греческого театра, почти не из-

Фото 4. Лекция С. Ливафиноса, художественного руководителя Национального театра Греции (Афины)

вестной в России, но ещё раз показали, что проблема взаимодействия традиции и современности является центральной для мирового театра в целом.

Наконец, презентации нового театроведческого журнала «Замыслы» и серии книг выдающегося театроведа Н.Казминой привлекли внимание участников к современной публикаторской деятельности в области театра, где есть и свои трудности, и новые свершения.

В целом конференция показала, что только регулярное, коллективное обсуждение проблем современного театра с привлечением научной молодёжи и студенчества способно существенно повысить уровень понимания театра и театральной науки, оказать позитивное влияние на смежные с наукой сферы — театральную критику, журналистику и даже стихийное обсуждение спектаклей, весьма распространённое в социальных сетях.

Многие участники форума были едины в стремлении скоординировать создание и осмысление нового понятийного аппарата, пригодного для исследования современного театра. Специально было привлечено внимание к современным западным теориям театра (особенно в лекции В.И.Максимова), которым в последнее время у нас уделяли мало внимания: это — шаг к преодолению того водораздела, который традиционно существует между зарубежной и русской театроведческой методологиями.

При подведении итогов работы форума практически все участники высказались за то, чтобы конференция «Театр и театроведение в России в начале XXI века» проводилась регулярно (раз в два года или ежегодно) и тем самым превратилась в постоянно действующую научную и дискуссионную площадку, посвящённую современному театру и театральной науке.

МИР КНИГИ РФФИ

Д.Н. ШЕВЕЛЁВ*

Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.): Сборник документов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 1. — 748 с.; Т. 2. — 734 с.**

В советской историографии Гражданской войны в России наблюдалось немало парадоксальных явлений. К их числу можно отнести широкое использование для характеристики лагеря контрреволюции терминов «колчаковщина», «колчаковское правительство», «колчаковский режим», «колчаковский террор» и т.п., производных от фамилии адмирала А.В.Колчака, при жёстком табуировании, однако, любой информации, которая содержала бы объективные данные об этом человеке и его деятельности.

К настоящему времени вышли в свет многочисленные статьи и документальные публикации, издано около двух десятков специальных монографий, посвящённых Александру Васильевичу Колчаку. К сожалению, не все авторы этих книг обладают надёжными знаниями фактического материала и объективностью в освещении А.В.Колчака в качестве Верховного правителя. Есть книги откровенно апологетические, вводящие читателей в заблуждение. Хотелось, чтобы этот недостаток был исправлен как можно быстрее благодаря появлению фундаментальных исследований, основанных на максимально широком круге достоверных отечественных и зарубежных источников.

Одним из таких ключевых комплексов источников являются журналы заседаний Совета министров Российского правительства. Так случилось, что во время Гражданской войны Омск стал местом пребывания трёх последовательно сменивших друг друга высших органов государственной власти контрреволюции: Временного Сибирского правительства (26 мая – 3 ноября 1918 г.), Временного Всероссийского правительства (9 октября – 17 ноября 1918 г.) и Российского правительства (18 ноября 1918 – 11 ноября 1919 г.). Именно Российское правительство, пришедшее к власти результате государственного переворота в ночь на 18 ноября 1918 г., некоторые историки и называют «колчаковским».

* **Шевелёв Дмитрий Николаевич** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: shev-dn@yandex.ru

** Проект 15-01-16503д1.

С формально-юридической же точки зрения ни «колчаковского», ни «омского» правительств никогда не существовало.

Несомненно, что основанием для такого наименования стало то, что согласно «Положению о временном устройстве государственной власти в России», которое считалось «конституцией» нового режима, осуществление верховной государственной власти возлагалось на Верховного правителя, которым являлся А.В. Колчак. Но, согласно этому же документу, все проекты законов и указов поступали на утверждение Верховного правителя только по итогам их предварительного рассмотрения и одобрения Советом министров. В свою очередь все акты Верховного правителя вступали в законную силу только после того, как скреплялись председателем Совета министров или главным начальником профильного ведомства. Иначе говоря, Российское правительство составляли Верховный правитель и Совет министров, которые действовали солидарно.

Парадоксально, но факт: ни один из авторов многочисленных монографий, посвящённых А.В. Колчаку, не изучал журналы заседаний Совета министров, а большинство из них даже не обращались к документам фонда Совета министров Российского правительства. Ссылок на эти материалы нет даже в лучшей на сегодняшний день историко-биографической книге о А.В. Колчаке, принадлежащей П.Н. Зырянову, опубликованной в серии «Жизнь замечательных людей» и выдержавшей уже несколько изданий.

Рецензируемый двухтомный сборник документов, составителем и научным редактором которого является доктор исторических наук, заведующий сектором Института истории СО РАН профессор В.И. Шишкин, в значительной мере ликвидирует этот историографический пробел. В сборнике опубликованы журналы заседаний Совета министров Российского правительства за всё время его существования. Структурно двухтомник

состоит из введения, включающего краткий историографический обзор и изложение археографических принципов, которыми руководствовались составитель и научный редактор; основной части, в которой содержатся журналы заседаний Совета министров; комментариев к журналам заседаний, данных в каждой главе; текстуальных примечаний и списка сокращений. Не буду скрывать: двухтомник впечатляет объёмом проделанной работы.

Сборник содержит все без исключения журналы заседаний Совета министров Российского правительства, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и в совокупности насчитывающие 303 документа. Принципиально важно, что 270 из них, т.е. подавляющее большинство, являются подлинниками журналов заседаний Совета министров, которые вполне обоснованно оцениваются научным редактором как наиболее полный и достоверный источник информации.

Лишь небольшая часть опубликованных документов квалифицируется как машинописные копии и машинописные отпуски (соответственно 15 и 18 документов). Их качество оставляет желать лучшего, а полнота и достоверность информации иногда вызывают сомнения и требуют дополнительного поиска источников. Причины такого положения дел объясняются тем, что большая часть этих документов относится к ноябрю 1918 г., когда технический аппарат управления делами Совета министров находился в стадии реорганизации, и ко второй половине декабря 1919 г., когда он подвергся резкому сокращению, а исполнительская дисциплина сотрудников упала.

Журналы заседаний Совета министров структурированы в двухтомнике в 14 глав, выделенных по хронологическому принципу: каждый месяц составляет отдельную главу. Такой способ организации фактического материала в данном случае — при отсутствии общепринятой научным сообществом периодизации деятельности Российского правительства —

является, видимо, единственно возможным и оправданным.

Не трудно убедиться, что заседания Совета министров имели разный характер. В одних случаях это были заседания так называемого большого Совета министров, который состоял из министров, управляющих министерствами и ведомствами, в других — заседания малого Совета министров, в который входили товарищи и помощники министров, начальники (директора) крупнейших департаментов министерств и ведомств. Из 303 опубликованных журналов 239 являлись заседаниями большого Совета министров, 63 — заседаниями малого Совета министров и один, состоявшийся 17 ноября 1919 г. в Иркутске, значится как заседание Особого присутствия Совета министров, которое по своему составу обладало компетенцией малого Совета министров. Официально распределение вопросов, подлежавших обсуждению на заседаниях большого или малого Совета министров, являлось прерогативой председателя Совета министров. Реально же чаще всего этим занимался управляющий (затем — главноуправляющий) делами Верховного правителя и Совета министров.

Анализ вопросов, обсуждавшихся на заседаниях большого Совета министров, позволяет установить, что на них решались в основном внутривластные и внешнеполитические, военные, экономические, финансовые, организационные и важнейшие кадровые проблемы, рассматривались проекты указов Верховного правителя, проекты постановлений Совета министров и обращений Российского правительства к населению, подготовленные для их последующего представления на утверждение Верховным правителем или для опубликования Правительствующим сенатом; вносились изменения и дополнения в действующее законодательство. Как правило, вопросы в повестку дня заседаний большого Совета министров включались по представлению министров, иногда — по предложению

председателя Совета министров или управляющего (главноуправляющего) делами Верховного правителя и Совета министров и в очень редких случаях — по распоряжению Верховного правителя.

Малый Совет министров, который был создан для разгрузки Совета министров от мелких дел и начал функционировать с 23 ноября 1918 г., рассматривал в основном текущие вопросы, которые не включались в повестку дня заседаний большого Совета министров. В их числе особенно много было вопросов административно-территориальных, кадровых, финансовых, о должностных окладах служащих, о назначении пенсий, об утверждении смет доходов и расходов, об утверждении штатных расписаний структурных подразделений министерств и ведомств и др.

Заседания Совета министров проходили в двух режимах: в открытом и закрытом. Но одно из последних заседаний, состоявшееся в Иркутске 5 декабря 1919 г., было оформлено как секретное. В закрытом режиме проводились заседания только большого Совета министров. Однако 8 сентября 1919 г. состоялось единственное закрытое заседание малого Совета министров. На закрытых заседаниях Совета министров, которых всего было 118, имели право присутствовать министры и управляющие министерствами, лица, замещающие министров и управляющих министерствами на основании указов Верховного правителя, управляющий (главноуправляющий) делами Верховного правителя и Совета министров, один из товарищей управляющего (главноуправляющего) делами Верховного правителя и Совета министров, а также другие лица, но только по особому для каждого отдельного вопроса приглашению председателя Совета министров. На открытых заседаниях присутствовал более широкий круг руководящих сотрудников министерств и ведомств, но их участие в заседаниях Совета министров в журналах почти никогда не фиксировалось.

Журналы заседаний Совета министров зачастую содержат уникальную информацию, позволяющую преодолеть многие укоренившиеся не только в общественном сознании, но и в исторической литературе мифы. Приведём только один пример. В советские времена из книги в книгу кочевало утверждение о том, что А.В.Колчак насильственно захватил государственную власть и установил свою военную диктатуру. Однако обстоятельства того, как это произошло, в советской литературе никогда не раскрывались.

Журнал заседания Совета министров от 18 ноября 1918 г. позволяет получить достаточно полное представление о том, как это было сделано. Совет министров, приняв на себя власть после ареста двух членов Директории Временного Всероссийского правительства, сначала постановил «передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета министров, присвоив таковому лицу наименование Верховного правителя». Затем Совет министров принял «Положение о временном устройстве государственной власти в России» и закрытым голосованием произвёл баллотировку на должность Верховного правителя. Выборы были альтернативными из двух кандидатур: одна из них — бывший член только что свергнутой Директории, Верховный главнокомандующий вооружёнными силами Временного Всероссийского правительства генерал-лейтенант В.Г.Болдырев, другой — бывший военный и морской министр этого же правительства вице-адмирал А.В.Колчак. В.Г.Болдырев в это время был в командировке на фронте, а А.В.Колчак не только присутствовал, но и выступал на заседании Совета министров. В результате голосования В.Г.Болдырев получил один голос, а адмирал — тринадцать. После оглашения этих результатов Совет министров провозгласил его Верховным правителем. Таким образом, А.В.Колчак пришёл к власти почти легитимным путём.

В историографии при объяснении причин поражения контрреволюции в Гражданской войне явно недооценивается такой важный фактор, как состав административно-политической элиты белых и красных. Публикуемые журналы заседаний Совета министров свидетельствуют о том, что у А.В.Колчака ко времени его провозглашения Верховным правителем не было своей «команды». Из-за этого он был вынужден опираться на полученный в наследство состав Совета министров Временного Всероссийского правительства, в котором почти не было людей, если не считать 4–5 человек (министра финансов И.А.Михайлова, министра путей сообщения Л.А.Устругова, управляющего министерством иностранных дел приват-доцента Ю.В.Ключникова, товарищей министра народного образования приват-доцента Г.К.Гинса и профессора П.И.Преображенского), обладавших должными знаниями и опытом. Все остальные, включая премьер-министра П.В.Вологодского, были в основном провинциальными общественными деятелями, не способными мыслить глубоко и масштабно. По своему интеллектуальному уровню они безусловно проигрывали возглавляемому В.И.Лениным советскому правительству.

Журналы заседаний Совета министров богато насыщены персоналиями, составляющими элиту белого Востока: министрами, товарищами министров, управляющими министерствами и их помощниками, директорами департаментов ведомств, влиятельными представителями военных и общественных кругов. На страницах сборника представлены и зарубежные государственные, военные и общественные деятели. В документах упоминается много конкретных событий и фактов, характеризующих российскую историю и культуру, текущую общественно-экономическую и политическую ситуацию. Зачастую эти люди и факты мало известны или даже совсем не известны современному читателю. Чтобы облегчить понимание текста, составитель

проделал большую работу по их комментированию, используя для этого широкий круг источников: периодическую печать того времени, материалы центральных и сибирских архивов, публикации историков, архивистов, краеведов. Совокупный объём комментариев составляет не менее 15% текста двухтомника.

В то же время двухтомник имеет существенный недостаток: в нём отсутствуют именной и географический указатели. Хотя, принимая во внимание обилие фамилий и населённых пунктов, составление таких указателей потребовало бы не только много времени, но и значительно увеличило бы его объём, возможно даже до трёх томов. Кроме того, несколько смущает и отличающийся от предыдущих изданий серии сам принцип отбора включённых в двухтомник документов. Напомню, что в сборниках, посвящённых Временному Сибирскому (ВСП) и Временному Всероссийскому (ВВП) правительствам, были опубликованы не только протоколы заседаний Западно-Сибирского комиссариата, Совета министров и Административного совета ВСП, Директории и Совета министров ВВП, но и тексты принятых ими постановлений. Такой подход давал читателю возможность представить законодательную деятельность антибольшевистских правительств востока России в комплексе. В рецензируемом издании этот принцип оказался нарушенным. Однако создание такого комплекса потребовало значительных усилий и отложило бы издание на неопределённый срок и сильно увеличило его объём.

Соглашусь с оценкой, которую дал сам составитель опубликованному корпусу документов и комментариям к ним во введении, что они «максимально полно и точно характеризуют реальную компетенцию и структуру Совета министров, его взаимоотношения с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком, дают представление о сложности формирования и персональном составе исполнительного аппарата Совета министров. Они позволяют получить представление обо всём том круге проблем, которые обсуждал и решал Совет министров, выяснить основные принципы его внутренней и внешней политики, изучить главные направления и результаты деятельности, оценить его компетентность в принимаемых решениях, создают необходимую и достаточно надёжную документальную основу для того, чтобы составить объективное представление о роли и месте Российского правительства в лагере контрреволюции и в истории Гражданской войны в России».

В заключение хотелось бы напомнить, что сборник документов «Совет министров Российского правительства» является хронологическим и логическим продолжением трёх других документальных сборников, ранее подготовленных и опубликованных В.И. Шишкиным при финансовой поддержке РГНФ [1–3]. Он завершает серию документальных изданий о высших органах государственной власти на востоке России, ставших весомым вкладом в расширение источниковой базы темы и в российскую историографию Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сборник документов и материалов / Сост., отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2005.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сборник документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007.
3. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): Сборник документов и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010.

А.В. ЧЕРНЕЦОВ*

Бауер Н.П. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Под ред. П.Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2015. — 816 с.: ил.**

Рецензируемая книга представляет собой сильно запоздавшую публикацию рукописи докторской диссертации крупнейшего российского нумизмата Николая Павловича Бауера (1888–1942). Защита диссертации не состоялась по причине ареста учёного и последующего расстрела.

Издание опубликовано под грифом Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН и Государственного Эрмитажа в рамках серии «История русской науки. Исследования и материалы. II».

Со времени подготовки Н.П. Бауером диссертации прошло много времени; материалы по теме исследования, окончательно дорабатывавшегося в блокадном Ленинграде, сегодня значительно пополнились, появились новые публикации, многие из которых в значительной мере перекрывают достижения, отражённые в его рукописи. Авторы некоторых из них не знали о том, что рукопись этого фундаментального исследования уцелела, или не посчитали возможным и нужным её разыскивать.

Одна из посмертных публикаций нумизмата, в которой сжато изложены

основные положения труда всей его жизни, была опубликована с авторской подписью другого учёного [1]. Этот позорный эпизод издательской деятельности Академии наук СССР не был связан с намерением учёного, согласившегося поставить свою фамилию под текстом Бауэра, присвоить себе чужие лавры. В данном случае вина за нарушение авторского права, отягощённое подлогом, падает на сталинский режим, наложивший запрет на упоминание имени репрессированного учёного, и на отследивавшее его соблюдение цензурное ведомство тех времён.

Н.П. Бауер был нумизматом с необычайно широким кругозором. Первоначально он выступал в роли специалиста по западноевропейским монетам (причём не только средневековым). Вместе с тем он профессионально ориентировался в античной и византийской нумизматике. Одна из первых публикаций Бауера посвящена китайским серебряным платёжным слиткам с иероглифическими надписями (с. 598, № 4). Но главным научным исследованием его жизни стали денежные системы средневековой Руси. Поскольку

* **Чернецов Алексей Владимирович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии РАН.
E-mail: avchernets@yandex.ru

** Издание подготовлено и опубликовано при поддержке РФФИ, проекты 09-01-00080а, 11-0100148а и 14-01-16041д.

на территории Восточной Европы в течение длительного периода обращались монеты чужеземного чекана, Бауеру приходилось углубляться в проблематику восточной нумизматики (имея дело не только с чеканом Арабского Халифата и Золотой Орды, но и с монетами Сасанидского Ирана), изучать клады западноевропейских денариев и пражских грошей, а также денежно-весовые системы периода хождения серебряных слитков и запутанный вопрос об использовании меховых ценностей в роли платёжных средств. Бауер был первоклассным музейным нумизматом, хранителем и каталогизатором. В отличие от большинства современных профессиональных нумизматов он был нумизматом-историком, нумизматом-гуманитарием. В ходатайстве о помиловании, написанном Бауером перед расстрелом, он называет себя «последним нумизматом в области русской истории» (с. LXIII). Думаю, точнее было бы назвать его «историком в области русской нумизматики».

Из переписки Н.П.Бауера с А.В.Орешниковым, опубликованной в приложении к книге (с. 533–553), мы узнаём о его неоднократных неудачных попытках опубликовать ту или иную научную работу на родине. При этом его квалификация как специалиста позволяла ему посылать свои работы в ведущие зарубежные (преимущественно немецкие и австрийские) нумизматические периодические издания. Однако после 1935 г. эти связи прерываются. У Бауера принимали, как правило, небольшие работы, в частности, подборку статей по русским монетам и денежной терминологии для немецкого нумизматического словаря. Но иногда в немецкой периодике появлялись его крупные работы, по существу, небольшие монографии [2]. Две из них представляют собой предварительные варианты основных, наиболее оригинальных разделов незащищённой им диссертации. Одна посвящена кладам и находкам западноевропейских монет в Восточной

Европе, вторая – денежным платёжным слиткам.

Обратимся к содержанию книги. Прежде всего рассмотрим содержание рукописи диссертации Н.П.Бауера. Она сохранилась в трёх машинописных копиях, одна из которых была подвергнута довольно значительной авторской правке и дополнениям. Именно её П.Г.Гайдуков принял за основу. Изменению подверглось даже название работы. Первоначально оно звучало как «История древнерусского денежного обращения». Работа состоит из четырёх глав и заключения. Глава I названа «Историографический очерк», глава II – «Обращение иностранной монеты и русский древнейший чекан (конец VIII – начало XII в.)», глава III – «Безмонетный период на Руси и обращение слитков», глава IV – «Русские денежные системы времени собирания Руси вокруг Москвы (вторая половина XIV в. – 1535 г.)». После заключения в правленном автором экземпляре помещено приложение в виде таблицы «Древнерусские денежные единицы, встречающиеся в памятниках письменности <...> (по векам и годам)». К тексту примыкают 11 фототаблиц, на которых представлены 127 воспроизведений монет и денежных слитков, а также 11 карт.

По-видимому, Н.П.Бауер первоначально предполагал, что для защиты диссертации сможет ограничиться вышедшим на немецком языке исследованием «Русские находки западных монет XI–XII вв.», в связи с чем опубликовал на русском его автореферат в журнале «Проблемы истории докапиталистических формаций» (1935, № 9–10). Поскольку эта попытка не удалась, учёный решает охватить русскую нумизматику всего «доцарского» периода. После увольнения Бауера в 1938 г. из Эрмитажа, начала войны и последовавшей вскоре блокады Ленинграда вопрос о защите диссертации в конце концов становится для него вопросом выживания.

Для создания широкого историко-нумизматического полотна у Н.П.Бауера имелись значительные наработки. Сре-

ди них исследования находок на древнерусской территории западноевропейских и византийских монет, систематизация денежных слитков, анализ денежных единиц, фигурирующих в Русской Правде и других письменных источниках, участие в оживлённой полемике, связанной с атрибуцией древнейших русских монет. Важным подспорьем при создании крупного обобщающего труда был многолетний преподавательский опыт Бауера, читавшего лекционные курсы по нумизматике в Ленинградском университете. В результате он создал замечательный труд, в котором отразились его исследовательский талант, исключительная эрудиция и основательное знакомство с важнейшими нумизматическими собраниями. При этом, как и всякая крупная работа, автор которой стремится «объять необъятное», рукопись Бауера не лишена сопутствующих этому недочётов. Не все разделы книги могут быть безоговорочно оценены как исследовательские и в полной мере оригинальные. Перед нами всё-таки рукопись диссертации, а не полностью подготовленная к публикации и окончательно отредактированная автором книга. Порой чувствуются поспешность, негативное влияние стеснённых обстоятельств.

Н.П.Бауер совершенно справедливо полагал, что при столь широкой постановке проблемы автор обязан включить в исследование обширный историографический обзор.

Глава, посвящённая хождению на Руси иноземной монеты и древнейшим монетам русских князей, начинается с рассмотрения феномена обращения дирхамов Арабского Халифата. Н.П.Бауер выступает как убеждённый сторонник датирования кладов по позднейшей монете и справедливо считает крайне маловероятным значительный хронологический разрыв между чеканкой этой монеты и сокрытием клада. Сейчас эта точка зрения является практически общепринятой, но при жизни Бауера против неё нередко выступали

даже некоторые выдающиеся нумизматы. Его мысль о том, что в основе изначальной денежно-весовой и счётной системы, отражённой в Краткой Правде, очевидно, должен был находиться дирхам, самая распространённая монета, имевшая хождение на Руси в конце VIII – начале XI в., представляется неоспоримой. В разделе, посвящённом находкам на древнерусской территории византийских монет, Бауер справедливо указывает, что они здесь встречаются несравненно реже, чем дирхамы, и не могли иметь важного значения в денежном обращении.

Раздел, повествующий о древнейших русских монетах, современному читателю-нумизмату может показаться ничем особенно не примечательным. Сейчас ясно, что эта эмиссия была очень непродолжительной и, очевидно, представляла собой неудавшийся экономический эксперимент (возможно, отчасти подпитывавшийся политическими амбициями). В сущности, к такому выводу подводил нумизматов ещё И.И.Толстой. Однако часть исследователей считала такую версию неудовлетворительной. Они стремились продлить период чеканки собственной русской монеты, перенести его на эпоху экономического и политического подъёма Руси, в частности, переадресовать все монеты Владимира Святого или их часть Владимиру Мономаху. К сожалению, к подобным сомнительным умозаключениям приложил руку такой авторитетный нумизмат, как А.В.Орешников. Необходимо отметить, что Н.П.Бауер должен был отстаивать свою точку зрения (в целом совпадающую с мнением И.И.Толстого) в острой полемике с Орешниковым [3], к которому он относился с исключительным почтением и неоднократно обращался за советом и поддержкой. Расхождения усугублялись тем, что обе стороны по-разному смотрели на проблему датировки монет, обнаруженных в кладах (что было принципиально важно для решения вопроса о древнейших русских монетах). Время показало, что по двум

кардинальным вопросам нумизматики прав был Бауер, а не Орешников. Опубликованная в 1927 г. на русском языке статья Бауера о древнейших русских монетах, по мнению П.Г.Гайдукова, «поставила точку в дискуссии, длившейся <...> почти полвека» (с. XVIII).

В первой трети XI – начале XII в. на смену дирхаму приходит (в более ограниченном количестве) западноевропейский денарий. Соответственно, денежный счёт времён Пространной Правды был переориентирован уже на эту денежную единицу и на её весовые нормы. С этого времени, по Н.П.Бауеру, денежно-весовые системы русского средневековья, включая нормы серебряных слитков, отмечены преимущественным влиянием нескольких изменчивых весовых единиц западного происхождения. При этом весовая норма варяжской марки, согласно выкладкам учёного, благополучно доживает в Новгороде до 1447 г. (с. 446).

Сложные математические манипуляции, использовавшиеся Н.П.Бауером, не могут рассматриваться в качестве неопровержимых доказательств его выводов как окончательных и безальтернативных. Возможность однозначных решений оказывается под вопросом в связи с тем, что средневековые денежно-весовые нормы отличались чрезвычайными разнообразием и изменчивостью.

В главе о так называемом безмонетном периоде (XII – первая половина XIV в.) рассматриваются в первую очередь серебряные слитки, систематизации и метрологическому изучению которых Н.П.Бауер уделял самое пристальное внимание. Специальный параграф главы посвящён обращению слитков неопределённой формы и неустановленного веса. Очевидно, в качестве платёжных средств они могли приниматься только на вес. Далее автор рассматривает нормы, использовавшиеся для слитков фиксированного веса, и находит им соответствие на Западе. Любопытно, что такой вдумчивый и внимательный исследователь как Бауер

практически не проявляет интереса к довольно многочисленным слиткам с надчеканками (нередко сходными с монетными штемпелями), а также к слиткам с надписями-граффити и нарезками. Последние могли иметь счётный характер. Впоследствии их интересно интерпретировала М.П.Сотникова (1957).

Глава, повествующая о «безмонетном периоде», завершается разделом о меховых ценностях. Отношение к последним, на мой взгляд, у Бауера осталось не вполне отчётливым. В историографическом разделе он предстаёт непримиримым противником «кожаной теории». Однако вся его аргументация убедительно опровергает только представления о бытовании на Руси неких кожаных суррогатов, имевших не товарную, а кредитную стоимость. Нельзя не отметить, что использование на Руси подобных платёжных средств отмечено несколькими иностранными путешественниками, обычно писавшими о торговле давно минувших времён. Между тем возможность бытования в средневековой Руси кредитных денег опровергается фактами обострённой реакции общества на малейшие подозрения о появлении на рынке неполноценной или неполновесной монеты. Что касается использования полноценной (товарной) пушнины для крупных платежей (уплаты дани, приобретения земельных участков), то подобная практика известна как в свидетельствах древнейшей части Повести временных лет, так и в актовом материале позднейшего времени. И, конечно, трудно отрицать связь с видовыми названиями пушных зверей таких наименований платёжных единиц как «куна», «бела», «веверица», «векша», «мордка кунья».

В главе, посвящённой эпохе собирания русских земель вокруг Москвы, описывается возрождение чеканки собственной монеты на Руси. Автор справедливо указывает на то, что она начинается с изготовления подражаний золотоордынским монетам. Вместе с тем, согласно метроло-

гическим выкладкам Н.П.Бауера, ордынские весовые стандарты использовались в дальнейшем только в Рязанской земле. Исследователь остерегался делать какие-либо заключения о хождении татарских монет на Руси до подготовки исследования топографии находок золотоордынских монет. Эта работа была им запланирована на 1942 г.

Н.П.Бауер пишет о том, что великое княжество Московское быстрыми темпами снижало вес своей денги; при этом новгородские власти сознательно дистанцировались от подобной экономической политики. Вообще чеканка монеты в удельный период была отмечена присутствием эпохи феодальной раздробленности плюрализмом, во многом обуславливающимся политическим соперничеством. Фрагментарные сведения письменных источников позволяют составить представление о нескольких денежных системах, о соотношении московского и новгородского рублей, о терминологии, отражающей денежные и весовые единицы, названиях чужеземных денежных единиц, встречающихся в русских источниках. Подборка древнерусских письменных источников, в которых упоминаются денежные единицы или приводятся сведения об их системах и соотношениях, отличается в рассматриваемой работе исключительной полнотой. Можно сказать, что филологическая и лексикологическая составляющая историко-нумизматического исследования Бауера подготовлена на высочайшем профессиональ-

ном уровне. Использованные им свидетельства иностранцев о древнерусском денежном обращении до его работы никем в научной литературе в таком объеме не привлекались.

Публикация рукописи диссертации Н.П.Бауера представляется весьма отрадным событием. Она не только возвращает её автору законное место в истории отечественной науки. Книга Бауера являет собой великолепный образец старой академической науки. В отличие от современных нумизматических работ, посвящённых преимущественно или определениям и каталогизации, или анализу и топографии кладов и отдельных находок, она может рассматриваться как комплексное историко-нумизматическое исследование не кладов и музейных собраний, а динамики денежного обращения. Очень хотелось бы, чтобы Бауер не стал в отечественной историографии последним исследователем такого склада и уровня.

Оценивая вышедшую книгу, следует сказать, что имеющиеся в ней недочёты всё же носят сугубо частный, нередко — чисто технический характер. Публикация, пусть сильно запоздалая, книги Н.П.Бауера — значительное событие для нумизматов, историков и археологов. Колоссальная работа по сбору материалов о Н.П.Бауере, подготовке к печати его основного труда с современными высокопрофессиональными комментариями и дополнениями, проведённая П.Г.Гайдуковым и его помощниками, вызывает глубокое уважение и признательность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов Б.А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. I: Материальная культура [Глава 9] / Под ред. Н.Н.Воронина, М.К.Каргера и М.А.Тихановой. М.; Л., 1951. С. 370–396.
2. См. напр.: Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Berlin, 1929. Bd. 39. S. 1–187; Berlin, 1930. Bd. 40. S. 188–210.
3. См.: Орешников А.В. Рец.: Н.Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. / Известия ГАИМК. Т. V. Л., 1927 // Seminarium Kondakovianum. II. Prague, 1928. P. 365–366.

Г.В. СКОТНИКОВА*

Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века – начала XXI века. 1917–2017: В 3 т. / Сост., вступит. ст. А.Л.Казина. СПб.: Алетейя, 2016. — Т. 1: 1917–1934. — 544 с. — (Серия «Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры»)**

О России петь — что стремиться в храм...

И. Северянин

Презентация первого тома трёхтомного издания «Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века – начала XXI века. 1917–2017: В 3 т. Т. 1: 1917–1934» состоялась 7 декабря 2016 г. в петербургской «Лавке писателей». Коллективный труд, осуществлённый представителями разных областей гуманитарного знания (философами, культурологами, литературоведами, искусствоведами), — значительный шаг в развитии русского самосознания. Таким его делают, прежде всего, исследовательское кредо, методологическая фундаментальность — опора на глубинную исконно русскую традицию философии культуры, магистральную линию которой современный историк философии определяет термином «метафизический персонализм» [1]. Подобная позиция подразумевает, что органика исторического развития культуры России сохраняется благодаря верности ценностному ядру народного духа в каждой индиви-

дуальной человеческой душе. Задача исследователя — довести до сознательного выражения смысловое содержание, раскрыть субстанциональные корни конкретных культурных феноменов. Авторы исследования рассматривают художественно-культурные реалии сквозь призму православной духовности.

«Нет силы творчества и действительности народного духа... без национального самосознания», — писал классик русской философии, психолог, глубоко постигший своеобразие русского духовного склада, Пётр Евгеньевич Астафьев (1846–1893) [2, с. 35–36]. Этот выдающийся философ отмечал, что одно «из священнейших и величайших, самое малое им причастное возвеличивающих дел жизни — дело *родного национального самосознания*» [2, с. 46]. Необходимо подчеркнуть, что многолетняя проработка культурфилософской позиции, определение верного ключа к осмыслению многосложных испытаний, «которым подвергает Россия

* **Скотникова Галина Викторовна** — доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры.
E-mail: tatyana3@mail.ru

** Проект 15-04-00093а.

свою таинственную судьбу» (Ф.И.Тютчев) в истории, плодотворно осуществлены в трудах идейного вдохновителя проекта Александра Леонидовича Казина [3], ставших методологической основой коллективной монографии.

По-прежнему, как в XIX–XX, так и в XXI в., самым существенным остаётся вопрос о нашей духовной самобытности. Стремление разрешить его есть мощная движущая сила жизни. Напомню мысль Н.Н.Страхова (1928–1896), полагавшего, что *идеал образованного человека — это человек, достигший сознательной самобытности*. Н.Н.Страхов понял и сформулировал главную проблему: «Без сомнения, коренное наше зло состоит в том, что... вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества, прямой связи с нашей жизнью, с нашими собственными духовными инстинктами» [4, с. 5].

Авторов объединяет ощущение сути русского духа, которое укоренено в православии, определяющем духовную основу Русской цивилизации. Исследователи «смирненно отыскивают» свою «неведомую Русь», «угадывают её любимый лик», идя по пути осознания глубинных, чистых истоков отечественной *художественной* традиции, обращаясь к анализу многообразных её форм, свидетельствующих о духовно-душевном состоянии русского человека в сложнейший период истории Отечества. Н.Я.Данилевский писал: «Красота есть единственная духовная сторона материи, — следовательно, красота есть единственная связь этих двух основных начал мира. “...Требование красоты есть единственная потребность духа, которую может удовлетворить только материя”... “Бог пожелал создать красоту, и для этого создал материю»» [5, с. XXXI].

Итак, *объектом* исследования в данной книге является *художественная* материя — литература, изобразительное искусство, музыка, театр, кино.

Новизна данной работы определяется, прежде всего, предметом исследова-

ния, каковым предстаёт художественная культура России XX – начала XXI в. (1917–2017) в аспекте проявления в ней христианского, национально-православного духовного опыта. В таком ракурсе постоктябрьская эпоха художественного мира России ещё не становилась предметом систематического рассмотрения. Ведь метафизическая парадигма, сутью которой является постижение архетипических основ русской культуры, — мощная тенденция отечественной гуманитаристики последних двух десятилетий [6].

Авторы первого тома обращаются к периоду 1917–1934 гг., когда *разрыв* с национальной традицией был жёсткой реальностью времени, а «существование и даже развитие русской культуры» происходило «в клубке трагических противоречий» (с. 496). В середине 1920-х гг. Андрей Белый писал в дневнике: «Чем интересовался мир на протяжении тысячелетий, рухнуло на протяжении последних пяти лет у нас. Декретами отменили достижения тысячелетий...» (Там же).

В сфере художественной культуры в качестве *главного инструмента* разрушения национально-культурной традиции, «освобождения» от наследия прошлого большевики использовали авангардистские группы, работавшие под лозунгами: «Разрушать — это значит создавать, мы преодолеваем своё прошлое» (с. 465). «Мы во власти мятежного, страстного хмеля, пусть кричат нам — вы палачи красоты. Во имя нашего завтра сожжём Рафаэля, закроем музеи, растопчем искусства цветы» (А.Кручёных). Однако когда функция по «расчистке» была авангардом выполнена и встали созидательные задачи, с середины 1920-х гг. началась сокрушительная борьба с его представителями.

Очень важен *критерий искусства*, избранный авторским коллективом книги, решение проблемы, приобретшей в настоящее время, как известно, остроактуальный характер. Таковым критерием предстаёт способность художника видеть творение в «Божием луче». Авторы испо-

ведуют позицию, выраженную И.А. Ильиным, который подлинное искусство называет *художественным искусством*: «...борьба за художественность произведения (здания, скульптуры, картины, сонаты, пьесы, танца, поэмы, романа) есть в то же время борьба за преодоление прошлого (т.е. бездуховности как безблагодатной пустоты) и обратно. Поэтому можно было бы сказать, что искусство даёт опытное переживание священной глубины в привычно-несвящённых образах действительности. Истинное искусство говорить человеческому духу о Духе и духовном; и чем художественнее эта речь, тем ближе искусство подходит к религии, — не в том смысле, что оно выбирает конфессиональные образы и темы, но в том смысле, что оно раскрывает в самом простом, обыденном, светском образе, в с виду незначительной теме — сокровенную значительность, предметную глубину, духовный огонь, Божий луч, Божие веяние и присутствие. И в этом его очистительная сила» [7]. Служение художественному искусству А.Л. Казин называет «подвигом художника в наше апокалиптическое время» (с. 27). Замечу, что личностное начало, выраженное в подвижничестве (причём как в церковной, так и в светской сферах), всегда было в России стержнем её соборного спасения.

Хотелось бы подчеркнуть, что каждому автору данной монографии присущи высокий профессионализм, радость свободы творческого высказывания. Подавляющая часть текста книги (примерно 400 страниц из 544) посвящена *литературе*, поэзии и прозе, в которых воплотился трагический «путь современной... России, отрекшейся от призвания быть Русью Святой, но в тайниках души сохранившей памятные знаки этого призвания». Именно мир литературы ведёт авторов и читателей к пониманию глубинных духовных причин «сокрушительных мировоззренческих и государственных переворотов, охвативших Россию в нача-

ле XX в. и подспудно действующих до сих пор» (с. 35).

Статьи книги образуют три содержательных блока: восприятие христианской традиции литераторами Серебряного века, русского Зарубежья и советского периода.

1. *Беспочвенность* большинства представителей серебряного века, «нового религиозного сознания», возвращавшихся «в церковь, с желанием её учить» (В.В. Розанов), предпочитая «произвольные фантазии на “христианские темы”» (с. 79) процессу сознательного воцерковления. Например, осмысление творческого пути Блока, которого притягивали «гибельные бездны», столь явно заявившие о себе в финальных строках поэмы «Двенадцать», через пустоту, «ничто», их кощунственной, в словесном контексте, ритмики. Или рассмотрение вихрей духовной эклектики характерного выразителя кризиса «рубежа» Андрея Белого, в творчестве которого, как писал Ф.А. Степун, «нет тверди, причём ни небесной, ни земной» [8], он был существом «крылатым, но лишённым корней».
2. *Православное мироотношение* [9] писателей Русского зарубежья. «То есть миропонимание, которое основывается на христианском учении о мире, о человеке, об истории и вечности. Такое произведение так или иначе отражает высшую духовную реальность, учитывает её действительное присутствие в бытии» (с. 349). (Раздел «Дар веры»).
3. *Духовный реализм советской литературы* представлен в высшей степени интересным анализом творческой позиции В. Шишкова, его неадекватного восприятия как советским, так и постсоветским сознанием.

Вместе с тем среди поэтов Серебряного века уникальное положение занимал Н.С. Гумилёв. Как пишет Ю.В. Зобнин: «Духовный и творческий облик Гумилёва — человека, художника и мыслителя не исчерпывается его православностью, но определяется ею» (с. 79). Напротив, сре-

ди советских литераторов роль богоборца играл Горький, крупнейший писатель 1917–1934 гг. В статье А.В. Моторина «Богостроитель Горький» дана убедительная картина полного отрицания Православия. Автор отмечает: «Горький очень не любил православие. Его нелюбовь сложилась в детстве и отражала усреднённое отношение российского общества той эпохи к отечественной вере. Своим творчеством писатель такую неприязнь отражал, выражал и распространял» (с. 138).

Однако представляется, что в очерке о творчестве С. Есенина, написанном увлечённо и ярко, автор невольно поддаётся искушению тенденциозного видения, умаляя масштаб, вернее необъятность, художественного дара Есенина. Исследователь пишет о «колдовской, мрачно-ночной», «демонической» сущности есенинской лирики, усматривая «языческую магию» в таких, например, строках: «Сыплет черёмуха снегом, / Зелень в цвету и росе. / В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе...». Или: «Родился я с песнями в травном одеяле / Зори меня вешние в радуго свивали. / Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, / Сутемень колдовская счастье мне пророчит» (с. 190–191). Вспоминается достойнейший ответ С. Есенина самым разным его истолкователям: «Я сам знаю, кто я есть в своей земле».

В разделе «Музыка» скрупулёзно восстанавливаются утраченные страницы церковно-певческой культуры послереволюционного лихолетья (Т.А. Чернышёва), показываются поиск и обретение духовных смыслов композиторами русского Зарубежья (А.В. Горн, О.И. Гладкова), раскрывается уникальный феномен дарования композитора И. Вышнеградского, создателя трёхклавиатурного четвертитонового фортепиано, человека, стремившегося в новых звуковых пространствах воплотить храм России (О.И. Гладкова).

Написанный Е.В. Ждановой раздел «Изобразительное искусство» лаконичен и ёмок по своему содержательному на-

полнению. Автор характеризует творчество Казимира Малевича, Павла Филонова, Натальи Гончаровой, Константина Юона, Игоря Грабаря, Кузьмы Петрова-Водкина, Михаила Нестерова. На примере неосуществлённого замысла «Реквиема» Павла Корина акцентируется вопрос об изображении духа средствами религиозной живописи Ренессанса и русской иконописной традиции.

Похвальное слово И.Э. Грабарю как организатору и научной, и художественной деятельности на посту председателя Комиссии (Е.В. Жданова именуется эту Комиссию на свой лад «Комиссия по реставрации памятников иконописи и живописи», с. 484) по сохранению и раскрытию памятников древней живописи в России (1918–1924) и директора Центральных государственных реставрационных мастерских (1924–1930), к сожалению, не сопровождается каким-либо вниманием к труду реставраторов древнерусской иконописи (И.И. Анисимов, В.Т. Георгиевский, Ю.А. Олсуфьев, Г.О. Чириков; выдающимся достижением в исследовании их жизни и творчества являются в настоящее время труды И.В. Кызласовой).

Панорама развития театральной и кинематографической культуры 1917–1934 г. выявлена в статьях М.Н. Любомудрова, М.А. Дмитриевой, рассматривающей русскую драматургию в Европе, и В.А. Гусака. Авторы представляют и систематизируют малоизвестные художественно-идеологические реалии, восстанавливая историческую оптику нашего современника.

Первый том задуманного трёхтомного труда «Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века – начала XXI века» – основательное, новаторское, глубоко созвучное духовным и историко-культурным запросам времени исследование, безусловно вдохновляющее на творческую работу этих и новых авторов, «других, у которых вершина ещё впереди»!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В книге Н.П.Ильина «Трагедия русской философии» (М.: Айрис-пресс, 2008. «Библиотека истории и теории культуры») разработана принципиально новая историографическая трактовка развития отечественной философии.
2. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000.
3. Казин А.Л. Последнее царство. СПб.: Наука, 1998; Великая Россия: Петрополис, 2007; Уроки русского, Homo Russikus. Маленькая национальная энциклопедия. СПб.: Алетейя, 2014.
4. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. I. СПб., 1887. Предисловие к первому изданию.
5. Сообщено Н.Н.Страховым в биографии Н.Я.Данилевского при его книге «Россия и Европа», 5-е изд.
6. Достаточно обратиться к литературоведению, медиевистике, византистике, работам в области народного творчества, архитектуры, философии культуры, принадлежащим таким учёным, как В.Н.Захаров, А.Н.Ужанков, В.А.Воропаев, В.И.Мартынов, А.М.Лидов, М.А.Некрасова, Ю.Р.Савельев, А.С.Панарин, Ю.Ю.Булычёв и др.
7. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. Т. I–II. Гл. 15: О религиозном очищении. М.: Рарогъ, 1993.
8. Степун Ф.А. Памяти Андрея Белого // Степун Ф.А. Портреты / Сост. и послесл. А.А.Ермичёва. СПб.: РХГА, 1999. С. 173.
9. Вспомним слова И.А.Ильина, осмыслявшего уроки постоктябрьской катастрофы: «И первое, что возродится в нас через это, будет религиозная и государственная мудрость восточного Православия и, особенно, русского православия» (Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. // Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 5. 1995. М.: Русская книга, 1995. С. 7.).

П.В. АБРАМОВ*

Трубочкин Д.В. Древнегреческий театр. М.: Памятники исторической мысли, 2016. — 448 с.: ил.**

В современной истории отечественной научной мысли редко случаются столь счастливые и знаковые совпадения, когда древнегреческий театр рассматривается во всём многообразии форм и эстетических категорий человеком, который тесно связан с этим театром многими научными и духовными нитями. Касается это не только великолепной филологической оснащённости автора — от древнегреческого и латыни до нескольких новых европейских языков, но и непосредственного соприкосновения с миром театра, как античного, так и современного, в силу профессиональных и научных интересов. Всё это являет нам в указанной монументальной монографии тот подвижный образ вечности, применительно не только к художественному времени и пространству, о котором говорил Платон, но и к древнегреческому театру в целом, что мы и видим на страницах книги доктора искусствоведения, профессора Д.В. Трубочкина.

Следует, прежде всего, отметить поистине уникальную наглядность издания, снабжённого почти четырьмя сотнями иллюстраций; практически

все фотоработы выполнены автором во время поездок в Грецию и в ходе посещения иных сокровищниц античного искусства в Европе. Это сразу же сообщает особую интонацию книге, и визуализация статуй, масок, архитектурных композиций не только укрупняет наше восприятие, но и расширяет семиотическую парадигму издания: древнегреческий театр подан как мир Игры, символов, интертекстуальных соответствий, сопряжённых с нашей реальной жизнью. Причём сразу отметим, связь эта прослеживается и композиционно — в приложении «Античный театр в действии», где проанализированы новейшие постановки трагедий и комедий на греческой и русской сценах.

Общий подход, который возможно было бы назвать «филолого-культурологическим» (указывается этимология множества древнегреческих терминов, проясняется перевод известных, предлагаются уточняющие трактовки к общепринятым и т.д.) соединяется с восприятием мира древнегреческого театра как мифологического Космоса. Поясним это подробнее. Следуя мысли Г.Д. Гачева о «национальных образах мира», вполне естественно увидеть

* **Абрамов Пётр Валерьевич** — кандидат филологических наук, переводчик-германист, член Goethe-Gesellschaft (Weimar), Российского Союза германистов, актёр Малого театра России.
E-mail: kafruskin@yandex.ru

** Проект 16-04-16078д.

в книге Д.В.Трубочкина именно греческий «Космо-Психо-Логос», поскольку детальный анализ архитектоники и структуры античного театра, и шире — культурно-исторического ландшафта, тесно сопряжён с греческой ментальностью, восприятием и переживанием глубины и остроты сценического действия в трагедии или комедии. Здесь, к слову, возникает и один из интереснейших исследовательских сюжетов книги: о символической роли маски, что мы детально отметим позже. Наконец, все указанные духовно-культурные аспекты воплощены в Логосе, том подвижном и динамичном слове, которое и сегодня звучит со сцены в древнегреческой драме. Всю же мифологичность подобного синтеза искусств автор монографии делает абсолютно зримой и естественной: здесь миф, словно вослед знаменитой идее А.Ф.Лосева, понимается как «объективная реальность», явленная нам во всей полноте и многообразии.

Во Введении, озаглавленном «К историографии античного театра», детально и обстоятельно рассматривается исследовательская парадигма указанного вопроса, причём среди источников большое место занимают новейшие монографии на немецком, английском и новогреческом. История древнегреческого театра, поданная в указанных изданиях с разных точек зрения, даёт автору возможность увидеть перспективы исследования античного театра, сосредоточиться, по его словам, на «деталях и подробностях» (с. 33). Магистральной линией внимания становится «...древнегреческий спектакль в художественном и социальном контексте его бытия и связанная с ним конкретная постановочная культура: пространство; сооружения и устройство; бутафория; костюмы; люди, надевавшие их; люди, обслуживающие спектакль» (с. 33).

Рискнём предположить, что это и есть та наиболее удачная на сегодняшний день динамическая модель исследования театра, где спектакль, как некий живой ор-

ганизм, является микромоделью всего античного Космоса. Выбрав подобный, во многом новаторский путь, автор в дальнейшем начинает совместное с читателем путешествие по театральному пространству Древней Греции от времён седой архаики, подробно останавливаясь на таких узловых (и относительно мало изученных в отечественном театроведении) концептах, как «миф» и «ритуал». Именно «не повторяющееся ритуальное действие, установленное в незапамятные времена, а вновь созданное, неповторимое авторское произведение искусства» (с. 49) становится одной из отправных точек бытования молодого античного театра.

Главой «Изобретение трагической маски» (с. 86) автор открывает новую страницу в исследовании, акцентируя наше внимание на символической природе маски, сфере её применения в театре. Показано, как в дальнейшем сформировались «физиогномика масок» (с. 234), противопоставление «мёртвой» и нейтральной масок в литературной традиции экфрасиса; в высшей степени интересно проанализированы «эмоции» масок, мимика, причём вся иконография масок из различных областей Древней Греции подкреплена иллюстрациями. Детально проанализированы изображения трагических масок, показана эволюция масок античной комедии и взаимосвязь с комедией дель арте.

Главы книги об организации театрального дела и форме театрального пространства гармонично соединяются с меткими наблюдениями над фактами, которые во множестве рассеяны по историческим и критическим работам древних авторов и по пьесам хорошо знакомых нам трагиков и комедиографов. Здесь проявляется великолепная источниковедческая ценность работы, позволяющая увидеть (именно увидеть — иллюстрации чрезвычайно разноплановы и соответствуют задачам текста) всё многообразие и полноту семиотического пространства античного театра: от организации средствами сценографии знаковой диспози-

ции «своё»/«чужое» до возникновения первых символических «мизансцен» как хора, так и протагонистов.

Важно отметить, что даже на первый взгляд такие «узкоспециальные» темы, как рассмотрение сценической машинерии, особенностей костюма, весьма органично вписываются в общую концепцию книги. Главы эти являются подготовкой к рассуждению о принципах и законах актёрской игры как таковой в античном театре. Пристальное рассмотрение элементов техники исполнения позволяет автору выстроить определённую систему и разрушить некий стереотип об античном актёре как о «малоподвижной статуе» (с. 314). Весьма аргументированной и яркой находкой исследователя является подход к античным текстам не только в духе классической филологии (текст как неизменяемая форма), а к тексту, который только лишь даёт импульс актёрской игре, намечая «контуры античного актёрского искусства». Отталкиваясь от идей Аристотеля («Риторика», «Поэтика»), автор выявляет ощутимую дифференцию актёрского риторического стиля по сравнению с ораторским, исследуя попутно и природу актёрского жеста, что позднее в театральном обиходе стало называться «поведенческой репликой» и в известном смысле подтолкнуло развитие пантомимы в театрах разных направлений и стилей.

Свободный дух диалога с читателем, азарт рассуждений не покидают книгу ни на минуту — везде слышна живая авторская интонация собеседника и спутника читателя по художественному пространству древнегреческого театра. Д.В.Трубочкину удаётся перекинуть мост из прошлого в будущее, поместив в Приложении свои аналитические суждения-воспоминания об увиденных современных постановках античной драмы. Очевидно, что при трактовке современным театром античности происходит известный процесс взаимоотражения: театр «вглядывается» в прошлое с помощью современной «оптики» — приёмов, сценографии,

трактовок, прочтений, перевода, наконец; а прошлое продолжает исследовать и испытывать нас в нравственном и духовном смысле. Так, постановка «Медеи» в театре им. Е.Вахтангова (2012) не просто соотносится с «Медеей» в МТЮЗе (2010), но в ней выявляется предельно современная духовно-социальная интенция, свидетельствующая о поступательном движении театра, его устремлённости в будущее.

Живым свидетелем становится автор, описывая и анализируя постановки Аристофана на фестивале в греческом Эпидавре в 2012 г.: увиденные им комедии, казалось бы, укоренённые «в древней театральной традиции» (с. 407), звучали свежо, современно, актуально освещая вполне злободневный круг проблем и противоречий.

Исследователь глубоко чувствует природу театра, судьбу его традиций в преломлении современностью — многие годы Д.В.Трубочкин читает курсы истории зарубежного театра для актёров различных творческих вузов, в частности Высшей школы сценических искусств — Театральной школе Константина Райкина — месте, где соединяются новаторские подходы с театральной традицией, а любые эмпирические идеи проверяются опытным путём на практике. Это обстоятельство также наложило отпечаток на стиль и общую оригинальную тональность исследования. Во Введении автор подчёркивает, что отказался выносить в заголовок слово «история» — такой ход представляется вполне уместным и оправданным. Перед читателем — динамичная картина становления, развития и *движения* древнегреческого театра в культурном пространстве, а значит, весьма непростая задача, поставленная автором перед самим собой, выполнена: заставить говорить с нами застывшую когда-то античность, оживить вечный, как этот мир, театр, увидев его устремлённость в будущее, иначе — воссоздать подвижный образ вечности.

Л.Г. ДАНЬКО*

Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915–1920 / Вступ. ст., расшифровка рукописи, исслед., коммент., подгот. к публ. М.Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. — 576 с.: ил.**

«Деятельность каждого человека должна меряться не столько по тому, что он после себя оставил, сколько по его деятельности при жизни и по той степени влияния, какое он имел на деятельность своих современников». Это известное изречение Гёте в полной мере подтверждается масштабом личности и подвижнической деятельностью Николая Фёдоровича Финдейзена (1868–1928) — музыкально-общественного деятеля, историка и историографа русской музыки с древнейших времён до современности, музыкального критика, создателя и бессменного редактора «Русской музыкальной газеты» (1894–1918), лектора и педагога. Всю жизнь стремившись к объединению художественных сил эпохи для процветания русской культуры, к упорядочению фактов и документов истории, он оказался в водовороте военно-революционных потрясений начала XX в.

Вышел в свет очередной, IV том уникального проекта под общим названием «Дневники Н.Ф. Финдейзена», инициированного д.иск., профессором Курского госуниверситета М.Л. Кос-

мовской. Как и предыдущие три тома, он вышел в издательстве «Дмитрий Буланин» (Санкт-Петербург) со вступительной статьей, расшифровкой рукописи, исследованием, комментированием, подготовкой к публикации М.Л. Космовской: первый том (1892–1901) увидел свет в 2004 г.; второй (1902–1909) — в 2010; третий (1909–1914) — в 2013 г.

Структура четвертого тома традиционна для издания дневниковых рукописей. Обширная вводная статья составителя-исследователя (с. 5–145) предшествует основному тексту дневников Н.Ф. Финдейзена (с. 149–351) с указанием по внешнему полю листов рукописи. Существенным дополнением служат 1425 примечаний (с. 352–543) и приложения, в которые входят список сокращений (с. 545–546), перечень иллюстраций для титула и специальной вкладки (с. 547–551), именной указатель (с. 552–574).

Во вступительной статье под названием «Годы войн и революционных переворотов в дневниках Н.Ф. Финдейзена 1915–1920 годов» обобщаются результаты многолетних научных изы-

* **Данько Лариса Георгиевна** — доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, советник ректората по научной работе Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.
E-mail: danklar@mail.ru

** Проект 16-04-16024д.

сканий М.Л.Космовской, продолженных после выхода в свет трёх предшествующих томов. Данная статья состоит из восьми крупных разделов, позволяющих проанализировать и оценить отдельные аспекты мировосприятия автора дневников, наиболее существенные факты его жизни и служения музыкальному искусству в контексте особенно значимых социально-политических событий.

В первом разделе приводятся многочисленные примеры того, как в сложнейший исторический период освещаются общероссийские и мировые проблемы сквозь призму текущей художественной жизни и профессиональных забот. Ранее усвоенный редактором «Русской музыкальной газеты» принцип аполитичности сохраняется ещё осенью 1917 г., когда с очевидным удовлетворением фиксируется: «Очередной № газеты вчера вышел и сегодня сдан на почте» (30 октября, 1917).

Несмотря на постоянный лейтмотив «нет возможности работать» в обстановке всеобщей нестабильности, Финдейзен всё более уходит в отдалённые пласты отечественной музыкальной истории. Его «Очерки по истории музыки в России с древнейших времён до конца XVIII столетия» (М.; Л., 1928–1929) — фундаментальный двухтомный труд, который сохраняет непреходящую ценность до настоящего времени. По сути своей это первый учебник по истории русской музыки, не имеющий аналогов, основанный исключительно на первоисточниках: рукописях, свидетельствах современников в летописях, археологических раскопках, памятниках материальной культуры, старинных нотах. Параллельно музыкальный критик пытается систематизировать факты творческой деятельности первого классика русской музыки М.И.Глинки и довести до печати «Словарь музыкальных деятелей в России», начатый ещё в 1892 г.

Самое же существенное в дневниках этих лет состоит не столько в регистрации исторических фактов, сколько в са-

мой оценке интеллигентом-либералом происходящих событий, наблюдениях над тем, как складываются и разрушаются человеческие судьбы, как трансформируются поведение и мышление людей в критические моменты истории. Анализу этого процесса и посвящаются следующие разделы вводной статьи с неизменной установкой на то, как Финдейзен всеми доступными для него средствами продолжает служить своему призванию по изучению и сохранению музыкального наследия России. В сложный переломный период отечественной истории он стремится предотвратить крах главного дела своей жизни — «Русской музыкальной газеты» (РМГ), всячески поддерживая её издание вплоть до 1918 г. (уже не еженедельное, а эпизодическое, сдвоенными номерами), в то время когда аналогичные издания уже прекратили своё существование. Важнейшим этапам существования РМГ, её тематике и проблематике, отношению Финдейзена к многочисленным сотрудникам, среди которых было немало выдающихся по своим музыкально-литературным достоинствам людей, посвящается более 30 страниц вступительной статьи (с. 33–68). Их информационная ценность, связанная с историей и теорией музыкальной критики и публицистики в России, столь значительна, что данный раздел вполне можно представить в качестве учебного пособия для профильных гуманитарных вузов.

Подробно освещается во вступлении и такая важная ипостась музыкально-просветительской деятельности Финдейзена, как создание и функционирование Общества друзей музыки (1909–1921), важнейшего опыта музыкальных общественных организаций в Петербурге предреволюционного десятилетия. Активность Финдейзена по объединению музыкантов – артистов и педагогов – продолжалась и в течение первых лет после Октябрьской революции, что убедительно прослеживается на страницах Дневника. Продолжением и расширением этой

темы служит следующий раздел вводной статьи, посвящённый взаимоотношениям Финдейзена с современниками: не только с сотрудниками РМГ и членами Общества друзей музыки, но также с композиторами — создателями произведений музыкального искусства, и критиками, пропагандистами творчества композиторов и музыкантов-исполнителей.

Бурная полемика в музыкальной прессе 1915–1920-х гг. оказывается в центре внимания М.Л.Космовской, отнюдь не делающей попытки во что бы то ни стало присоединиться к непримиримой позиции Финдейзена. Со свойственной ей скрупулезностью исследователь помогает читателям дневников разобраться в «некрасивых злоупотреблениях печатным словом» со стороны критиков разной эстетической ориентации, выступавших против авторитетных музыкантов. Впервые столь основательно М.Л.Космовская рассматривает весьма непростой вопрос взаимоотношений Н.Ф.Финдейзена с современниками, в том числе с оппонентами, которых в 1915–1920-х гг. становилось всё больше. В этот период внимание концентрируется на негативе, особенно на отношениях с редакцией журнала «Музыкальный современник» и др. Подробно освещается его приглашение на должность в Наркомпросе, подтвердившую важность и необходимость его обширной музыкально-общественной, просветительской и научной деятельности.

Большой исторической значимостью отличаются страницы вступления, связанные с передачей в целях сохранности уникального музыкального архива Н.Ф.Финдейзена в Отдел рукописей Публичной библиотеки.

В конце десятилетия (1918–1920 гг.) Н.Ф.Финдейзен начинает передавать материалы своей грандиозной личной коллекции на государственное хранение. В настоящее время — это один из богатейших музыковедческих архивов, и этой теме посвящён шестой раздел вводной статьи. Более шести тысяч единиц хра-

нения рассредоточены в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, архиве Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры им. М.И.Глинки и фондах Государственного Мемориального музыкального музея-заповедника П.И.Чайковского в Клину (Московская область). В седьмом разделе освещается отношение Финдейзена к Фонтанному дому, фасад которого увенчан девизом «Deus conservat omnia» («Бог сохраняет всё»): от отдельных моментов соприкосновения до двухнедельного проживания в этом уникальном в наши дни Доме-музее А.А.Ахматовой.

Восьмой, казалось бы, технологический, раздел вводной статьи — анализ текстологических и технических особенностей подготовленного к изданию Дневника, сложностей и недочётов проведённой работы, включая перечень отдельных сложнейших мест, так и оставшихся недоступными расшифровке, — раскрывает увлекательные аспекты искусствоведческого поиска в стремлении М.Л.Космовской к объективности прочтения рукописи её героя.

Главная часть книги — тексты самих Дневников, структурированные по годам и несущие печать тщательной подготовки к изданию, что проявляется в целом ряде фактов. К примеру, при трудночитаемом почерке Н.Ф.Финдейзена это проявляется в том, что осталось только два непочитанных имени, впрочем, незначительных для общего понимания текста.

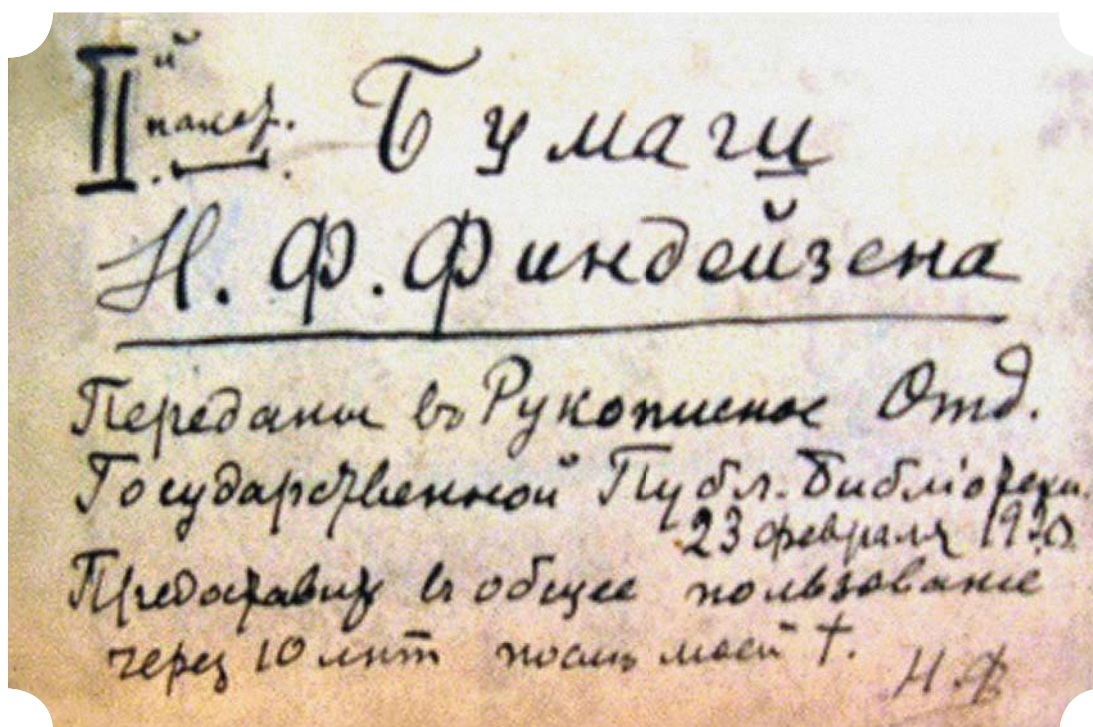
1915–1920 гг. — наиболее насыщенный политическими событиями период в жизни Н.Ф.Финдейзена. Дневники этих лет дают возможность не только узнать о происходившем с ним в годы Первой мировой войны и последующих революций, но и исследовать процесс эволюции его мышления, приводящий учёного-историка и музыканта-просветителя сначала к работе на частном предприятии — бухгалтером в Товариществе сахаро-рафинадных заводов (при этом он радовался, что загруженность служебной

работой незначительная и можно продолжать писать о музыке и издавать РМГ) и к первой в его жизни государственной службе (до этого он был владельцем собственного издания) — в Музыкальном отделе Народного комиссариата просвещения — с 1919 г.

Сведения о восприятии событий эпохи, причём не только Н.Ф. Финдейзенем, но и его современниками, как на ниве музыкального просвещения, так и в иных кругах, — один из самых интересных аспектов дневников этих лет. Второй, не менее существенный ракурс — поиск своего места в стремительно изменявшейся, а затем и совершенно новой политической и экономической обстановке. Переломный период истории страны негативно сказался на финдейзеневской деятельности: голод и разруха заставили вернуться к службе по полученной и оставленной ещё в юности коммерческой специальности — поначалу не столько ради жизнеобеспечения, сколько для поддержания и воплощения собственных

месяцев до 25-летия, закрывается. В этих условиях предложение поступить на работу в советское учреждение было хотя и с удивлением, но принято: «Чудеса в решете: Р<узский> передал моё письмо Зилоти, который сейчас же свёз его Лурье и просил меня быть, вместе с ним, в понедельник у последнего. Познакомились и через 3 минуты, буквально, он предложил место, а затем и написал приказ о назначении меня заведующим центр<альной> госуд<арственной> нотной библиотекой и библиотечным подотделом Муз<ыкального> отд<ела> комисс<ариата> народного просвещения — и даже с казённой — Коптяевской квартирой!», — читаем в записи от 6 марта 1919 г. [1, с. 283].

Завершается четвёртый том записью от 20 марта 1920 г. — датой, когда Н.Ф. Финдейзен передал весь свой личный архив, «портфель редакции» РМГ и изданный ныне Дневник, в Отдел рукописей Публичной библиотеки с табличкой-завещанием [1]:

научных и музыкально-просветительских идей. Но и это не помогает: «Русская музыкальная газета», не дожив нескольких

Приведённый фрагмент Дневника показателен в фактологическом и стилистическом планах. Насыщенность име-

нами, не сразу понимаемые высказывания — это регистрация событий для себя. Для комментатора же — простор для исторического поиска и составления примечаний. Именно этой особенностью дневников Н.Ф.Финдейзена вызвано количество пояснений, сделанных к тексту, — 1425: уточнения, пояснения, биографические и библиографические ссылки; фрагменты писем, упоминаемых в записях, и т.п. — всё это тщательная работа историка и музыковеда М.Л.Космовской, являющейся инициатором издания дневников, автором всех сопровождающих их текстов (от вступительной статьи до примечаний), редактором и в целом исследователем наследия Н.Ф.Финдейзена.

Следует обратить внимание на интересный иллюстративный материал, выполненный на глянцевой вкладке, который состоит из фотографий ближайшего творческого окружения Финдейзена, титулов основных работ за 1915–1920 гг., отдельных документов личного архива — как знамения эпохи (к примеру, машинописные удостоверения), факсимиле страниц Дневников (с вкладышами и вклейками). Всё это даёт общее представление об эпохе, людях и особенностях рукописи.

Вполне оправданным видится и тот факт, что в Указатель имён вошли только фамилии, упоминаемые в тексте рукописи Н.Ф.Финдейзена и во вступительной статье: включение новых имён из примечаний (издателей, владельцев типографий, людей из окружения, упоминающихся в тексте личностей и т.п.) только увеличило бы список, ничего не добавив для понимания главного — финдейзеновских взглядов, мыслей, идей.

Вышедший из печати четвёртый том — ещё один существенный шаг музыкознания в освоении истории культуры первых десятилетий XX в. Однако это не финал много томного проекта. Остались тетради дневников Н.Ф.Финдейзена за 1920–1928 гг., хранящиеся в архиве Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры им. М.И.Глинки. Хотелось бы пожелать, чтобы начатая в 2000 г. работа продолжалась и вышли в свет дневники последнего периода его жизни, чтобы были изданы не только «подённые рукописи» Н.Ф.Финдейзена, но и «Музыкальный дневник», и записные книжки, которые также несут немало идей вне времени значения, ведь, как совершенно справедливо писалось в «Русской музыкальной газете»: «В этой памяти мы познаем себя...» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Финдейзен Н. Распоряжение относительно своих бумаг, переданных в Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки. 23 февраля 1920 г. // ОР РНБ. Ф. 816. Оп.1. Ед. хр. 25. Л. 1.
2. Компанейский Н.И. Много званых, но мало избранных // Русская музыкальная газета. 1906. № 13. Стлб. 335–340.

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» — это новый научный журнал, учреждённый в 2017 году Российским фондом фундаментальных исследований. С 1995 по 2016 год это ежеквартальное издание регулярно выходило в свет под названием «Вестник Российского гуманитарного научного фонда». За 22 года были подготовлены и опубликованы 85 номеров журнала.

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», как и выходивший ранее «Вестник РГНФ», — это уникальное полидисциплинарное издание, в котором публикуются статьи по всему спектру гуманитарных наук: по отечественной истории с древнейших времен до наших дней, всеобщей истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, политологии, правоведению, науковедению, литературоведению, языковедению, искусствоведению, комплексному изучению человека, психологии, педагогике, социальным проблемам здоровья и экологии человека, глобальным проблемам и международным отношениям.

В журнале печатаются **ранее не публиковавшиеся научные статьи**, которые подготовлены **по итогам или в ходе выполнения научных проектов и мероприятий, поддержанных Фондом**. Эти статьи (не отчёты по проектам) должны представлять интерес для широкого круга учёных-гуманитариев.

I. Общие требования

Примерные объёмы статей:

- обзорные статьи по приоритетным направлениям гуманитарных научных исследований (на примере проектов, поддерживаемых РФФИ) — до 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);
- по исследовательским проектам — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами);
- по проектам экспедиций — до 0,4 а.л. (16 тыс. знаков);
- по проектам конференций, а также рецензии — до 0,3 а.л. (12 тыс. знаков).

Во всех статьях должны быть приведены сведения об авторах:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень;
- должность и место работы;
- руководитель (исполнитель) проекта (для авторов статей по проектам организации научных мероприятий — председатель или член Оргкомитета);
- полное название проекта и его номер (в рецензиях на книги указывается только номер издательского проекта).

В текстах статей следует использовать букву «ё», где это необходимо.

Все текстовые материалы должны быть представлены в электронном виде в формате MS Word.

Желательно наличие цветного иллюстративного материала (рисунков, фотографий, карт, диаграмм, графиков и т.д.).

II. Дополнительные требования к статьям, подготовленным по исследовательским проектам

На русском языке представляются:

1. Индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).
2. Код ГРНТИ.

3. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; контактные атрибуты: номер мобильного телефона (*не для публикации, а для оперативной связи редакции с автором*) и адрес электронной почты.
4. Название статьи.
5. Аннотация (от 120 до 250 слов), которая является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.
6. Ключевые слова от 3 до 15 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
7. Текст статьи — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами).
8. В тексте статьи должны быть ссылки на источники (не менее 15–17). Ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. При этом нельзя ссылаться на работы только одного автора, а также только на монографии: должны быть ссылки и на статьи. Обязательны ссылки на публикации последних пяти лет. При ссылках на интернет-публикации необходимо, кроме автора публикации и её названия, указывать название сайта и дату обращения.
9. Список цитированной литературы (автор, название работы, место издания, издательство, год издания и страницы: от и до — для статей или общее число — для монографий) приводится в порядке упоминания в тексте.
10. К статье необходимо приложить цветные фотографии авторов в электронном виде (требования см. в разделе III).
11. Иногородним авторам необходимо сообщить полный почтовый адрес с указанием почтового индекса (для отправки авторских экземпляров).

На английском языке в отдельном файле представляются:

1. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; e-mail.
2. Название статьи.
3. Аннотация (Abstract).
4. Ключевые слова (Keywords).
5. Список литературы (References). Библиографическое описание иностранной литературы даётся на языке оригинала. Для российских публикаций все сведения приводятся в транслитерации.

III. Требования к цветному иллюстративному материалу

Каждая иллюстрация (в том числе фото авторов) должна быть представлена в виде отдельного файла в формате JPEG с разрешением от 300 до 600 dpi.

На каждый рисунок должна быть ссылка в тексте (в круглых скобках, например, рис. 1 или фото 3). Кроме того, в отдельном файле должны быть приведены подписанные подписи.

Редакция журнала
«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»

Контактный тел.: +7 (499) 702-85-76;
e-mail: rovir@rfh.ru

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2017, № 1 (86)

Адрес редакции: 123557, Москва, ул. Пресненский вал, д. 17.
Тел.: +7 (499) 702-85-76
E-mail: info@rfh.ru
<http://www.rfh.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
e-mail: info@id-empress.ru

Технический редактор А.С. Павлючева
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 16.03.2017. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 210343

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3